ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Монография

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Монография

Под общей редакцией
кандидата психологических наук А. В. Гордеевой,
кандидата психологических наук А. А. Кацеро,
кандидата психологических наук М. И. Яновского

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2017

УДК 159.923
ББК 88.3
Л666

Рекомендовано к печати ученым советом ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (протокол № 10 от 25.11.2016 г.)

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Н. И. Гаврилов*;
кандидат психологических наук, доцент *Г. В. Тимошко*

Авторский коллектив:

Андрюшкова Н. П., аспирант (3.1);
Асоев Р. В., магистр психологии (3.3);
Безродный В. И., канд. психол. наук, доцент (вступительная глава);
Барьяхтар О. Ф., ассистент (1.1);
Вильдгрубе С. А., канд. психол. наук, доцент (2.1);
Голышева Н. В., ассистент (1.2);
Гордеева А. В., канд. психол. наук, доцент (3.2);
Ефименко А. П., аспирант (2.2);
Ильина Т. Б., канд. психол. наук, доцент (1.3);
Кацеро А. А., канд. психол. наук, доцент (1.4; 3.3);
Квасник А. В., аспирант (1.5);
Киселева И. В., ст. преподаватель (3.4);
Клевайчук Е. В., специалист психологии (3.5);
Король Н. В., магистрант (2.4);
Лох К. В., канд. психол. наук, доцент (2.3);
Рогозина М. Ю., канд. пед. наук, доцент (1.6);
Руденко С. В., канд. психол. наук, доцент (1.7);
Устинова Н. В., канд. психол. наук, доцент (2.4);
Устинов Д. В., аспирант (1.8);
Яновская Л. В., канд. психол. наук, доцент (1.9);
Яновский М. И., канд. психол. наук, доцент (3.5);
Ярмыш И. А., канд. психол. наук, доцент (2.5)

Л666 **Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека** : монография / под общ. ред. А. В. Гордеевой, А. А. Кацеро, М. И. Яновского. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. – 177 с.
ISBN 978-5-9275-2261-3

Монография является итогом научной деятельности кафедры психологии Донецкого национального университета за последние два года в рамках темы «Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека». В статьях представлены теоретические и эмпирические исследования, раскрывающие соотношение вкладов в поведение человека фактора личности и фактора ситуации. Значительное внимание уделено изучению влияния на людей экстремальной ситуации, которая возникла в силу исторических обстоятельств и происшедших социальных изменений.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 159.923
ББК 88.3

ISBN 978-5-9275-2261-3

© Донецкий национальный университет, 2017
© Оформление. Макет. Издательство Южного федерального университета, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретический анализ «личностной» и «ситуативной» детерминант поведения человека в ситуациях потенциальной и реальной опасности 4

Раздел 1. Личность как детерминанта жизнедеятельности

1.1 Трансформация подходов к изучению особенностей жизненного пути личности в трудах отечественных и зарубежных психологов …….. 15
1.2 Проблема эмпатии и ее роль в практике оказания психологической помощи ... 24
1.3 Прощение как этический феномен человека..... 33
1.4 К вопросу о личностных диспозициях: содержательно-функциональные параметры образа Я …..... 39
1.5 Исследование факторной структуры субъективного образа юмора у студентов 48
1.6 Влияние матери на формирование гендерной идентичности подростков из неполных семей ……..……. 56
1.7 К вопросу сопоставления понятий социального и эмоционального интеллекта 64
1.8 Психолого-правовые аспекты формирования понятия мотива преступления 77
1.9 Применение арт - терапии в психологической работе с кризисом 30-летнего возраста ……..…… 86

Р*аздел 2. Человек в условиях экстремальной ситуации*

2.1 Особенности психологических состояний детей, проживающих в зоне боевых действий ……..... 95
2.2. Феномен резильентности как фактор посттравматического роста в концепции салютогенного подхода ……..... 102
2.3 Психологическая адаптация мирного населения к условиям длительного военного стресса ……..…. 109
2.4 Механизмы психологической защиты как факторы, препятствующие развитию ПТСР у участников боевых действий……. 117
2.5 Психологическое благополучие молодежи в экстремальных условиях жизнедеятельности …..... 125

Раздел 3. Информационная среда: опосредствующее звено влияния личностной и ситуационной детерминант поведения

3.1 Психологические особенности феномена социальных установок и стереотипов..... 131
3.2 Психология Интернет - общения личности в виртуальном пространстве …….. 135
3.3 Детерминация сенсорными проекциями эмоционального состояния зрителя ... 145
3.4 Проблема устойчивости личности к воздействию средств массовой информации ……... 149
3.5 Воздействие кино на интегрированность сознания ……... 160

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «ЛИЧНОСТНОЙ» И «СИТУАТИВНОЙ» ДЕТЕРМИНАНТ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИЯХ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ

***В.И. Безродный**, канд. психол. наук, доцент*
Донецкий национальный университет

В жизни мы совершаем множество поступков, о которых можно сказать, что произошли они под влиянием тех или иных обстоятельств, т.е. имеют ситуативный характер. Также можно утверждать, что в поведении любого человека прослеживаются его личностные особенности, что так же накладывает отпечаток на поведение в той или иной ситуации.

Таким образом «личностное» и «ситуативное» - две детерминанты поведения. Но что определяет поведение человека в ситуациях реальной и потенциальной опасности? Что им движет - «личностное» или «ситуативное»?

Это вопрос актуален не только в теоретическом, но и практическом плане. Особое значение имеет сложность и многофункциональность системы безопасности человека в широком значении этого смысла. Согласно Ю.П. Зинченко высокий уровень риска в процессе принятия решений образует своеобразную связь с междисциплинарными методами ситуационного анализа и моделирования [2,3]. В этой связи представляется особо важным разработка научно обоснованных требований для моделирования работы испытуемого в обычных и потенциально опасных ситуациях.

Исследование проблемы моделирования работы в потенциально опасных ситуациях началось с изучения готовности к действию в экстремальных условиях, а также бдительности, как состоянию готовности человека.

В настоящее время разрабатываются методы выявления психологической структуры и особенностей состояния готовности к действию, которые могут быть получены в случае изучения профессиональной бдительности. Однако способ оценки бдительности можно применять только тогда, когда выдвигается задача точного оценивания уровня готовности к действию определенного человека. Если этот уровень необходимо измерить точно, оценки в абсолютных единицах времени не является достоверными. Камнем преткновения выступают существенные различия в двигательной реакции людей. Один человек может быть менее бдительным, но при наличии индивидуальных особенностей мотивации сможет отреагировать быстрее, другой - более бдительным, но в этих условиях отреагировать медленнее в силу индивидуальных особенностей и состояния реактивно - моторной сферы. Различная скорость ответа на предъявленный раздражитель может, наоборот, оказаться следствием одинакового уровня готовности. Итак, время не является адекватным критерием для измерения бдительности как состояния готовности к действию, однако оно является необходимым компонентом относительного измерения бдительности. Относительная мера измеряется с помощью дроби, где числитель - среднее время реакции, устойчивое для определенного человека, а знаменатель - время ответа на предъявляемый сигнал.

Нашей задачей было теоретическое обоснование и разработка экспериментальной установки для моделирования работы в обычных и потенциально опасных ситуациях. Проблема разработки подобных установок является актуальной для исследования профессий, где наблюдается высокий уровень травматизма [7]. Подобная установка "Y- 1" нами была создана и опробована на работниках горных профессий [1]. Методологическими принципами при разработке и конструировании установки были положения Б.Ф. Ломова о принципе системности и системный подход в психологии [5,6].

Методика и аппаратура для исследования труда шахтеров в обычных и потенциально опасных условиях

Общая схема исследований заключалась в следующем. Совершая на координометре простую механическую работу (требующую, однако, постоянной коррекции), испытуемый одновременно подвергался воздействию различных сенсорных раздражителей, и, согласно условиям эксперимента, определенным образом на них реагировал. Задача испытуемого могла усложнятся путем ввода в программу исследования стресс-фактора (угроза «электроштрафа» за недостаточную эффективность деятельности и сам электроудар) при одновременном ускорении темпа подачи раздражителей. Результаты деятельности испытуемого автоматически фиксировались. Регистрировались также некоторые его физиологические функции.

Длительность действия, а также частоту следования раздражителей можно было регулировать в заданных пределах. В исследованиях использовались 2 темпа подачи:

1 серия – продолжительность действия раздражителя – 2,05 сек;
продолжительность пауз – 2,05 сек. («медленный темп»)

2 серия – продолжительность действия раздражителя – 1,2 сек;
продолжительность пауз – 1,2 сек. («быстрый темп»).

Полная программа раздражителей включала 1:3 или 5 повторяющихся циклов (в соответствии с положением переключателя на пульте экспериментатора). Очередность раздражителей в пределах одного цикла лишена закономерности. Для исключения привыкания к интервалу предусмотрены паузы, которые также следуют в случайном порядке.

Использовалась следующая очередность предъявления раздражителей в одном цикле:

4-3-4-II-2-1-3-4-1-2-3-2-II-I-3-4-3-2-1-2-4-I-4-3-I-II

Исследования состояли из двух серий, которым предшествовала тренировочная серия (ТС).

Порядок исследований

Перед экспериментом испытуемому сообщалось, что будут исследовать скорость и точность его реакций, и что результаты будут учитываться при профотборе. После соответствующего инструктажа шахтер приступал к работе. При этом испытуемый находился в положении, обычном для его профессиональной деятельности – на корточках или на коленях. Исследования проводились в затемненном помещении, моделирующем штрек, и сопровождались постоянным звуковым фоном – шумом работающего угольного комбайна. Правой рукой рабочий должен был перемещать рычаг координометра в пределах заданной амплитуды, в удобном для себя темпе. Одновременно он обязан был следить за появлением сигнальных раздражителей и реагировать на них с максимально возможной скоростью. Ответной реакцией на звуковые раздражители, загорание лампы и отклонение стрелки микроамперметра служило нажатие кнопки, расположенной на пульте под указательным пальцем испытуемого. Визуальная коррекция правильности передвижения рычага достигалась слежением за последовательным загоранием лампочек сигнального блока координометра.

После уяснения инструкции проводилась тренировочная серия. В течение одной минуты подавалось 23 раздражителя со скоростью I сигнал в 2,5 сек. По окончании тренировки приступали к первой основной серии исследования. В течение 4 мин. 55 сек. подавалось 69 раздражителей с межсигнальным интервалом в 2,05 сек. сразу после окончания I серии на запястье испытуемого укреплялись датчики импульсного стимулятора, определялась реобаза и сообщалась инструкция о проведении II серии. Шахтеру объясняли, что в этой серии все раздражители будут подаваться в более быстром темпе; при превышении им числа ошибок сверх определенного предела последует «электроштраф» - сильное болевое раздражение электрическим током. В действительности электрический удар наносился каждому испытуемому на третьей минуте второй серии независимо от числа ошибок – из соображений стандартизации условий. Во второй серии испытуемому предъявлялось 115 раздражителей за 4 мин. 55 сек. с максимальным интервалом в 1,2 сек.

Показатели работы шахтеров в эксперименте:

I) $СВР = \frac{ВР1+ВР\ 2+ВР3+ВР4}{4}$,

Где СВР – среднее время реализации; ВР (I-4) – время реакций на раздражители I-4;

2) $ИОР = \frac{ИП1+\ ИП2+ИП3+ИП4+ИП0}{5}$,

Где ИОР – индекс ошибочных реакций;

ИП (I-4) – индекс пропусков реакций на раздражители I-4;

ИПО – индекс преждевременных ответов.

Индекс пропусков реакций и преждевременных ответов также представляют собой относительное число ошибок:

$$\text{МП} = \frac{\text{КПР}}{\text{ЧР}} * 100 \text{ и } \text{ИПО} = \frac{\text{КПО}}{\text{ЧР}} * 100,$$

Где КПО – количество пропущенных реакций;

КИО – количество преждевременных ответов;

Чр – количество раздражителей, предъявленных в течение серии;

3) $$\text{ИОД} = \frac{\text{КН}+\text{КП}}{\text{КД}} * 100,$$

Где ИОД – индекс ошибочных движений;

КН – количество «недоходов» рычага;

КП – количество «переходов» рычага;

КД – общее количество движений рычагом;

4) $$\text{ТДР} = \frac{\text{КД}}{\text{ДС}},$$

Где ТДР – темп движений рычагом;

КД – общее количество движений рычагом;

ДС – длительность серии, сек.;

5) частота пульса (ЧП) выражалась в уд./мин.

С помощью установки были обследованы две группы шахтеров: повторно травмированные и не травмированные. Представители обеих групп не имели существенных различий по профессии, возрасту, стажу. Они отличались количеством травм, полученных за 5 лет по собственной вине, которое варьировало у повторно травмированных от 2 до 4.

Специфика профессиональной деятельности горнорабочих предполагает хорошо развитое внимание, быструю реакцию в случае угрожающих изменений производственных условий, способность постоянно поддерживать высокий

уровень бдительности, умение мобилизовать психофизиологический потенциал организма, эмоциональную устойчивость в стрессовых ситуациях. Обследование шахтеров на установке "Y- 1" показало, что скорость сенсомоторных дизъюнктивных реакций повторно травмированных и не травмированных работников в обычных условиях была одинаковой.

Абсолютные величины латентного периода при реакциях на раздражители в значительной степени обусловлены их физической природой. Быстрее горняки реагировали на вспышку лампы и такой специфический для этой профессии раздражитель как шум падающей породы, медленнее - на чистый звуковой тон.

Однако другие результаты получены относительно эффективности выполняемой работы. Участники контрольной группы демонстрировали значительно более высокую точность движений при перемещении рычага, чем повторно травмированные шахтеры. В сенсомоторных реакциях в обеих группах наблюдалась примерно одинаковое количество ошибок, однако в контрольной группе вариабельность этого показателя была ниже. Очевидно, более успешная работа членов контрольной группы в первой серии исследований отражала способность быстро формировать функциональные системы, необходимые для ответных реакций на состояние среды, которая быстро меняется. Об этом свидетельствуют также результаты наблюдений, а именно: участники контрольной группы, как правило, отличались быстрым освоением указаний по работе на установке и лучшей тренированностью. Одноминутной тренировочной серии обычно было достаточно для полного понимания задачи. Обучение повторно травмированных шахтеров продолжалось медленнее, а инструкциями они овладевали хуже. Однако несколько человек из этой группы обнаружили способность к обучению на уровне контрольной группы. Это свидетельствует о том, что скорость формирования функциональных систем, обеспечивающих хорошую сенсомоторную координацию в условиях активного распределения и переключения внимания, является важным, но не единственным фактором приводящим к травматизму.

Вследствие этого особое значение имели результаты, которые мы получили во второй серии. Усложнение условий при этом было достаточным, чтобы вызвать психическую напряженность у испытуемых. Экстремальные условия, которые затрудняли деятельность участников исследования, создавались сочетанием электрокожного раздражения, которое само по себе является типичным стрессором, и сочетанием с дефицитом времени и отвлекающим шумом.

Результаты исследований показали, что латентный период и вариабельность сложных сенсомоторных реакций уменьшились в обеих группах. Это сопровождалось определенным снижением точности и значительным расхождением ошибок (подтверждено наблюдениями других авторов) [4]. Наиболее существенное уменьшение времени реагирования в контрольной группе отмечено на вспышку лампы и отклонение указателя, а в группе повторно травмированных - на отклонение указателя. Оба эти

раздражители находились в периферическом поле зрения, что делало время реакции на них зависимым от состояния функции распределения внимания. Меньше было изменение во времени реакции на звуковые сигналы, восприятие которых во многом зависело от уровня непроизвольного внимания. Различие можно объяснить следующим образом: осуществленный участником эксперимента анализ измененной ситуации с учетом наказания электротоком формирует установку на первоочередную значимость сигналов, восприятие которых затруднено. Следствием установки является активизация соответствующих структур мозга, которая обеспечивает эффективную (по скорости реагирования) деятельность относительно "опасных сигналов".

Уменьшение времени реагирования во второй серии было не одинаковым в исследуемых группах. В контрольной наблюдалось характерное и значительное ускорение реакций. Уменьшение латентного периода указывает на облегчение проведения возбуждений нервными структурами, которые обеспечивают сенсомоторное реагирование.

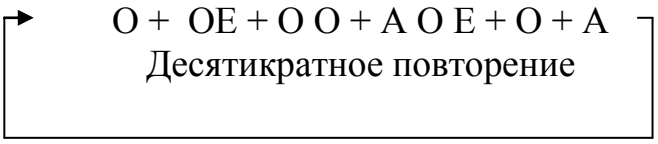
Согласно принципу системного подхода [6], это объясняется тем, что доминирущие функциональные системы, которые координируют сенсомоторную реакцию, были включены потоком неспецифических возбуждений, направленных ретикулярной формацией ствола мозга и гипоталамуса. Действительно, угроза болевого раздражения должна была неуклонно вызвать защитную реакцию, активизировать так называемый «рефлекс биологической осторожности». В результате должна была сформироваться скрытая защитная доминанта, которая не в состоянии проявиться в действии. Однако вытеснение ее другой деятельностью маловероятно, поскольку упомянутая доминанта имеет большую силу и устойчивость. Итак, остается только третий из наиболее вероятных результатов взаимодействия доминирующих возбуждений: неспецифическое активирование защитной доминантой другой деятельности которая преобладает в данный момент. Такой деятельностью, возможно, стала работа на установке Y- 1. Таким образом произошло объединение возбуждений в нервных путях, которые осуществляют сенсомоторную координацию, и это повлекло ускорение реакций. Менее значительное ускорение реакций у повторно травмированных шахтеров обусловлено, очевидно, тем, что "рефлекс биологической осторожности" выражен у них слабее. Разумеется, меньшая сила защитной доминанты вызвала более слабую активацию функциональной структуры, которая преобладала в деятельности на тот момент. Таким образом, можно констатировать заниженную оценку фактора опасности повторно травмированными относительно контрольной группы. В пользу различия установок при выполнении второй серии исследований у шахтеров различных групп свидетельствует также и динамика частоты сердечных сокращений в течение выполнения задания.

Из вышесказанного следует, что предположение о менее выраженном у повторно травмированных шахтеров "рефлексе биологической осторожности» позволяет правдоподобно объяснить изменения, а снижение указанного рефлекса становится одной из причин частого травмирования.

Для дальнейших исследований нами был разработан аппаратурный комплекс "Стимул" - принципиально новый вариант установки, которая использовалась ранее [1]. Комплекс применялся для исследования психофизиологических характеристик горняков в условиях, которые моделировали определенные стороны их профессиональной деятельности. В основе использования аппаратурного комплекса "Стимул" лежит гипотеза, согласно которой "склонность" к травмированию в значительной степени связана с особенностями отдельных психофизиологических функций: скорость дизъюнктивных сенсомотрних реакций, степень устойчивости к воздействию психических и физических стрессоров. Понятно, что изучение перечисленных функций в условиях непосредственного труда горняков связано со значительными, иногда и непреодолимыми трудностями.

Во время работы на "Стимуле" участнику эксперимента автоматически подается 4 вида раздражителей (сигналов) в определенной последовательности. Очередность и темп подачи определены программой. В соответствии с указаниями испытуемый реагирует на сигнал, нажимая на одну из четырех кнопок, которая соответствует виду предъявленного раздражителя. Время реакции на каждый из раздражителей измеряется электронным хронометром и выводится на цифропечатающее устройство. Кроме того, регистрируются ложный выбор кнопок и пропуски сигналов. В комплекс входит также координометр особой конструкции, работа на котором продолжается непрерывно в течение всего испытания. Исходные показатели прибора (темп и точность движений) фиксируются. Предусмотрено постоянную регистрацию отдельных вегетативных показателей. Однократное испытание состоит из двух серий: фоновой и основной. Последняя отличается наличием стрессоров, которые усложняют задачу испытаний.

В течение каждой серии эксперимента подается 160 раздражителей 4-х видов. Это осуществляется автоматически с помощью электронного программного устройства, которое обеспечивает подачу раздражителей в фиксированной последовательности.

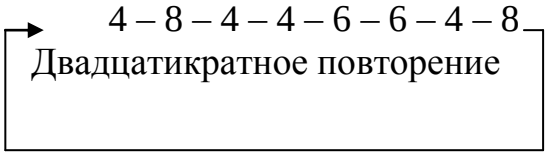
Условные сокращения: О – «Табло»;

А – «Лампа»;

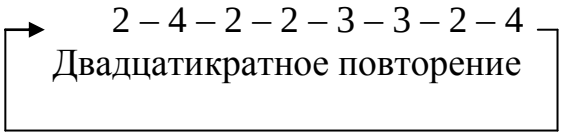
Е – «Обрушение»;

+ - «Звук».

В программе зафиксирована также последовательность временных интервалов между соседними предъявлениями (приведены в секундах):

(Фоновая серия)

(Основная серия)

Приведенные последовательности предъявления и временные интервалы между ними не имеют никакого скрытого смысла; их выбор определен единственным требованием: максимально усложнить возможное "предсказание" испытуемым вида предлагаемых раздражителей и момент их поступления.

Продолжительность фоновой серии - 14,7 мин., Основной - 7,3 мин. Действие каждого из раздражителей прерывается горняком нажатием соответствующей кнопки. Четыре кнопки (по числу видов раздражителей) обозначены надписями "Лампа", "Звук", "Табло", "Обрушение".

В случае пропуска раздражителя действие последнего прекращается за 0,5 секунды до запрограммированного момента подачи очередного раздражителя.

Для регистрации времени реагирования, определенного здесь как временной интервал между началом нахождения сигнала и моментом ответа на него с помощью нажатия кнопки, используется электронный счетно-импульсный хронометр, собранный по типовой схеме. Прибор обеспечивает измерение времени в диапазоне 0,01 - 10 сек. Хронометр запускается в начальный момент предъявления раздражителя и останавливается в момент нажатия кнопки, соответствующей данному типу раздражителя (в качестве кнопки использованы малоинерционные концевые микровыключатели). В течение 0,5сек. после остановки хронометра его показания выводятся на цифропечатающее устройство, после чего хронометр автоматически возвращается в исходное состояние. Отпечатанные показатели автоматически помечаются символом-идентификатором, который указывает на тип раздражителя. Хронометр может быть остановлен только с помощью той кнопки, которая соответствует виду предъявленного в данный момент сигнала. В случае ошибочного выбора кнопки на печать выводится два условных символа-идентификатора, первый из которых соответствует виду предъявленного раздражителя, второй - номеру ошибочно выбранной кнопки.

В случае отсутствия реакции со стороны испытуемого показания хронометра сбрасываются за 0,5 сек. до момента предъявления очередного раздражителя, и вместо них на печать выводится символ, соответствующий виду пропущенного раздражителя.

Аналогично осуществляется регистрация ложных реакций (нажатие кнопки при отсутствии любого сигнала).

Характеристики стрессоров

Для создания в основной серии ситуации эмоциональной напряженности использовались такие стрессоры:

- угроза електрокожного раздражения (психический стрессор) Во время инструктажа участнику испытания сообщается, что он будет "наказан" разрядом электрического тока за недостаточно успешную деятельность (замедленная скорость реакции на раздражители, ложный выбор кнопок, пропуск сигналов, ошибочные действия при работе на кооординометре). На самом деле раздражение электрическим током применяется один раз (в момент подачи 80-го по счету раздражителя) независимо от эффективности работы горняка;
- электрокожное раздражение (физический стрессор). Наносится с помощью стандартного импульсного стимулятора ИСЭ-01.

Таблица 1

Первичные показатели, получаемые в результате исследования на «Стимуле» *

Количество показателей	Показатель
Сенсомоторная сфера	
4	Среднее время реакции на раздражители каждого вида
1	Количество ошибок, допущенных при работе на координометре (число недоводов, число переводов относительно границ индикатора).
1	Средний темп движений рычага координометра (число полупериодов за секунду)
Внимание	
4	Количество пропущенных (невоспринятых) раздражителей каждого вида
1	Количество неправильных выборов кнопок
1	Количество неправильных реакций (нажатия кнопки в отсутствие какого-нибудь раздражителя).
Пневмография	
1	Середняя частота дыхательных движений
2	Середняя продолжительность фаз вдоха и выдоха
Електрокардиография	
1	Частота сердечных сокращений по каждой минуте серии
2	Амплитуда зубцов Т и R
1	Продолжительность R -R интервалов

* Первичные показатели вычисляются по каждой серии отдельно

Для стандартизации субъективной силы раздражителя его интенсивность (вольтаж) подбирается индивидуально для каждого из участников испытаний (в

зависимости от реобазы последнего). Поверхностные электроды закрепляются на левом предплечье. Экспозиция раздражителя - 0,5 сек;
- дефицит времени (психический стрессор). Увеличение перцептивной нагрузки достигается ускорением темпа поступления раздражителей. Если в
исходной серии плотность сигналов (число предъявлений в единицу времени) равна 0,18 сигнала в секунду, то в основной она повышается до 0,36 сигнала в секунду.

Устройство и принцип действия координометра

Основная часть координометра - рычаг, способный перемещаться по дуге в 90 градусов. Положение рычага отображается световой точкой, которая перемещается по линейному табло в соответствии с движением рычага. Крайние зоны на табло выделены цветом. Задача испытуемого заключается в перемещении рычага (в произвольном темпе) таким образом, чтобы световая точка совпадала пооочередно с обеими крайними зонами. "Недоводы" и "переводы" относительно зон считаются ошибками и автоматически фиксируются регистратором УСЧ8-03. Во время перемещения рычага из центрального положения в ту или иную сторону испытуемый преодолевает упругость двух пружин, совершая при этом работу, которая примерно равна 50 дж. Число движений (полупериодов) рычага автоматически суммируется электромеханическим счетчиком на протяжении всей серии.

Регистрация вегетативных показателей

Для получения вегетативных индикаторов эмоционального напряжения использованы следующие методики:
- пневмография. Пневмограмма регистрируется с помощью термоанемометрического датчика собственной конструкции. Выход - в чернильнопишущий регистратор УСЧ8-03. Время регистрации - непрерывно в течение серии;
- электрокардиография. Электрокардиограмма записывается с помощью усилителя биопотенциалов УБП1-02 и регистратора Н320-5 (возможно применение других моделей регистратора и усилителя). Используются стандартные поверхностные электроды. Выбор отведения будет сделан в процессе предварительных исследований. Время регистрации - непрерывно в течение серии.

ВЫВОДЫ

1. Теоретический анализ «личностной» и «ситуативной» детерминант поведения человека в ситуациях потенциальной и реальной опасности показывает, что данная проблема является довольно актуальной, особенно в тех видах профессиональной деятельности, которые связаны с повышенным риском получения производственных травм

2. Обоснование и разработка новых аппаратурных методик для моделирования работы в потенциально опасных условиях является очень актуальной для профессий региона Донбасса.

3. Установки, которые использовались ранее для изучения и моделирования работы операторов работы не в полной мере подходят для моделирования работы рабочих горных профессий.

4. Работа на установке "Y- 1" показала, что основные показатели адекватно моделируют работу шахтера в потенциально опасных ситуациях, однако эта установка требует доработки и дальнейшего совершенствования.

5. Установка "Стимул", разработанной нами может быть использована в исследовании психологических причин травматизма не только шахтеров, но и работников других профессий, связанных с повышенным риском.

Литература

1. Безродный В.И. Исследование психологических факторов травматизма подземных горнорабочих: Дис. канд. психол.наук; 19.00.03 – Москва, 1980. – 177с.
2. Зинченко Ю.П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. – 2011. - №2(6). – С. 11-14.
3. Зинченко Ю.П. Системный характер исследования безопасности в психологии // Материалы II Международного симпозиума. – М., 2011. – С. 19-25.
4. Котик М. А. Психология и безопасность. Изд. 3-е, испр. и доп. – Таллин: Валгус, 1989. – 448с.
5. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии.— М.: Наука, 1984.- 444 с.
6. Ломов Б.Ф. О системной детерминации психических явлений и поведения // Принцип системности в психологических исследованиях.— М.: Наука, 1990.—10 с.
7. Панов Г. Е., Бараусова И. А. О связи причин производственного травматизма с личностью работающего // Безопасность труда в промышленности, 1972, № 4, - С. 24-28.

РАЗДЕЛ 1.

ЛИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1 ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХОЛОГОВ

О.Ф. Барьяхтар, *ассистент кафедры психологии*
Донецкий национальный университет

Смысл жизни, назначение человека – это вопросы, которые становятся актуальными для каждого, и ответ на которые личность ищет на протяжении всего сознательного жизненного пути. Творческое отношение к своей сущности, и одновременно осознание опыта прошлого, построение будущего, согласованная причинно-целевая перспектива – необходимые составляющие способности человека к самоосуществлению, способности быть настоящим субъектом собственной жизни.

Одним из первых исследование жизненного пути человека было осуществлено Ш. Бюлер. В ее трудах пыталась жизнь рассматривается не как ряд случайных событий, а как развертывание закономерных этапов под влиянием естественного стремления человека к самоосуществлению. Согласно концепции Ш. Бюлер, жизненный путь имеет пространственно-временную структуру и обусловлен: фазами жизни, типом доминирующей мотивации, уровнем жизненной активности. Индивидуальная жизнь человека в динамике является жизненным путем личности. Врожденное стремление человека к самоосуществлению выступает движущей силой развития. Самоосуществление человека детерминировано его жизненными целями и соответственно наполнено различным содержанием на каждом возрастном этапе жизненного пути. Именно способностью индивида выдвигать цели определяется полнота и степень возможной самореализации.

Анализ историй жизненного пути человека проводился Ш. Бюлер по трем критериям:

1) внешний – объективный ход событий;

2) история творческой деятельности;

3) изменения во внутреннем мире личности – изменение переживаний и ценностей.

Именно наличием жизненных целей как ведущего критерия определялось исследовательницей психическое здоровье личности, вероятность личностного самоосуществления и творчества.

Идея личностного самоосуществления представлена и в концепции Г. Олпорта. Жизненный путь личности обусловлен сильным стремлением человека к поиску и преодолению жизненных трудностей и препятствий.

Личность – открытая динамическая система, глубинной потребностью которой выступает стремление к реализации своего жизненного потенциала, развитие которого всегда осуществляется во взаимосвязи с социумом. В ходе жизни врожденные биологические диспозиции человека перестраиваются, трансформируются в мотивационные, становятся внутренним регулятором психического мира личности и составляют обобщенный принцип ее жизнедеятельности.

По мнению А. Маслоу, жизненный путь личности детерминирован стремлением индивида к удовлетворению пяти базовых потребностей, образующих иерархию: 1) физиологические, 2) в безопасности, 3) в контактах и любви, 4) в признании, уважении (самоуважении); 5) в самоактуализации. Наивысшей потребностью является стремление к самоактуализации и самовыражению («стать тем, кем ты можешь стать»), раскрытие потенций к творчеству и любви, которые сочетаются с гуманистическим стремлением приносить людям добро. Одной из ведущих признаков личностей, достигших уровня самоактуализации, является ориентированность во времени собственной жизни, способность причинно связывать прошлое и будущее в единое целое с настоящим жизни [1].

В отличие от гуманистической традиции в психоаналитическом подходе жизненный путь личности определялся через конфликт «сознательное-бессознательное». По мнению К. Юнга, смысложизненная активность личности обусловлена глубинными, сложно осознаваемыми закономерностями, врожденными универсальными программами – архетипами. Юнг определял жизненный путь личности как своеобразную, полную драматических конфликтов и попыток решения историю индивидуализации, проявляющуюся в росте осознанности, достижении личностной цельности, способности к самореализации [2].

Согласно А. Адлеру, ведущей силой, детерминирующей особенности прохождения личностью жизненного пути, является стремление человека к превосходству или самосовершенствованию, то есть желание совершенствовать себя, развивать свои способности. Исследователь считал, что все люди ориентируются в жизни посредством «теоретических функций» – представлений о цели жизни, вербальные конструкции определяются той или иной картиной мира (религиозной, философской, мифологической), в которую человек верит, его мировоззрением. Для обозначения индивидуальных особенностей жизненного пути Адлер применял понятие жизненного стиля. Стиль жизни – отражение в поведении человека того значения, которым человек наделяет мир, себя, свои цели, стремления, желания. Социум, факторы среды выступают необходимым условием развития личностной жизни. Причем реальное направление развития жизни определяется наличием в жизненной ситуации людей более сильных и умных, которые задают реальные ориентиры конкретного этапа жизненного пути. Это обусловлено генетически заданным «социальным чувством»: стремлением к физическому контакту, эмоциональной связи, дружеским отношениям. Сильное чувство неполноценности – комплекс неполноценности как ведущая ориентация на внешний мир может затруднить

позитивный рост и собственное развитие личности, но как умеренная – направлять к конструктивным усилиям и достижениям.

А. Адлер считал, что правильное решение трех объективных проблем человеческого существования (это, во-первых, работа и проблема профессионального самоопределения, во-вторых, межличностные отношения (кооперация, дружба и др.), в-третьихполовые различия (проблемы любви и брака) помогает человеку найти смысл жизни, развивать собственную жизнь в той среде, в которой она находится [3].

Э. Берн развивал концепцию жизненного пути под углом зрения детерминированности различными обстоятельствами. Ключевыми понятиями в его концепции трансакционного анализа являются модели эго-состояний и сценарии жизни. Ученый отмечал, что каждый человек еще в детстве часто неосознанно думает о своей будущей жизни и придумывает свой жизненный сценарий. Сценарий – это постепенное осуществление жизненного плана, который формируется еще в детстве, часто под влиянием родителей. Согласно Берну, жизненный путь частично обусловлен генетически, а также условиями, которые создают родители и разнообразные внешние обстоятельства. Продуктом этих обстоятельств являются различные типы жизненного пути: сценарный (неосознанный) или несценарный, навязанный или независимый [8].

Э. Эриксон разработал теорию социально-психологической ценности жизненного пути человека. Согласно ученому, жизненный путь определяется не только фазами психосексуального развития, в ходе которых изменяется направленность личности, но существуют и психологические стадии развития личности, в ходе которых индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде. Ведущим свойством зрелой личности является идентичность. Идентичность проявляется в центрированности человека на себе, в отождествлении себя с социальной группой, в определении собственной социальной роли. Согласно Эриксону, личность развивается в течение всего жизненного цикла. Причем каждой стадии присущи собственные параметры развития с возможным положительным и отрицательным значением, влияющим на дальнейшее развитие. На первой стадии, благодаря матери, образуется проекция личности, на второй – становление чувства уверенности и самостоятельности. Третья стадия – становление личностной инициативности. Четвертая (юношество) – нахождение целей, умение планировать, выбор друзей. На пятой – формируется рефлексия и возникают сомнения относительно места в жизни. Шестая и седьмая стадии – зрелость личности, управление собственной активностью согласно нормам общества. Восьмая – или достижение неповторимости личности, или смерть. Следовательно, можно сделать вывод, что жизненный путь детерминирован кризисами, которые возникают у личности в отношениях с окружающим социальным миром и способствуют или затрудняют дальнейшее развитие идентичности [5].

С точки зрения В. Франкла, жизненный путь личности обусловлен поиском смысла. «Сенс смысла – задавать темп бытия». Философ считает стремление человека к поиску и реализации смысла собственной жизни

врожденной мотивационной тенденцией, присущей всем людям и которая является основной детерминантой поведения, развития личности, определяет особенности прохождения человеком жизненного пути [6, с.14]. Кроме смыслов, определяющих особенности человеческой жизни, Франкл отдельно подчеркивает роль ценностей. Ценности помогают делать жизнь осмысленной. «Ценности можно считать универсумом смысла, который выкристаллизовывается в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество и даже все человечество» [6, с.288]. Такими универсальными ценностями В. Франкл определяет ценности отношения, ценности переживания и ценности творчества. Ценности творчества реализуются в труде. Труд настолько имеет смысл, насколько человек вкладывает свою личность в своей работе. Ценности отношения для человека всегда достижимые, поэтому становится очевидным, что человеческое существование никогда не может быть неосмысленным. «Жизнь человека полна смыслов до самого конца, до его последнего дыхания» [6, с.174]. Из ценностей переживания В. Франкл отдельно выделяет любовь. «В служении делу или любви к другому человек проявляет себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой, тем более полным смыслом является его жизненный путь» [6, с.29-30].

В отечественной психологии впервые понятие жизненного пути и идея субъекта жизни была предложена С.Л. Рубинштейном. С.Л. Рубинштейн подчеркивал необходимость учета объективных проявлений субъекта, его способности реально менять собственную жизнь. Для ученого жизненный путь – это продвижение человека вперед, к лучшим проявлениям собственной сущности, к достижению личностного совершенствования. Именно с идеей субъекта жизни связан принцип анализа личности через ее жизнедеятельность, по которому должна быть учтена не только зависимость личности от жизни, но и зависимость жизни от самой личности [7].

Именно С.Л. Рубинштейну принадлежит определение «жизненное событие». «Жизненные события – узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного плана на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека». С.Л. Рубинштейн определял жизненный путь в социокультурном аспекте: «не только человечество, но и каждый человек является в какой-то мере участником и субъектом истории человечества, и, в определенном смысле, сам имеет собственную историю. Каждый человек имеет собственную историю, поскольку развитие личности опосредовано результатом ее деятельности только по мере того, как личность предметно, объективно реализуется в продуктах собственного труда, она через них растет и формируется линия, проходящая от того, чем был человек на одном этапе своей истории, к тому, кем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал, в этом ключ к пониманию развития личности – того, как она формируется, совершая свой жизненный путь» [7, с. 345].

Личностный контекст жизненного пути определяется переживаниями. Смысл жизни каждого человека определяется только в соотношении содержания всей его жизни с другими людьми. Бессмысленными поэтому будут попытки рассматривать мир без человека, а человека, существующего без мира. Самосознание существует лишь как процесс и результат осознания человеком мира. Ученый, определяя личность как субъект жизни, выделяет два типа отношения к жизни. При первом человек находится в середине процесса жизни, которая не выходит за пределы непосредственных связей, отношений к отдельным явлениям жизни (сначала отец и мать, потом друзья и учителя, далее – дети и т.д.). Как отмечает С.Л. Рубинштейн: «Это существование, а не сознательное отношение к жизни». Второй тип отношения к жизни, связан с появлением рефлексии, с ценностно-смысловым определением жизни, с отношением к жизни в целом, жизни как ведущей человеческой деятельности. Именно: «с этого момента – отмечает С.Л. Рубинштейн – и возникает проблема ответственности человека в моральном плане, ответственность за все совершенное и все упущенное» [7, с.372].

Лонгитюдное исследование личности и ее жизненного пути, на основе которого была осуществлена возрастная периодизация и освещены онтогенез развития личности, принадлежит Б.Г. Ананьеву [4]. Как отмечает ученый, прежде чем стать субъектом, человек существует в качестве объекта многих социальных влияний. При условии, что человек сам организует и направляет события жизненного пути, строит собственную среду развития, избирательно относится к тем событиям, которые не зависят от его воли, он является субъектом жизнедеятельности. Согласно Б.Г. Ананьеву, жизненный путь – это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи [4].

Ученый первым в отечественной науке применяет понятие «субъективная картина жизненного пути» [8]. По Ананьеву, она всегда развернута во времени, фиксирует главные события человеческой жизни, связывает в единую систему отсчета биологическое, психологическое и историческое время. Соотнесение человеком собственного прошлого, настоящего и будущего, его взгляд в прошлое и будущее из настоящего помогают ему ориентироваться в мире, видеть результаты и перспективы собственного развития. Ананьев считал, что в реальном временном течении жизненного цикла должен рассматриваться процесс обретения личностью индивидуальности «достижение вершины жизни». Он выделял важные характеристики развития личности – старт, кульминационный момент высших достижений в избранной деятельности и финиш, а также доказывал зависимость кульминации от момента старта, а старта – от момента воспитания личности. Одновременно следует отметить, что концепция жизненного пути по Б.Г. Ананьеву в большей степени сосредотачивалось на социальных и возрастных аспектах периодизации жизни, и в меньшей – учитывала активность самой личности, формирующей собственную жизненную позицию.

Жизненный путь, как отмечает К.А. Абульханова-Славская, может быть рассмотрен не только с точки зрения возрастной периодизации, но и

личностной, которая начиная с юношеского возраста, перестает совпадать с возрастной. Ученая считает, как субъект – личность, способная организовывать свой жизненный путь по собственному замыслу. Организация жизни – это «способность так связывать и разрешать дела, ситуации, чтобы они были подчинены единому замыслу, сконцентрировались на главном направлении – предоставили им желаемый ход» [9]. Люди различаются по степени влияния на ход собственной жизни, овладение многочисленными жизненными ситуациями. Активность личности проявляется в том, как она превращает обстоятельства, направляет ход жизни, формирует жизненную позицию. Способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное собственным целям и ценностям – есть высший уровень и настоящее оптимальное качество субъекта жизни [9].

К.А. Абульханова-Славская предложила термин «жизненная стратегия». Этим термином обозначен принцип опоры на собственные силы, преобразование условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности. Жизненная стратегия – это постоянное приведение в соответствие собственного личностного своеобразия, особенностей характера и образа жизни. Значительную роль в процессе выбора стратегии жизни, играет картина прошлого и отношение личности к ходу собственной жизни. Поскольку все люди разные, все имеют разный опыт, то каждому необходима собственная стратегия. Чтобы научиться жить в соответствии с собственной индивидуальностью, человеку необходимы знания и понимание самого себя. Таким образом, категория субъекта жизнедеятельности раскрывает способ организации человеком своей жизни во всей временной продолжительности жизненного пути [9].

Жизненный путь личности, по В.А. Роменцу, разворачивается во времени путем решения многочисленных противоречий. Основной ячейкой разрешения противоречий является момент принятия решения, человеческий поступок. Поступок является способом самодетерминации человеческого поведения, которое происходит на основе самопознания и самосозидания. Согласно концепции ученого логическая структура поступков механизма состоит из следующих компонентов: ситуация, мотивация, действие и последействие. Ситуация, которая готовит личность к будущему выбору, является субъект-объектной: определенной как внешней средой, так и субъектными жизненными обстоятельствами. Мотивация представляет собой развернутое принятие решения – на основе борьбы мотивов. Мотив поступка воплощается в действие, перерастает в последействие, когда реальные последствия становятся объектом рефлексии. Именно таким образом человек получает возможность осознавать себя, осуществлять акты самопознания, формировать собственный внутренний мир, определять смысл жизни. Поступая, человек пытается уменьшить несоответствие между идеалом и реальностью, приблизиться к желаемой цели. Этот механизм выступает средством целеполагания, условием достижения целей личностью на жизненном и творческом пути. Поэтому, по мнению украинского философа и психолога, главное жизненное задание личности может быть решено только благодаря последовательной смене поступков,

поскольку поступок, решая проблемы одного уровня, одновременно открывает новые, еще более сложные. Поступая, личность самопроявляется, происходит определенное постоянное экспериментирование, актуализация творческих процессов, поиск, анализ возможностей выбора, формируется отношение к деятельности как к средству преобразования окружающей среды.

Г.С. Костюк отмечает, что жизненный путь личности обусловлен как социальными и биологическими составляющими человека, так самоактивностью, внутренней логикой самоосуществления личности [10]. Саморазвитие является определяющим законом развития личности. Личность – не пассивный продукт взаимодействия наследственности и среды. Ее развитие зависит от того, что она делает в конкретных жизненных условиях, как организовывает собственную жизнь. Ученый отмечал: «С возрастом постепенно увеличивается роль собственной активности личности в ее развитии. Личность развивается предвидя будущее, осознавая свои достижения, свои преимущества, недостатки, будет стремиться к самовоспитанию, к осознанию себя через собственную деятельность. Это стремление к развитию возникает на определенном этапе (обычно оно начинает актуализироваться в подростковом возрасте) и является закономерным проявлением. На этом этапе личность выступает как субъект собственного развития, осознанно выбирает свой жизненный путь» [10, с.172].

В.А. Татенко представляет субъектный подход к пониманию движущих сил жизненного пути личности, генезиса развития активности субъекта. Он говорит об ответственности субъекта за развитие собственной психики, за результаты собственных поступков. Субъект психической активности понимается как идеальная реальность, произвольно возникает в процессе онтогенеза регулятивных форм жизнедеятельности, которые закономерно сменяют биологическую форму субъектной регуляции жизненной активности человека. Биологические и социальные условия выступают лишь как факторы развития. Настоящий субъект активности – индивид развивается согласно внутренней логике самодетерминации – логикой саморазвертывания взаимосвязанных механизмов психической активности:

1. Самоположение – выдвижение важных целей, ценностно-смысловое экзистенциальное творчество самого себя ("Я хочу быть человеком"), которое ориентировано на индивидуально значимые нормы истинного и прекрасного.

2. Самопотенциирование – нахождение и создание самим субъектом (его волей, интеллектом, чувствами) средств, необходимых для выполнения цели.

3. Самоопределение – принятие решения по воплощению в жизнь цели собственными средствами.

4. Самоактуализация – поступок самоосуществления.

5. Самооценка – акт оценки факта достижения собственной цели по сущностным критериям, принципами, нормами, определение соответствия полученного результата цели, адекватность средств целям.

6. Самоапперцепция – фиксация в индивидуальном опыте результатов успеха-неудачи развития себя и своей психики.

7. Самооценка – сознательно-интуитивное внимание к своему существованию, определение своей Самости и смысла собственного бытия («Я – есть, я существую!») [11].

В концепции Ф.Ю. Василюка ведущей структурной единицей жизненного мира личности является переживание. Именно по особенностям переживания ученым построена типология жизненных миров: инфантильный, практический, ценностный и творческий. Переживания способствуют реализации жизненного плана, если человек сознательно создает себя; формируется ценностная позиция и развивается воля человека. Если ценность становится реальным мотивом, то в таком случае она становится сильным энергетическим потенциалом – происходит подключение к той надындивидуальной сущности, с которой эта ценность связывает человека. Жизненный путь личности является ее жизненным творчеством. Жизненный путь в своей осуществимости является историей жизни личности, а в своей феноменологический перспективе, является замыслом жизни, идейная целостность которого конституируется ценностью. Замысел относительно идеальной ценности осознается, ощущается как назначение, в отношении пространственно-временных условий собственного существования – как «дело жизни».

Согласно Т.М. Титаренко жизненный мир – открытая система, которая задает траектории развития личности на протяжении ее жизненного пути. Жизненный мир – самоорганизованная система, возникающая в процессе саморазвития личности. Динамичные, пространственно-временные характеристики жизненного мира содержат онтологические закономерности в преобразованном виде. Структурные характеристики трансформируются при переходе от одного этапа жизненного пути к другому.

Большое значение в развертывании жизненного пути личности играет пол. Половое самосознание как динамический процесс – длится всю жизнь, поэтому психологические особенности пола определяют ключевые особенности жизненного мира. Т.М. Титаренко представляет этапы жизненного пути личности через постепенное усложнение представлений о себе, как:

1 этап – представителя определенного пола;

2 этап – представителя определенного возраста;

3 этап – как носителя индивидуальных черт;

4 этап – представителя определенной социальные роли, оценка собственных возможностей, определение жизненных перспектив;

5 этап – как создателя собственной жизни (углубляется осознание собственного предназначения.

6 этап – субъекта жизнетворчества (происходит реализация жизненных замыслов.

7 этап – формируется отношение к собственной конечности, бренности и вечности.

Таким образом, жизненный мир развивается, видоизменяется, перерождается через прохождение личностью ряда возрастных и индивидуальных кризисов. Во время переживания жизненного кризиса и осуществления жизненного выбора личность изменяет старые смыслы, ищет

новые. Жизненный мир – является продуктом роста субъектности человека, осмысливает свой жизненный путь. Саморазвитие личности, развертывание личностных смыслов и ценностей выступает основой построения индивидуального жизненного мира.

Концепцией, которая органично сочетает временное и смысловое измерения, осознание личностью собственного жизненного мира, является теория личностных конструктов Дж. Келли. Конструкт – это субъективное средство, сконструированное самим человеком и проверенное им на собственном опыте. С помощью конструктов человек конструирует динамические и структурные особенности собственного жизненного мира: выделяет, оценивает, прогнозирует события, организует собственное поведение, понимает других, реконструирует систему взаимоотношений, строит «образ Я». Это одновременно и средство поведения, и параметр отношений, оценок. Благодаря конструктам человек обладает способностью предвидеть последствия собственных действий.

Проведенный анализ как теоретико-методологических, так и экспериментально-практических направлений исследования жизненного пути личности выявил наличие четырех подходов в понимании данной проблематики, а именно:

1. Объектный подход основан на генетически обусловленных закономерностях и биографических изменениях в жизни человека (Ш. Бюлер, А. Маслоу, К. Юнг, Э. Берн, В. Франкл, А. Адлер, Э. Эриксон).

2. Субъективный подход, объединяющий концепции жизненного пути с акцентом на субъективных аспектах организации жизнедеятельности (Е.И. Головаха, А. А. Кроник).

3. Субъектный подход, рассматривающий жизненный путь сквозь призму его объективации в результатах жизнедеятельности личности, ее способности организовывать и направлять собственное развитие (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Г.С. Костюк, В.А. Роменец, В.А. Татенко).

4. Структурно-динамический подход представлен такими концепциями, как: «жизненный мир» (Т.М. Титаренко, Ф.Ю. Василюк), «субъективная картина жизненного пути» (Б.Г. Ананьев, А.А. Кроник); «имплицитная картина мира» (Дж. Келли).

Данная классификация представляет ценность для дальнейших теоретических и практических исследований особенностей жизненного пути личности.

Литература

1. Маслоу А. Самоактуализация личности и образование. - Киев - Донецк: Ин-т психологии АПН Украины, 1994. - 52 с.
2. Юнг К. Сознание и бессознанательное. - СПб.: Университетская книга, 1997. - 544 с.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. - СПб.: Питер, 1999. - 608 с.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. - СПб: Спец. литература, 1992. - 400 с.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс, 1996. - 344 с.

6. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - 367 с.
7. Рубинштейн С.Л. Самосознание личности и ее жизненный путь // Основы общей психологии. - СПб.: Питер, 1999. - 720 с.
8. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. - М.: Наука, 1977. - 380 с.
9. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. - М.: Мысль, 1991. - 299 с.
10. Костюк Г.С. Избранные психологические труды. - М.: Педагогика, 1988. - 304 с.
11. Татенко В.А. Психология в субъектном измерении. - К.: Просвіта, 1996. - 403 с.

1.2 ПРОБЛЕМА ЭМПАТИИ И ЕЕ РОЛЬ В ПРАКТИКЕ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Н.В. Голышева, *ассистент*
Донецкий национальный университет

Активное развитие психологической практики и вопросы, встающие перед психологией в связи с этим развитием, определяют особое внимание к понятиям, обобщающим основные феномены психологической помощи. Понятие «эмпатия» можно отнести к одному из них [9]. Во-первых, в научной психологии понятие изучается и разрабатывается на протяжении длительного периода времени, а споры по поводу природы ее возникновения, структуры, функций и роли в процессе психотерапии продолжаются и в настоящее время. Во-вторых, эмпатия – ведущая категория целого ряда направлений по оказанию психологической помощи, таких как клиентцентрированный подход, психология самости, интерсубъективный подход в психоанализе, понимающая психотерапия. В самых разных школах психотерапии именно высокий уровень эмпатии психолога считается наиболее доказанным условием эффективности психотерапии в целом. Одним из важнейших профессионально значимых качеств психолога считается способность к эмпатии [9]. Поэтому нельзя недооценивать роль феномена эмпатии, как способности эмоционально реагировать, распознавать эмоциональные состояния и переживания другого и в итоге выбирать адекватные способы взаимодействия, облегчающие страдания другого. В условиях дефицита «теплоты» человеческих отношений, резких негативных изменений в социальной сфере перед людьми встает проблема безразличия, жестокости, эгоизма, черствости в межличностных отношениях. В связи с этим проблема сочувствия, сопереживания, сострадания становится актуальной не только в контексте оказания психологической помощи, но и актуальной социально-психологической проблемой нашего времени.

Высокий уровень многозначности и неопределенности понятия «эмпатия» вызывает необходимость уточнения психологического содержания, смысла данного понятия, его структуры, механизмов, функций и значимости эмпатии в практической деятельности психолога.

Теоретический анализ психолого-педагогических исследований показал, что эмпатия понимается исследователями не однозначно. Понятие эмпатия имеет широкую интерпретацию и глубинное понимание среди ряда зарубежных и отечественных ученых. Проблема возникновения сочувствия людей друг другу имеет древние корни и связывается в науке с этическим понятием

«симпатия». Термин «эмпатия» ввел в научную психологию Э. Титченер, обобщивший развивающиеся в философии идеи о симпатии с теориями вчувствования Э. Клиффорда и Т. Липпса. У Т. Липпс эмпатия рассматривается как специфическаю форма познания неживых объектов, а именно произведений искусства [3,13].

Современные отечественные и зарубежные психологи, рассматривая феномен эмпатии особое внимание уделяют:

- проблеме определения понятия эмпатии, ее структуре, механизмам, видам, функциям (Т.П. Гаврилова, Ю.Б. Гиппенрейтер, Т.Д. Карягина, Е.Н. Козлова, В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, И.М. Юсупов);
- роли эмпатии в профессиональной деятельности психолога (в психотерапии и консультировании), педагога (Ф.Е. Василюк, Т.В. Дорошенко, Дж. Иган, Е.А. Ичаловская, Х. Кохут, А.Б. Орлова, В.Д. Потапова, К. Роджерс, В. Ягнюк);
- развитию особенностей проявления эмпатии в онтогенезе, ее формированию (Е.Д. Землякина., Р.И. Хасанова, С.Н. Сорокоумова, О.В. Тютяева);
- связи эмпатии с мотивами альтруистического поведения и др. (Т.П. Гаврилова, Е. П. Ильин).

Необходимо отметить, также, что в большинстве работ под эмпатией чаще всего понимается – сочувствие, сопереживание, сострадание, понимание психологических состояний других людей. Теоретический анализ существующих определений эмпатии, выполненный отечественным психологом В.Д. Потаповой, дает возможность выделить следующие трактовки этого феномена, а именно такие, как «способность приобщаться к эмоциональной жизни другого человека, его переживаний», «способность к сопереживанию через умение видеть себя на месте других, переживать их состояние в своем воображении», «постижение эмоционального состояния другого человека в форме сопереживания» [13, с 28]. Таким образом, в исследовании ученого, эмпатия рассматривается как психологический механизм, функцией которого является проникновение во внутренний мир чувств другого, «вчувствование», сочувствие, сопереживание [13].

Однако развитие современных представлений об эмпатии как в отечественной, так и в зарубежной психологии преимущественно осуществляется в пределах когнитивно-аффективного и интегративного подходов, что подтверждает сложность и многоуровневость характера феномена.

Приверженцы когнитивного подхода (У. Бронфенбреннер, Р. Даймонд, Р.Б. Карамуратова, В.А. Лабунская) выделяют в структуре эмпатии когнитивный компонент и трактуют ее как способ, обеспечивающий эффективное понимание другого человека, как интеллектуальную реконструкцию его внутреннего мира [5,10].

У представителей аффективного подхода (С. Бергер, Т.И. Пашукова) эмоциональный компонент эмпатии занимает определяющее значение. Она определяется как эмоциональное соучастие в переживаниях других людей,

проявляющаяся в способности человека разделять эмоциональные состояния собеседника [10].

В когнитивно-аффективном направлении (А.А. Бодалев, П. Массен, Н. Ньюкомб) эмпатию рассматривают, как способность понимать другого и сопереживать ему. П. Массен включает в нее два познавательных компонента – способность выделить, назвать чувства другого и принять чужую точку зрения и, наконец, эмоциональный компонент как способность к душевному отклику [15].

Ряд представителей интегративного направления (Т.П. Гаврилова, К.Роджерс, И.М. Юсупов) включают в структуру эмпатии действенный компонент, спецификой которого является доминирование волевых процессов над эмотивными и познавательными. Бескорыстная помощь партнеру может являться внешним выражением данного компонента. [3,10,14,17].

В отечественной психологии проблемой структурного анализа эмпатии как процесса занимался И.М. Юсупов. И.М. Юсупов в динамической структуре эмпатии выделяет следующие компоненты: аффективный, когнитивный и поведенческий. Каждый из компонентов могут взаимодополнять друг друга и как следствие определять тип эмпатийного взаимодействия с доминированием одного из них. Проявления когнитивного и эмоционального компонентов эмпатии возможны при любых взаимоотношениях. Единство когнитивной, эмоциональной и действенной составляющих образуют содействие, которое рассматривается как высший регулятивный компонент эмпатии. Для доверительных отношений характерно эмпатийное содействие, предполагающие комплекс альтруистических актов. И.М. Юсуповым представлена концепция, согласно которой эмоциональная и познавательная составляющие эмпатийного понимания находятся в отношениях комплиментарности [15]. О.В. Тютяева, анализируя исследование И.М. Юсупова, отмечает: «Включение одного компонента в другой происходит при дефиците информации об эмпатируемом объекте с целью «проникновения» в скрытый мир другого человека или антропоморфизованный объект. Данное явление протекает как осознанная или подсознательная децентрация субъекта эмпатии, в подсознательной сфере в виде аналогового перенесения при эмоциональном заражении в искусстве, спортивных играх, психических явлениях толпы, в сфере сознания – в форме рефлексивного рассуждения и атрибуции, в литературном, художественном, научном и техническом творчестве. Наряду с этим, обнаружен эффект опережающего во времени сдвига эмоциональных составляющих эмпатии по отношению к началу понимания. Чем выше неопределенность эмпатогенной ситуации, тем сильнее выраженность эмоционального компонента»[15,с 31-32].

И.М. Юсуповым выделены такие процессы эмпатии как аттракция, интроекция, проекция, интеракция. И обозначены области, в которых протекает каждый из процессов [15,17].

Рассмотрим их более подробно. Так, в области эмоционального, в большей степени подсознательного регулирования, эмпатия как процесс имеет вид *аттракции* и может проявляться в формах *синтонии* и *сопереживания*.

Аттракция – привлекательность одного человека для другого, возникает на уровне бессознательного. Проявляется через: чувство одного субъекта общения к другому, эмоциональную оценку человека человеком и соответствующую регуляцию поведения и эмоционального отношения к другому. В поведении субъектов общения аттракция и альтруистическая направленность взаимообусловлены, так проявление альтруизма способствует усилению неосознанной привлекательности одного человека для другого. А аттракция в свою очередь может вызывать альтруистическое поведение. *Синтония* определяется как положительная или отрицательная реакция субъекта на аффективные переживания другого. Она позволяет соответствующим образом реагировать и устанавливать отношения с партнером по общению через одновременность, созвучие эмоциональных переживаний партнеров по поводу одних и тех же событий. В отличие от синтонии, *сопереживание* - качественно иная и индивидуальная реакция субъекта на эмоциональное состояние другого или ситуацию общения. Сопереживание проявляется через эгоистическую направленность субъекта эмпатии, оно социально обусловлено, имеет индивидуальный характер эмоциональных переживаний. Благодаря чему у человека возникает возможность выстраивать соответствующие отношения и снимать возможные неблагоприятные последствия и фрустрирующие факторы ситуации общения. Сопереживание в непродолжительном межличностном общении проявляется через вербальные или невербальные характеристики общения, что способствует появлению неосознанной привлекательности партнера. При эмоциональной регуляции субъект, испытывающий аттракцию к своему собеседнику, склонен к толкованию его действия как позитивного сопереживания себе и своим проблемам. При произвольном регулировании аттракция может и не вызывать обратной связи, на которую рассчитывает субъект коммуникации, если его партнер выступает в роли наблюдателя, отслеживая рациональные мотивы его поступков. Таким образом, напрасное ожидание похожего эмоционального отклика в данном случае вызывает психологический дискомфорт у субъекта [15,17].

На подсознательном уровне эмпатия обеспечивается процессом *интроекции* в формах *социальной сензитивности и сочувствия*. *Интроекция* определяется как: «приписывание себе субъектом обобщенно отражаемых качеств и особенностей другого через актуализацию внутреннего мира эмпатируемого. Интроекция как процесс перенесения состояния объекта во внутренний план субъекта, необходим для возникновения сочувствия» [15, с 37]. *Сочувствие* (чувственное отражение состояния объекта) возникает в момент когда информация, поступающая от объекта эмпатии, совпадает с собственными шаблонами воспринимающего субъекта. Иначе субъект проявляет безразличие к эмпатогенной ситуации. В процессе взаимодействия сочувствие выполняет отражательную функцию. Основная задача, которой заключается в понимании партнера на эмоциональном уровне. А сопереживание выполняет регулятивную функцию, смысл которой заключается в приобщении, сопричастности субъекта к переживаниям объекта эмпатии. Сензитивность стимулирует проявление сочувствия на уровне подсознания

объекта эмпатии. *Социальная сензитивность* – минимально необходимое условие для возникновения эмпатийного взаимодействия, для нее характерна повышенная чувствительность к происходящим событиям. А так же, для нее свойственны свои приделы варьирования: от полного равнодушия к вербальным воздействиям в непосредственном общении до острых эмоциональных переживаний при восприятии произведений литературы и искусства. Социальную сензитивность и синтонию объединяет общая эмоциональная природа [15].

В области сознания (произвольного регулирования) эмпатия проявляется преобладанием когнитивного и поведенческого компонентов, проявления которых доступны для открытого наблюдения. *Интуиция* выступает связующим звеном сознательной и подсознательной сфер психики, включает когнитивный и эмоциональный компоненты. Под интуицией понимают неконтролируемое сознанием опережающее отражение действительности. Интуиция, в отличие от эмпатии не подвержена волевой регуляции. В пределах волевой регуляции психического поведенческий компонент эмпатии реализуется через процесс интеракции и выражается как активное внутреннее и внешнее действие: в форме рефлексии и альтруистического поведения субъекта соответственно. *Интеракция* – непосредственное межличностное общение, главной особенностью, которого является способность человека принимать роль другого и представлять, как его воспринимает партнер по общению или группа, и в соответствии с этим интерпретировать ситуацию и конструировать собственные действия. Благодаря *рефлексии* человек осознает, как партнер по общению воспринимает его и почему он произвел на него такое впечатление. *Альтруистическое поведение* реализуется в повседневном общении и деятельности людей как социально-психологическое проявление гуманности. В его основе лежит система ценностных ориентации человека на интересы другого или общества. Итак, исходя из вышеизложенного в структуре эмпатии выделяют следующие процессы: интроекцию, аттракцию, интеракцию и проекцию. А формами ее протекания выступают: синтония, сопереживание, сочувствие, социальная сензитивность, интуиция, содействие и рефлексия [15].

Проблему структурного анализа эмпатии как способности рассматривается в исследовании Е.А. Ичаловской [7]. В разработанную структуру эмпатических способностей ее включены: «альтруистическая направленность личности, эмоциональная активность, широта эмоционального репертуара, адаптивная гибкость эмоций, коммуникативная толерантность, развитость экспрессии, способность к синтонии, наблюдательность, интуиция, воображение, способность к идентификации» [15, с 32].

Т.П. Гаврилова на примере своих исследований подтверждает, что разные формы эмпатии базируются на чувствительности человека к своему и чужому миру. Лица, с более высокой способностью к эмпатии, проявляют заинтересованность в других людях. Они отличаются большей эмоциональностью, пластичностью, оптимистичностью. У лиц, с низким уровнем эмпатийности, возникают трудности в установлении контактов. Они в большей мере интровертированны, ригидны, эгоцентричны. Эмпатия выступает

эффективным механизмом способствующим развитию, стабилизации и формированию межличностных отношений, позволяя оказывать эффективную поддержку партнеру не только в обычных, но и в экстремальных условиях жизнедеятельности [3,15].

Психотерапевты клиент-центрированного направления психологии дополнили представление об эмпатии понятием «точной эмпатии». Ученые вкладывают в его содержание больше, чем только способность психотерапевта к проникновению во внутренний мир пациента. Особый вклад в идеи для формирования концепции данного исследования внесли представители психоаналитических традиций Х. Кохут, Р. Гринсон. Ученые объясняют эмпатию с точки зрения концепции идентификации. Подчеркивая ее частичный или пробный характер. По их мнению, эмпатия является универсальной потребностью развития [8,9].

Переходя к рассмотрению функций и роли эмпатии в профессиональной деятельности психолога важно отметить, что одним из критериев их определения выступает большое количество компонентов в ее структуре, а именно эмоционального, когнитивного и поведенческого

В работах В.А. Лабунской, Ю.А. Менджерицкой [10] представлены следующие функции эмпатии:

1. Эмоциональные (аффективные) функции обеспечивают развитие социальных эмоций; упрощают эмоциональное отождествление с другим; позволяют реализовать собственный эмоциональный опыт; сопровождают эмоциональную социальную децентрацию; удовлетворяют эмоциональные потребности; регулируют когнитивные процессы.

2. Когнитивные (познавательные) функции: проявляются в отношении объекта эмпатии к окружающим; позволяют распознавать эмоциональные состояния и отношения других по их поведению и прогнозировать изменения и перспективы дальнейшего взаимодействия; обеспечивают ориентацию в эмоциональных состояниях других и развивают способность принимать точку зрения другого.

3. Поведенческие (действенные) функции: обеспечивают использование социально направленных форм обращения, отражение и выражение суждений по поводу мыслей и чувств другого; сопровождают процесс оказания помощи; корректируют средства обращения субъекта через получение обратной связи; способствуют эффективному выбору адекватных поведенческих актов, которые в свою очередь будут влиять на возникновение взаимной эмпатии [10].

Другим основанием для классификации функций, по мнению В.А. Лабунской, Ю.А. Менджерицкой является выделение двух особых форм эмпатии – сопереживания и сочувствия[10].

Форма *(сопереживание)* усиливает степень отождествления с другим; снимает чувство дискомфорта и напряжение при виде переживаний другого; способствует удовлетворению потребности в собственном благополучии и развивает эгоцентричность поведения.

Форма *(сочувствие)* увеличивает степень понимания эмоциональных состояний другого; актуализирует переживания неблагополучия и удовлетворяет потребность в благополучии другого; предоставляет широкий выбор альтруистических социально направленных форм, стратегий поведения [10].

Эмпатия субъекта влияет и на различные стороны общения. Следующим критерием классификации функций эмпатии выступает структура общения. [15].

В перцептивном компоненте общения эмпатия обеспечивает более эффективное познание собеседниками друг друга и их эмоциональных переживаний. В итоге, формируется более адекватное и полное первое впечатление о другом, снижается влияние стереотипов восприятия партнера по общению. В коммуникативном компоненте общения эмпатия предоставляет особый, основанный на вчувствовании, способ получения, обработки и проверки достоверности информации. В коммуникативном компоненте общения эмпатия мотивирует человека на получение какой-либо информации с целью усиления собственной вовлеченности в процесс общения. На интерактивном уровне общения эмпатия регулирует процесс взаимодействия через оценку и прогноз способов поведения, опираясь при этом на эмоциональное состояние участников. А на основе обратной связи корректирует выбранные способы взаимодействия. При этом предпочтение отдается наиболее комфортным способам поведения. [10].

Исследования субъектно-объектных отношений позволяют выделить рад функций эмпатии. Особое внимание уделяется изучению роли и функциям эмпатии в психотерапии. Отмечается ее важное значение в процессах отражения и восприятия изменений в другом, происходящих на уровнях сознания и бессознательного. При этом, терапевт является субъектом эмпатии, клиент – объектом, а психотерапевтический сеанс выступает особым видом межличностного общения. Группу функций, направленных на формирование характеристик субъекта эмпатии, включает: построение концептуальной модели внутреннего мира другого; применение собственного опыта и воображения терапевта для получения подхода к душевному миру другого и выбор адекватной обратной связи. В группу функций, отвечающих за формирование характеристик объекта эмпатии, включают: проявления эмпатии со стороны терапевта, помогающие клиенту сосредоточить свое внимание на потоке переживаний здесь и сейчас. Эмпатия облегчает процесс структурирования и организации душевного мира объекта эмпатии и, наконец, она позволяет терапевту четко осознавать и дифференцировать чувства клиента и его отношения [10].

Функции эмпатии рассматриваются и вне рамок процесса психотерапии. В работах, В.А. Лабунской., Ю.А. Менджерицкой [10] приводится классификация функций эмпатии, благодаря которым она помогает субъекту эмпатического взаимодействия:

- успешнее других делать выводы об особенностях другого человека;
- сосредотачиваться на собеседнике раньше, чем поступит объективная

информация о его эмоциональном состоянии;

- для прогнозирования ситуации и поведения собеседника эффективнее задействовать свое воображении;

- формировать у себя полную и четкую картину мира других людей [10].

Ю.А. Менджерицкой определены условия, при которых эмпатия может выполнять защитные функции. К ним относится социально направленный характер эмпатии и высокий уровень ее развития [10].

Таким образом, анализ научных исследований отечественных и зарубежных психологов, выявляет значительный интерес ученых к проблеме и роли эмпатии в профессиональной деятельности психолога. В разных направлениях психологической практики высокий уровень эмпатийности психолога считается одним из основных условий эффективности психотерапии в целом. В большинстве работ под эмпатией понимается – сочувствие, сопереживание, сострадание, понимание эмоциональных состояний других людей. В широком смысле развитие представлений об эмпатии как в отечественной, так и в зарубежной психологии осуществляется в рамах когнитивно-аффективного и интегративного подходов. Однако наиболее широко она изучена в русле интегративного подхода. С точки зрения, которого эмпатия рассматривается, как способность эмоционально реагировать, быть готовым к соучастию и сопереживанию (эмоциональный компонент), распознавать эмоциональные состояния и переживания другого, оценивать перспективу взаимодействия с другим (когнитивный компонент) и в итоге использовать адекватные способы взаимодействия (поведенческий компонент), облегчающие страдания другого в процессе оказания психологической помощи. Выделяют также особые формы эмпатии – сочувствие и сопереживание. Сочувствие – увеличивает степень понимания эмоциональных состояний другого; актуализирует переживания неблагополучия другого и удовлетворяет потребность в благополучии другого; предоставляет широкий выбор альтруистических социально направленных форм, стратегий поведения. Сопереживание – усиливает степень отождествления с другим; снимает чувство дискомфорта и напряжение, при виде переживаний другого; способствует удовлетворению потребности в собственном благополучии и развивает эгоцентричность поведения [10]. Процессами, обеспечивающими эффективность протекания эмпатии являются интроекция, аттракция, интеракция и проекция. Формами протекания выступают сопереживание, синтония, социальная сензитивность, сочувствие, интуиция, атрибуция, содействие и рефлексия. На основании выделенных компонентов важно также отметить, что эмпатия как сложное социально - психологическое явление выполняет следующие функции: эмоциональную, когнитивную, поведенческую, сигнальную, регуляторную, защитную и др. Особенно важную роль и значение эмпатия играет в профессиональной и личностной компетенции психолога. Психологами подчеркивается, что эмпатия в первую очередь, позволяет терапевту четко осознавать, дифференцировать чувства клиента и его отношения. А также прогнозировать изменения и перспективы дальнейшего взаимодействия. Она способствует развитию межличностных

отношений и стабилизирует их, обеспечивая и сопровождая процесс эффективного взаимопонимания при оказании психологической помощи.

Литература

1. Ахмедизянова А.Э. Актуализация эмпатии личности средствами кинотреннинга (на примере студентов гуманитарного профиля): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. психол. наук: спец. 19.00.13 „Психология развития, акмеология” / А.Э. Ахмедизянова – Казань, 2011. – 23 с.
2. Василюк Ф.Е. Семиотика и техника эмпатии / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – С 3-14.
3. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии (Исторический обзор и современное состояние проблемы) / Т.П. Гаврилова // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 147-158.
4. Гиппенрейтер Ю.Б. Феномен конгруэнтной эмпатии / Ю.Б. Гиппенрейтер, Т.Д. Карягина, Е.Н. Козлова // Вопросы психологии. – 1993. – №4. – С. 61-68.
5. Дорошенко Т.В. Эмпатия как фактор мотивации в профессиональном становлении личности: дис. … канд. психол. наук: 19.00.01. / Дорошенко Татьяна Владимировна. – Хабаровск, 2007. – 205 с.
6. Иган Дж. Базисная эмпатия как комуникатвный навык / Дж. Иган // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2007. – №1. – С.1-14.
7. Ичаловская Е.А. Развитие эмпатических способностей педагогов, работающих с творчески одаренными учащимися: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Ичаловская Елена Александрова. – Ростов- на-Дону, 1999. – 214 с.
8. Карягина Т.Д. Откуда в психотерапии эмпатия / Т.Д. Карягина // Консультативная психологи и психотерапія. – 2012. – № 1. – С.8-33
9. Карягина Т.Д. Эволюция понятия эмпатия в психологии автореф. дис. на соискание ученой степени канд. психол. наук: спец. 19.00.01. „Общая психология, психология личности, история психологии” / Т.Д.Карягина – Москва,2013. – 35 с.
10. Лабунская В.А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учеб. пособие. [для студ. высш. учеб. зав.] / Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А, Бреус Е.Д. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 288 с.
11. Мельник Е.В. Влияние эмпатии на формирование профессиоанльной коммуникативной компетентности будущих педагогов-психологов автореф. дис. на соискание ученой степени канд. психол. наук: спец. 19.00.07. „Педагогическая психология” / Е.В. Мельник. – Казань,2007. – 23 с.
12. Орлова А.Б. Феномены эмпатии и конгруэнтности / А.Б. Орлова, М.А. Хазанова // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С.68-73.
13. Потапова В.Д. Функціональна система психологічних механізмів інтуїтивно-почуттєвого відображення: монографія / В.Д. Потапова. – Донецьк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2005. – 336 с.
14. Роджерс К. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии / К. Роджерс //Вопросы психологии. – 2001. – №2. – С. 48-58.
15. Тютяева О.В. Психологические особенности эмпатии у детей средненего и старшего школьного возраста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Тютчева О.В. – Ярославль, 2002. – 237 с.
16. Хасанова Р.И. Особенности эмпатии у дошкольников с нарушениями интеллектуального развития автореф. дис. на соискание ученой степени канд. психол. наук: спец. 19.00.07. „Педагогическая психология” / Р.И.Хасанова – Санки-Петербург,2009. – 23 с.
17. Юсупов И.М. Психология эмпатии: (Теоретические и прикладные аспекты): дис. .... доктора психол. наук: 19.00.01 / Ильдар Масгудович Юсупов. – Санкт-Петербург, 1995 – 252 с.

18. Ягнюк К.В. Природа эмпатии и ее роли в психотерапии / К.В. Ягнюк // – [Електронный ресурс] – http://hpsy.ru/public/x728.htm

1.3 ПРОЩЕНИЕ КАК ЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА

Т.Б. Ильина, *доцент кафедры психологии*
Донецкий национальный университет

Так и тянет провести параллели. По мнению многих историков, общественных деятелей, XX век начался не по календарю, а в 1914 г., с началом Первой мировой войны, в которую вступили страны и народы, не ведая, что именно с этого рокового момента начинается поворот к новому веку. По свидетельствам очевидцев, после использования немцами отравляющих газов, все почувствовали, что война перешла в новую стадию, что отныне все позволено и ничто уже не свято. В это время А.Блок писал, что слова “нравственность”, “гуманность” произносить теперь просто неприлично и пошло.

Для нас XXI век начался в 2014 г. … Осознание ситуации, поиск выхода из нее приводит к пониманию, что наше будущее зависит не только от экономики и политики, но и от того, какого рода люди будут его строить, что они дают и смогут дать друг другу как личности.

Несомненно, это направление анализа психологическое, точнее нравственно-психологическое.

Психология всегда мечтала о целостном, уникальном человеке. На уровне научной абстракции можно разделить человека и его жизнь на состояния, функции, процессы, но исследователя никогда не покидала мысль о том, что найдется сказочная «живая вода» и вдохнет жизнь в это существо. От представления о человеке, действующем в направлении достижения некоего результата, произвольно, по своему усмотрению, убеждениям, правилам и ценностям, ныне переходим к более сложной модели человека, в которой должны быть приняты во внимание глубинно-смысловые основания его поступков.

Важнейшим для характеристики личности является типичный, преобладающий для нее способ отношения к другому человеку, другим людям и соответственно к самому себе. К этому приходили многие авторы, но наиболее точно сказано С.Л. Рубинштейном: «Ни один предмет, взятый сам по себе, не может обнаружить свою родовую сущность. Общее проявляется в единичном через отношение единичного к единичному, когда одно единичное выступает в качестве эквивалента другого. Категория рода осуществляется через категорию отношения в ее связи с кагегорией вещи. Это есть общелогическая категориальная основа для понимания того, как родовое свойство человека рскрывается через отношение одного человека к другому…Величие человека проявляется не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и првильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию». [9, с.333].

Рассматривая человека в целостности, С.Л. Рубинштейн отличал два его отношения к жизни.

Первое – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, здесь всякое отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Второе – связано с появлением рефлексии, она прерывает этот непрерывный процесс и выводит человека мысленно за его пределы, обуславливает жизненную позицию.

Результатом рефлексии может быть душевная опустошенность, цинизм либо, наоборот, сознательное построение нравственной человеческой жизни, ее философское осмысление. С этого момента появляется проблема ответственности за все содеянное и упущенное, проблема ближнего и дальнего, искушения и покаяния и т.д. От такого обобщенного, итогового отношения человека к жизни зависит и поведение субъекта, степень его зависимости или свободы от ситуации [9].

Таким образом, в концепции С.Л. Рубинштейна самосознание сближается с нравственным сознанием, что рассматривают как следствие онтологизации этики. К.А. Абульханова-Славская и А.В. Брушлинский однозначно позитивным результатом данной онтологизации считают преодоление отчуждения нравственности от человека [5]. На наш взгляд, сближение этики и психологии – особая проблема, в русле которой хотелось бы поразмыслить над вопросом: что конкретно-эмпирически представляет прощение?

Сразу хотелось бы подчеркнуть, что безусловно, это интенсивная деятельность сознания, затрагивающая аффективный, когнитивный, аксиологический компоненты, приводящая к порождению иного ценностного отношения к миру, к себе. Прощение – это всегда конструктивная стратегия поведения в ответ на обиду, всегда направлена и конкретна.

Полагаем, что обиду можно рассматривать как сложное аффективное состояние: это и понижение самоуважения, рассогласования в системе «ожидание – ценность – результат», ощущение несамостоятельности, зависимости, апатии, уныния, усталости, сужения границ Я, утрата стратегических социальных ориентиров, доминирование бессознательной сферы над сознательной, непоследовательность оценочных процессов, снижение уровня оптимизма, неустойчивость поведения. Феноменологически это очень напоминает состояние «кризисного сознания» [10].

Поскольку прощение – процесс творческий по характеру осуществления, а по результатам ведет к расширению границ индивидуального сознания до всеобщего, очевидно, возможно рассматривать его как механизм совладания, копинг – поведения (R. Lazarus, 1980). Под термином «coping» понимается процесс конструктивного приспособления, в результате которого человек справляется с ситуацией таким образом, что трудности преодолеваются, возникает чувство роста собственных возможностей, повышение самооценки.

Переживание обиды – не одномоментный акт во временном контексте, непростая внутренняя работа с возможными рецидивами, саморазрушением. Пока человек слаб. Позволим себе согласиться с В.П. Зинченко в том, что сознание ограничено, далеко от совершенства и целостности, взаимоотношения

души и тела далеки от гармонии, самосознающее Я не может властвовать в полной мере ни над душой, ни над телом, оно мечется между ними в поисках если не гармонии то более удобного жилья [6]. Это усложняет процесс прощения и делает закономерным вопрос о принципиальной способности большинства людей к истинному прощению, рассматриваемому не в плоскости адаптации, а в контексте освоения культурных ценностей, так как вне прикосновения к ним мы не можем рассчитывать на самовосстановление сознания.

Находясь на уровне обыденного сознания обнаруживаем, что его пространство опрощается в набор императивных правил без осмысления, мышление представлено способностью строить суждение и потоком речемышления, где интуитивно-стихийно освоенные нормы и схемы языка заменяют схемы и модели мышления [11].

Поэтому нельзя не учитывать то обстоятельство, что в трудных жизненных ситуациях моральная устойчивость, сохранение способности к целеполаганию «…. є лише тим ідеалом до якого мусить прагнути особистість, але, нажаль не завжди його досягає. Крім того не всі моральні властивості людини мають однаковий рівень розвитку, та і протилежні за значущістю якості можуть часто-густо співіснувати й по – своєму виявлятися у поведінці» [1, с. 140].

На наш взгляд, в психологическом плане прощение - это трансформация психического образа в сторону понижения его значимости в структуре жизненных и личностных отношений. Это переструктурирование образов целостной ситуации, в которой одни объекты и явления выступают на первый план, другие – затушевываются, меняются субъективные связи между элементами рефлексируемой ситуации. Когда этот процесс завершен, он лишается эмоциональной индикации и становится компонентом индивидуального опыта человека.

Представляется возможным для содержательной характеристики процесса прощения использовать символическую оценочную шкалу с полюсами «верх - низ». Так, вытеснение ориентировано «вниз», а катарсис – «вверх». Движение «вниз» связано с работой защитных механизмов: вытеснения, рационализации, отрицания и т.д. Известно, что когда человек переходит к переструктуированию своего сознания, это сопровождается некоторыми «разрывами памяти», что отчасти снижает напряжение, действие психотравмы. Поэтически это хорошо выразила М. Петровых:

Тот, кто подослал тебя, старуху…
Что б о нем ни слова, ни полслова,
Что б о нем ни слуху, и ни духу.
Знать не знаю. Не было такого.
Не было, и нету, и не будет
Ныне, и по всякий день, и присно
Даже ненавидеть не принудит,
Даже ненавидеть ненавистно.

Но в то же время многие процессы прощения имеют явно выраженное вертикальное направление, когда человек приобщается к ценностям высшим, общечеловеческим, культурным:

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, - пусть вопиют!
Но я искал – и это видел
Тот, кто один мне – правый суд!

(В. Брюсов)

Можно предположить, что по конечному результату прощение как порождение жизнеутверждающей стратегии, веры в человека и себя всегда будет движением «вверх», но по способу его достижения – очень часто «вниз». Задача психолога показать человеку все богатство и противоречивость его жизни – этим больше всего можно укрепить и душевно помочь жить полной жизнью в данных условиях. «Злоба ли тайная, зависть открытая… или друзей клевета ядовитая…» – никуда это не делось в наши дни. Важно, отмечая это и противодействуя – а как же иначе, - не оставлять зарубок в душе, не вызвать глобального озлобления, повального недоверия и равнодушия ко всем и всему в жизни. Прощение является на самом деле прощанием с чувством горечи и обиды, ощущением боли.

Индивидуальные особенности, микросоциальное окружение оказывает существенное влияние на феноменологию переживания обиды, динамику прощения. Однако некоторые закономерности, этапы названного процесса можно выделить [4]. **Фаза открытия** связана с тем, что человек осознает, что вся его энергия тратится на переживание травмирующей ситуации, сравнение своего неприятного положения с положением обидчика, с пониманием того, что разрушение может стать необратимым. **Фаза решения** характеризуется поиском стратегий совладания, оценкой их эффективности, что приводит к решению взять на себя тяжкий труд: простить обидчика. Пересмотр собственных взглядов, стремление к пониманию личной ситуации обидчика и действующих на него стрессоров, вызвавших причиняющее боль поведение, дают возможность прощающему полнее понять поведение обидчика и даже ему посочувствовать. На заключительной **фазе результата** экзистенциальная рефлексия может привести к пониманию того, что сама обида и продвижение в сторону прощения имеет глубокое позитивное значение: человек понимает, что и сам несовершенен, и в прошлом наносил обиды другим, а значит тоже нуждается в прощении, может осознать какую поддержку получил от окружения в трудный период и испытать за нее благодарность. Все это приводит к ощущению «нормальности» течения жизни, постановке новых целей.

В русле обсуждаемой проблемы нами была сделана попытка изучения некоторых индивидуальных особенностей личности, обуславливающих прощение (дипломные работы Л.Ю. Курочки и Н.И. Ульдюковой, выполненные под руководством Т.Б. Ильиной). В качестве испытуемых выступили мужчины и женщины с высшим и средним специальным образованием, медики, средний возраст 39 лет.

В результате проведения разработанного нами интервью было выявлено, что все испытуемые сталкивались с переживанием обиды и считают, что от нее необходимо избавляться. Основной путь – прощения обидчика «по голосу совести, из желания быть выше обид, проявить собственное превосходство, великодушие» и т.д. Назывались и другие пути избавления от обиды: не замечать обидчика, хорошо к нему относиться, поделиться с кем-то своими переживаниями, посетить церковь, самоуспокоиться, дать выход эмоциям в плаче и т.д.

В ответ на вопрос «Зачем людям прощать обиды?» выделены следующие основные предельные смыслы: установление гармоничных отношений; жизнь в радости, любви и счастье; облегчение; улучшение жизни своей и окружающих; обретение спокойствия; обретение свободы и мира; нахождение смысла жизни; сохранение жизни на Земле (методика предельных смыслов, Д.А. Леонтьев.

Из 36 испытуемых 3% считают, что невозможно простить обидчика не наказав его; 22% - могут простить, если ему будут принесены извинения; 36% - прощают без всяких условий. На основе самоописания, эмпирическим путем мы условно выделили две подгруппы: 1 – лица, прощающие обиду; 2 – лица, не склонные к прощению. Оказалось, что содержательно-смысловая структура у выделенных подгрупп по ряду параметров различается. Результаты сравнения полученных данных по обеим подгруппам приведены в таблице 1.

Таблица 1

Количественные показатели по категориям предельных смыслов
(t – критерии Стьюдента)

Подгруппа	**Структурные индикаторы**				**Содержательные индикаторы (%)**			
	NПК	**NУК**	**Исв**	**СДЦ**	**Пр.**	**ИД**	**ИР**	**ИН**
1	1,79	1,79	1	6,57	3,71	11,1	15	13,74
2	1,36	1,64	1,3	6,29	3,07	12,89	16.16	28.69
p	2.449	0.816	-2.28	0.374	0.813	-0.3463	-0.7334	-2.4302
Значимость	Знач. для $\alpha \le 0{,}05$	Не значимо	Знач. для $\alpha \le 0{,}05$	Знач. для $\alpha \le 0{,}05$	Не значимо	Не значимо	Не значимо	Знач. для $\alpha \le 0{,}05$

Примечание:
NПК – число предельных категорий
NУК – абсолютное число узловых категорий
И св – индекс связности
СДЦ – средняя длина цепи
Пр – продуктивность
ИД – индекс децентрации
ИР – индекс рефлективности
ИН – индекс негативности

Из структурных индикаторов значимые различия выявляются по числу *предельных категорий, средней длине цепей* (здесь и далее мы исходили из 5% уровня значимости). Значения этих показателей у лиц первой подгруппы выше,

чем у второй. Это говорит о более успешном нахождении предельных оснований человеческих действий лицами, которые прощают обиды.

Индекс связности у лиц второй подгруппы больше, чем у первой, т.е. лица второй подгруппы создают более ветвящуюся древовидную структуру связей, сходящихся к одному предельному смыслу. В обеих подгруппах индекс связности высок, это указывает на то, что представления о предельном смысле прощения образуют достаточно сложную, связную структурную целостность.

Индексы децентрации и рефлексивности в обеих подгруппах существенно не различаются. То есть для обеих подгрупп в одинаковой степени собственное «Я» выступает смысловым центром мира. Испытуемые обеих подгрупп в равной мере соотносят свои помыслы и действия с интересами других людей, понимают чужие беды и проблемы. Внутренний мир их достаточно развит и осознан.

Индекс негативности существенно выше у испытуемых второй подгруппы. Этот индекс характеризует гомеостатическую ориентацию личности. Вероятно, потому в ответах испытуемых второй подгруппы чаще фигурируют высказывания, характеризующие прямое отрицание: «Чтобы не страдать», «чтобы не болеть», «чтобы не обижаться». Можно предположить, что обосновывая человеческие действия, они проявляют тем самым склонность к ограничению всякой активности, не вызванной ситуативной необходимостью. Такие люди не желают менять что-то в жизни, замкнуты на самих себе. В данном случае, избегание дискомфорта обеспечивается действием защитного механизма отрицания, в результате чего происходит замена социально неприемлемых содержаний сознания на социально приемлемые, что обеспечивает на какой-то период внутренний комфорт и согласие с собой [3,7]. Можно предположить, что этот паттерн защитного поведения характерен для лиц, неуверенных в себе, имеющих низкую самооценку, что будет целесообразно проверить в дальнейших исследованиях.

Конечно, данное исследование, весьма ограниченное по выборке, не дает возможности сделать достаточно определенные заключения. Оно является пробным шагом в пока еще эмпирически малоизученной области. Тем не менее, результат обнадеживает и привязывает к более обширному и тщательному изучению смысловых образований и осмысленности процесса прощения в частности.

Литература

1. Бех І.Д. Від волі до особистості. – Київ. – 1995. – 202 с.
2. Деміденко В.К. Образа та шляхи звільнення від неї // Матеріали IV Костюківських читань. Т. 1. – 1999. – С. 379-386.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 264с.
4. Гассин Е.А. Психология прощения // Вопросы психологии. – 1999. - № 4. – С. 93-103.
5. Гордеева О.В. О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии //Вест. МГУ. Сер. 14. Психология. – 1997. - № 3. – С. 12-21.
6. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. - № 2. – С. 15-36

7. Леонтьев Д.А., Филатова М.А. Психодиагностические возможности методики предельных смыслов. // Вест. МГУ. Сер. 14 Психология. – 1999. - № 2. – С. 53-67.
8. Максименко Ю.Б. Человек – существо страдающее // Сборник научных трудов ИПО ИПР. – Донецк. – 1999. – С. 45-49.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Изд-во Педагогика, 1973. – 422 с.
10. Титаренко Т.М. Жизненный мир личности: структурно-генетический подход: Дис… д-ра психол. наук. – Киев, 1994.
11. Швалб Ю.М. Психологические механизмы целеполагания в учебной деятельности: Дис… д-ра психол. наук. – Киев, 1998.

1.4 К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТНЫХ ДИСПОЗИЦИЯХ: СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОБРАЗА Я

А.А. Кацеро, *канд. психол. наук, доцент*
Донецкий национальный университет

Образ Я личности, как развитая и многогранная система, настоятельно требует определения своих сущностных и содержательно-функциональных параметров. Это образование, имея устойчивые и общеупотребляемые лексические обозначения («Я-концепция», «образ самого себя», «образ «Я», «Я-система», «Я-конструкт», «Я-образ» и др.), вызывает, однако, очень часто, целый ряд близкородственных толкований или разносемантичних трактовок. Попытки ученых создать общую дефиницию или сконструировать шкалу использования в результате тщательной дифференциации (М. Лисина, В. Столин, А. Прихожан, Н. Толстых, Т. Дмитрова и др.) не привели к стабильному успеху [1,9,11,12]. Поэтому, перед каждым исследователем данной проблемы неизбежно встает задача – определить универсальную номинативную единицу, которая содержала бы весь спектр положений и характеристик образов сферы человеческой «самости». Наверное, самым рациональным способом, а его, кстати, придерживаются большинство отечественных и зарубежных ученых, будет синонимика терминологического использования и применения, с обязательным авторским акцентированием и выделением специально исследуемых аспектов.

Так И. Кант, обсуждая вопрос самовосприятия, писал, что человеческое Я ощущается двойным: а) Я – тот кто мыслит, обозначает апперцепцию (рефлективное Я), и об этом ничего больше сказать невозможно, так как это является абсолютно простым представлением; б) Я – объект восприятия, то есть внутреннее чувство, содержащее в себе множество определений, делающих возможным внутренний опыт [10].

Известно, что З. Фрейд субстанциализировал различные аспекты психической деятельности, превратил их в самостоятельные сущности и противопоставил друг другу [16]. Критики Фрейда обычно подчеркивают неправомерность субстанциалистической трактовки бессознательного, указывая, что за этим стоит несколько качественно разнородных явлений (В. Мясищев, В. Мерлин). Переход психологии от субстанциалистической

трактовки к социально-психологической предусматривает более детальное деление образов Я. Обращает на себя внимание то, что современные исследователи, проводя свои поиски, в основном отталкиваются от «базовой» рефлексивной модели образа Я («кто Я», « какой Я»), охарактеризованной М. Розенбергом и Г. Каплан [18].

Образ Я – совокупность возникающих на протяжении жизни представлений индивида о самом себе: о телесных, организменных особенностях, об интеллектуальности, нравственности, чувственности, чувствительности, эмоциональности, общительности... Человек, по мере проживания своей жизни, подкрепляет имеющийся образ Я, а также обнаруживает, замечает и запечатлевает о себе новое, ранее неизвестное, или незамеченное [8]. И это новое с разной степенью либо гармонирует, либо вступает в конфликт с уже существующими представлениями о себе. То новое, что ярко дисгармонично, чаще всего, отбрасывается, отклоняется, «вытирается» из сознания. А представления, принципиально не вступающие в противоречие с уже имеющимися, принимаются.

Вновь образованные, встраиваемые в образ Я представления не всегда осознаются. И неосознаваемые тогда являются фоном для самосознания, но позже способны перейти с неосознанного уровня на осознанный.

Отвергнутые, отклоненные представления тоже способны осознаваться. По мнению Н. Гульяновой [5], глубина осознания образа Я рассматривается как показатель (индикатор) глобального принятия или неприятия, отвержения, пренебрежения. Обращает на себя внимание то, что к глобально принятым могут принадлежать так же отрицательные элементы образа Я.

Имеющая значение для личности неудача, неуспех понижает устойчивость представлений о самом себе. Противоречия, содержащие конфликты структурных составляющих образа Я, в таких жизненных ситуациях становятся заостренными. Тогда личность вынуждена проводить ревизию образа себя, самопереоцениваться. В это время самопринятие, как базовое глобальное чувство привязанности, симпатии к себе, повышается/ снижается, либо остается прежним. И переживающий, чувствующий в представлениях о себе какой-то внутренний конфликт, человек в ситуации неприятия себя ощущает это противоречие еще более выраженно.

Важно подчеркнуть следующее: положительному образу Я, комплексному принятию себя, соответствует более полное и глубокое осознание своего образа. Принимаемые представления о себе могут легко актуализироваться и осознаваться человеком. Описания, соответствующие представлениям личности о себе, ощущаются как субъективно адекватные. А неприятие образы самого себя порождают конфликтные самоотношения, выражающиеся в переживании неудовлетворенности собой, в проблемности своего Я [8].

Особо обращает на себя внимание то, что образ Я и понимание себя как субъекта жизнедеятельности меняется у человека с переходом из одной возрастной категории в другую; так же на них влияют пол, профессия, принадлежность к социальным стратам...

Общее развитие у человека обобщенного образа Я идет таким путем:

- определение человеком своих отличительных от других черт;
- осознание того, как его воспринимают;
- появление представлений о своих психологических особенностях, которые характеризуют именно его личностную непохожесть (эта повторная трансформация основана на умении рассуждать и выдвигать предположения о собственных внутренних качествах).

Целостное Я человека возникает раньше, чем конкретные выражения Я. С. Рубинштейн рассматривает это положение через призму межличностных отношений (система «Я – Другой») В такой системе отношений происходит открытие себя, осознание мира и осмысление себя как активного начала в нем [13]. Впрочем, осознание Я – вторично. Первично – осознание Другого. Область взаимоотношений индивида и окружения является предпосылкой формирования образа Я. Степень целостности, устойчивости такого образа напрямую коррелирует со степенью гармоничности/дисгармоничности отношений с социумом, в которых принимает участие человек. Гибкость социальной координации действий каждой зрелой личности основывается на способности формировать образ Я.

Саморегуляция сортирует, координирует эмоционально-потребностную сферу и деятельностную активность личности, является базой чувства Я [7]. Проба человеком собственных возможностей, испытание своих способностей, практический опыт дают определенность этому чувству.

Разнообразие в поведении и деятельности позиций, жизненных ролей, (Я – друг, Я – профессионал ...), не приводит к множеству различных Я. Это можно объяснить динамикой целостного образа Я, который собирает и соединяет разнокачественную активность личности, создает инвариант. Этот инвариант позволяет личности не раскалываться на многочисленные образы различных исполнителей своих жизненных ролей. Кроме того, Я, развиваясь и обогащаясь, с помощью самосознания постоянно производит анализ, объяснение, обобщение собственного способа самореализации, находя его достоинства и недостатки.

По мнению А. Бодалева, человек может выстраивать свое поведение и организовывать деятельность на уровне своего обычного Я, но может осуществлять свои поступки и действия на уровне высшего Я. Я, осознанное человеком, всегда обладает ценностным весом. При этом образующие это Я компоненты тоже имеют свое ценностное значение. У некоторых лиц Я – это самая главная ценность, у иных же данная ценность не превышает по значимости другие стороны действительности. Было обнаружено, что в разной степени осознанные образы индивида, которые вошли в Я, если сравнивать их значимость для конкретного субъекта, существенно варьируются от человека к человеку (это такие, которые относятся к его полу, возрасту, профессии, национальности и др.). В отдельном, конкретном случае доминируют разнообразные представления о себе [3]. Кроме того, с переходом человека с одного возрастного этапа на следующий, при изменениях в телесном и психологическом мирах, ценностное значение этих образов Я (у А. Бодалева –

так называемые «ипостаси») изменяется. Ипостаси, доминирующие в образе Я и оказывающие влияющие на поведение и деятельность при определенных обстоятельства (иных обстоятельствах) оказываются на периферии, а место в центре занимают совсем другие. Происходит замещение. Однако существует и иная ситуация: у личности одно конкретное представление о себе сохраняет главное место в течение относительно длительного периода жизни, и не считается исключением наличие образов противостоящих, противоречащих один другому. Можно сделать вывод: образ Я следует трактовать в аспекте продукта апробации индивидом собственных оценок себя, притязаний, желаний, ожиданий в процессе жизнедеятельности. При этом относительная устойчивость его поведения психологически обеспечивается весомым влиянием на мироощущение обобщенного (совокупного) образа Я.

Становится ясным, что образ Я, понимаемый как продукт самовосприятия, субъективного отражения человеком самого себя, специфичен, что обусловлено потоком незаурядных жизненных ситуаций.

Хронические стрессы приводят к понижению степени терпимости человека к очередным стрессам и фрустрациям, поэтому, даже на стрессор и фрустратор небольшой силы и низкой личной значимости индивид начинает реагировать так, будто это большая для него опасность. И. Джэнис показывает, что часто повторяющиеся напряженные ситуации являются факторами понижения самоуважения, возникновения чувства личной беспомощности, некомпетентности в работе, в жизненных ситуациях, приводят к ухудшению взаимодействия с окружающим миром, с социумом. Негативизация образа Я создает предпосылки для череды изменений поведения и деятельности: появляется существенная зависимость от социальной среды, возникает уверенность в худшем сценарии выполнения деятельности, в отрицательных последствиях. Продолжительное влияние фрустратора, заниженная самооценка личности может привести к деморализации. Как результат – усиление готовности к девиациям, преступлениям.

Однако, такие изменения характерны не для всех. Как показали дальнейшие исследования, в экстремальных, кризисных ситуациях, в трудных условиях существования высокую самооценку и чувство компетентности поддерживают у себя те, кто не ждет внешнего вознаграждения, те, кто имеет способность создавать внутреннее чувство награды и переживает достижение успеха в процессе деятельности. Таков путь возникновения внутренне сильной личности, которая удерживает свое самоуважение на должном уровне, сохраняет позитивный образ Я, т. е. у нее присутствуют высокие способности к адаптации.

Важным в аспекте преодоления сложных/кризисных ситуаций нам представляется то, что Образ Я участвует в адаптации к этому миру, будучи сложным структурным образованием:

Телесный образ Я. В. Шонфельд [15] называет элементы, которые и на сознательном, и на бессознательном уровнях определяют образ тела человека. А именно:

- актуальное субъективное восприятие человеком как внешности, так и способности к функционированию;

- интериоризированные факторы, которые являются продуктом эмоционального опыта индивида так же, как и деформация концепции тела, проявляющаяся в соматических иллюзиях;

- социальные детерминанты, что обуславливается тем, родители, ближайшее и дальнее окружение реагируют на индивида;

- идеальный образ тела, который содержится в рекомендациях по отношению к телу; и это связанно с ощущениям, восприятием, сравнениям собственного тела с телами других людей.

Образ тела есть базисным, на нем разворачивается последующее становление, развитие, преобразование образа Я.

А. Шмарян подчеркивал – представления о собственном теле есть синтез самопринятия, что выступает механизмом выделения Я из внешнего мира. Многими авторами отмечается – четкое разграничение Я от не-Я является одним из главных показателей актуального сознательного состояния личности.

В современных научных работах, посвященных вопросам образа Я, онтогенетическое развитие телесного Я прослеживается достаточно подробно. Показано, что раннее физическое развитие (акселерация) и владение определенным типом телесной конституции способствуют появлению позитивного телесного образа Я. Это влечет за собой возможное повышение привлекательности личности среди своих сверстников, что выступает условием улучшения социальной адаптации. Акселерация способствует развитию коммуникативности и самоконтроля. А ретардация, порождая трудности адаптации, приводит к негативным результатам. Однако при этом отмечается и положительный аспект – у таких лиц более развиты воображение, эмоциональность. Данные качества необходимы при столкновении с неожиданными ситуациями.

Недостатки тела глубоко фрустрируют личность, порождая дезадаптацию и тревогу. В таких случаях, считает А. Налчаджян, могут разворачиваться процессы компенсации и сверхкомпенсации, а они по своей мотивации считаются адаптивными процессами [10]. Возможны другие варианты компенсаторно-защитной адаптации (вытеснение, агрессия, приспособление к установкам окружающих).

Реальное Я (комплекс качеств, присвоенных человеком в настоящий отрезок его существования) играет существенное значение в жизнедеятельности. Оно мотивирует активность личности, детерминирует выбор ближайших целей, выбор адаптивных механизмов и стратегий и др. Настоящее Я принимает участие в актуальных социальных ситуациях. Но когда условия жизни меняются, меняется происходящее, то и с настоящим Я (реальным Я) происходят определенные изменения – такие, которые обеспечивают разнообразные варианты реагирования, регулирование поведения. Реальное Я – источник роста личности. Условия роста: положительное отношение социального окружения к человеку, а также положительные отношения личности с окружающими. Если свободное

здоровое развитие невозможно (согласно заложенного в определенного человека индивидуального и унаследованного), то постепенно и бессознательно воображение личности особо активно создает идеальный образ Я.

Идеальное Я. Оно в своем содержании имеет самопредставление – то, каким обязан быть индивид, исходя из усвоенных морально-нравственных правил, ценностей, образцов поведения. У растущей личности идеальное Я носит отпечаток персоны, связывается с образом какого-либо иного лица. По мере взросления несложные типы идентификации исчезают и появляются на их месте более глубокие и сложно структурированные. Идентификации с одной персоной заменяются идентификациями частичными, связанными с разными людьми, вследствие чего человек внутренне эмансипируется, обособляется. Абсолютная идентификация себя с иными людьми является примитивной идентификацией, той, которая ведет к фиксации на образах конкретных индивидов. Она значима, имеет положительный оттенок на начальных этапах возникновения образа Я. Но постепенно она становится анахронизмом, ведь может задерживаться социально-психическое созревание личности.

В процессе жизни каждая ступень отделения, идентичности индивида допускает важность нахождения особого индивидуального способа вхождения в действительность (А. Славская). Здесь и срабатывает механизм интерпретации, находящийся в связи с самовыражением Я. [14]. В результате человек приобретает способность осознавать свое Я, у него формируется самооценка.

Нормативное Я – образ, представление – каким человек должен быть в определенном окружении, для того, чтобы его поступки вызывали одобрение и уважение других людей (М. Рауст фон Врихт). Он представляет собой продукт интериоризации ожиданий и систем ценностей, сформулированных и предложенных социумом [17]. Можно считать, что соотношением своих действий с идеальным Я обусловливается самооценка человека, а соотношением с нормативным Я – его социально успешный тип.

Возможное Я. В образе Я это представления человека на тему «какой личностью я могу быть». Рост и изменение личности путем образования любого возможного Я обуславливается различными реальными статусами и ролями, которые личность занимает, выполняет в разных больших и малых группах, особенно – в социально для нее привлекательных, референтных.

Динамическое Я – это образ того типа личности, которым человек имеет целью быть с учетом реальных условий жизни и развития. А. Налчаджян указывает – в центре динамического Я особое место принадлежит: а) притязаниям личности; б) ее идентификацим с идеалами; в) ее идентификацим с референтными группами, с их лидерами; г) представления о желаемых статусах и ролях.

Если у человека имеются адекватные знания, оценки, представления о себе, то они усиливают его потенциал, обогащают ресурсы новыми способностями и возможностями. Обратный результат случается когда образ своего Я неадекватен, искажен. И тогда реакция на внешние раздражители становится, в основном, неоправданной или даже бессмысленной.

Фантастическое Я. Это Я включает в себя образы того, каким желал бы стать индивид при условии, что он может отвлечься от реальности, в которой проистекает его жизнь. Структура фантастического Я постепенно сворачивается, по окончании такого этапа жизни как юность, что является весьма адаптивным моментом [5].

Показное Я: Я, выставленное на обозрение, скрывающее какие-то свои особенности. Оно ситуативно, однако, достаточно устойчиво и не один раз воспроизводится в определенных ситуациях. В исследованиях Налчаджян доказано, что показное Я имеет больше сходства с идеальным Я человека, чем с реальным. Оно подталкивает к развитию в сторону идеального Я. И является при этом защитно-адаптивным образованием.

Фальшивое Я – искажение, искривление актуального Я. Для поддержки фальшивых, и в то же время желаемых Я, человеком в системе, неоднократно, используются следующие механизмы: самообман, вытеснение, дискредитация. Благодаря этому индивид обретает такие черты самосознания: опасение отрицательной самооценки, ожидание плохого отношения окружающих. Они связаны с самоуважением. Искривленные представления о себе устанавливают препятствия на пути к адекватному осмыслению, пониманию собственного опыта и опыта других людей. Так осуществляется переход от искаженного самопознания к искаженному познанию социума, да и всего мира.

Понимание назначения образа Я дает обращение к исследованиям Р. Бернса, И. Беха, А. Вознюк, И. Кона, М. Левковского, А. Петровского, В. Столина и др, в которых можно проследить сложные связи человеческого Я с его развитием. Ряд авторов считает, что четыре базовых вектора развития человека, генетически вытекающие из основной ситуативно-экзистенциальной активности, личностью кристаллизуются в рамках разных типов активности: трудовой, ролевой, мыслительной, целеполагания [2]. Четыре типа жизненной активности человека соотносятся со следующими основными личностными феноменами:

- система ценностных ориентаций соотносится с таким типом жизненной активности как определение цели;
- система субстанционного Я соотносится с трудовой активностью;
- система рефлексивного Я соотносится с мышлением как рефлексивным процессом;
- система внутреннего общественно-личностного контроля находится в определенной связи с ролевой активностью человека.

В ситуациях, требующих владения собой, ведущее влияние оказывают возможное Я и идеальное Я (эти ситуации часто определяются как непростые, содержащие серьезную угрозу адаптации человека, бо́льшую чем обычные) [4]. Отмечается – ключевым компонентом взаимосвязи между представлениями о самом себе и стратегиями овладения поведением есть возможное Я. Это происходит потому, что в случае многочисленного выбора активизируется прогноз и самопрогноз, а возможное Я содержит самопрогноз на короткое время, оно является попыткой самомоделирования. Таким образом, происходит

изменение функций, их расширение. Я регулирует свое природно-телесное и психологическое самочувствие и придает ему внешнюю форму выражения.

Идеализация, позитивизация себя в сложных ситуациях дает человеку необходимое в данный момент чувство значимости и превосходства. Идеал самого себя отвечает насущным потребностям. Происходит изменение в самоощущении, и энергия, управляющая движением к самореализации, направляется на актуализацию идеального Я. Тогда субъект действия находит свое место в мире, самоопределяется, раскрывает свои потенции, реализует возможности, поднимается к идеальному Я. Активизация собственного Я постоянно пробуждает стремление к все большей сложности, самодостаточности, компетентности, зрелости.

Выявлено, что положительный образ Я весьма важен не только для ситуативной реализации поведения, но и для утверждения личности в социуме [8]. Образ Я способствует актуализации большей или меньшей панорамы ее способностей, конкретизируя то, что она может/не может осуществить. П. Леки обнаружил: возникновение у человека трудности при познании какой-либо области показывает – ему не столько не хватает способностей, сколько у него сформирован неадекватный образ Я, поэтому внутренне принята ориентация на поражение. Эмпирические исследования подтвердили такой факт: как только положительно меняется образ Я человека, – облегчается и ускоряется процесс решения личностных проблем и задач.

Вслед за О. Гуменюк следует выделить такие характеристики создания положительного образа Я [6]:

- ролевая идентификация (Я - способный);
- внутренняя целостность и согласованность между модальностями образа Я (реальным, идеальным, ...);
- относительная стабильность представлений о самом себе;
- ориентированность на культурность и духовность межсубъектных контактов;
- общий позитив жизнедеятельности.

Обобщая вышесказанное, следует отметить:

В многочисленных научных работах, посвященных проблеме образа Я, часто рассматриваемого как итоговый продукт самовосприятия, самопознания, конкретизируется поиск видов и классификаций модальностей, идет поиск способов измерений и содержательных характеристик параметров человеческой образности.

Образ Я, как личностная диспозиция, выступает активным источником и ведущим регулятором поведения. Он является условием внутренней согласованности личности.

Изменяя и реализуя себя, Я сохраняет целостность личности, участвует в процессе ее адаптации.

Ценностные значения образа Я, будучи результатом и фактором социализации и социально-психической адаптации личности к ситуации ее жизнедеятельности, являются динамическими, изменяются.

Вывод. Особенности структуры, содержания, компонентов, динамики образа Я оказывают существенное влияние почти на все аспекты жизнедеятельности человека, выполняя значимую роль в осуществлении межличностных отношений, в преодолении сложных/кризисных ситуаций, в особенностях течения интеллектуальных, эмоциональных процессов и др. Основные функции образа Я – регуляция, побуждение, защита, репрезентация, – выполняют мотивацию деятельности и поведения, обеспечивают поиск баланса между отношением человека к самому себе и к окружающей действительности. В свете усиливающихся в настоящее время тенденций экстримизации жизнедеятельности общества (что повышает внимание к личностным диспозициям, обеспечивающим адаптивный процесс), эти функции требуют дальнейшего глубокого рассмотрения и понимания их роли и динамики.

Литература

1. Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р. «Образ я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии.. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология, выпуск № 6 (265) / 2012. http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ya-kak-predmet-issledovaniya-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-psihologii#ixzz3slgy3O4N
2. Бех І.Д., Вознюк О.В., Левківський М.В. Деякі аспекти нової виховної парадигми (в контексті творчості А.С. Макаренка) // Педагогіка і психологія – 2001. – №1. – С. 5-17.
3. Бодалев А.А. О психологическом понимании человека // Мир писхологии. – 2002. – №2. – С. 12-17.
4. Голованевская В.И. Характеристика Я – концепции и предпочтение стратегий совладающего поведения // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.14. Психологія. – 2003. – №4 – С. 30-36.
5. Гульянова Н.А. О связи самопринятия и осознания Я-образа в ситуации неуспеха // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.14. Психология. – 2001. – №3. – С. 68-75.
6. Гуменюк О.Є. Психологія Я-концепції. – Тернопіль: Економічна думка, 2002. – 186 с.
7. Кацеро А.А. Самодетерминация как «механизм» свободы: поиск методологических оснований понимания. Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції «Харківська школа психології: спадщина і сучасна наука» (19-20 жовтня 2012 р.). – Харків: ХНПУ, 2012. С.111 - 116
8. Кацеро А.О. Фактори виникнення і трансформації образу Я бездоглядних підлітків // Актуальні проблеми психології: Зб. наук. пр. Ін-ту психології ім. Г.С. Костюка АПН України /За ред. С.Д. Максименка, Л.М. Карамушки. – К., 2004. – Т.1, вип.13. – С. 42-45.
9. Крылов А. Н. «Образ-Я» как фактор развития личности. Автореф. Дис. к. пс. н. 1984, 142 с. / http://www.dissercat.com/content/obraz-ya-kak-faktor-razvitiya-lichnosti#ixzz3slgVHzqp
10. Налчаджан А.А. Социально-психическая адаптация личности. - Ереван: Издательство АН Армянской ССР,1988.
11. Прихожан А.М. Самосознание и отношение к себе // Психическое развитие воспитанников детского дома. – М.: Педагогика, 1990. – С. 215-221.
12. Ротенберг В. С. «Образ Я» и поведение. -Иерусалим: Манахим, 2000.
13. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
14. Славская А.Н. Я – Егоцентризм или зависимость? Индивидуализм или взаимозависимость? Одиночество или самодостаточность? // Мир писхологии. – 2002. – №2. – С. 43-47.
15. Столин В.В. Уровни и единицы самосознания // Психология самосознания: Хрестоматия

/Под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Бахрах – М, 2000. – С. 123-155.
16. Фрейд З. Я и Оно: Пер. с нем. – – М.: Антология мысли. – 2006, 1040 с.
17. Rauste-von Wrigtt M.,vin Wridtt J. Obraz wlasnej osoby a spostreganie ludzi // Preglad Psychologiczny. – 1985. – t.28. – №3. – P. 686-698.
18. Rozenberg M., Kaplan H.B. (Eds). Social Psychology of the Self Concept. – NY: Harlan Davidson, 1982.

1.5 ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРНОЙ СТРУКТУРЫ СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА ЮМОРА У СТУДЕНТОВ

***А.В. Квасник**, ассистент кафедры психологии*
Донецкий национальный университет
*Научный руководитель: **А.В. Гордеева,** канд.психол.наук, доцент*

Высоко индивидуализированные представления о юморе как психологическом феномене и юмористическом поведении личности в частности, специфичность юмора как объекта исследования требуют особой тщательности в подборе методов и методик его изучения. Детальное исследование особенностей юмористического переживания, соответствующее достаточному уровню валидности, по нашему мнению должно иметь своей основой выявление его субъективного образа.

Данная идея была реализована путем использования модификации методики Т.Куна и Р.Тернера «Кто я?» в виде ассоциативного теста «Юмор – это…». Подобно классическому варианту методики, процедура проведения достаточно проста и состоит в том, что респонденту предлагается стандартный бланк с инструкцией следующего содержания: «*Пожалуйста, продолжите мысль и завершите предложение «Юмор – это…». Вы можете давать любые ответы, которые приходят вам в голову. Это задание предполагает не проверку ваших знаний, а оценку вашей фантазии и свободных ассоциаций*».

Результаты апробации ассоциативной методики показали большую вариативность ответов и обнаружили трудность в их однозначной интерпретации. Поэтому дальнейшим шагом стала организация обработки и анализа данных посредством контент-анализа, который представляет собой метод систематизированной фиксации и квантификации единиц содержания в исследуемом материале [3]. Так как осуществление перевода текстовой информации в определенные структурированные количественные показатели при использовании контент-анализа предполагает формализацию наблюдения и статистических процедур [1], в данной работе мы не будем останавливаться на его этапах. Относительно структурной организации субъективного образа юмора, стоит детализировать качественную сторону контент-анализа.

Итак, качественными единицами контент-анализа стали категории контент-анализа, разработанные исследователем на основе первичного анализа полученного массива текстовой информации и составляющие концептуальную схему исследования. С целью получения более подробной и всесторонней характеристики феномена юмора с точки зрения его субъективной окраски были предложены 19 категорий, раскрывающих некоторые его качества:

- категория «*субъектность*» – содержит ответы, в которых юмор приравнивается к отдельным личностям либо социальным категориям, а также те варианты, где так или иначе присутствует понятие о человеке. Например, «Ярик–одногруппник», «Зеленский», «Миша Галустян», «преподаватели», «артисты», «друзья», «шумная компания», «поведение маленького ребенка»;
- категория *«объектность»* – описывает юмор с позиции того, что может быть его объектом или называет абстрактные категории. Примерами ответов являются: «большой мешок счастья», «зеленые волосы», «общественный транспорт», «надписи на парте», «анекдоты»;
- категория *«процесс»* – объединяет ответы, акцентирующие временной аспект юмора, описывающие его как нечто, имеющее начало и конец. К примерам данной категории относятся «игра», «движение», «веселые посиделки», «шевелить мозгами», «глумление»;
- категория *«свойство»* – приписывает юмористические признаки каким-либо предметам или описывает сам юмор как наделенный отдельными свойствами, либо характеризует юмор и связанные с ним индивидуальные особенности как отдельное качество личности. В качестве примера выступают ответы: «безответственность», «активность», «гениальность некоторых людей», «внутренняя среда компании», «стиль жизни», «модно», «искренность»;
- категория *«состояние»* – выражает изменчивость и непостоянство, большей частью является отражением именно переживания юмористического события и связанных с ним эмоций. К примерам этой категории можно отнести следующие ответы: «когда люди смеются», «бывает больно», «блеск в глазах», «воодушевление», «иногда обидно», «когда хорошо и мышцы лица двигаются»;
- категория *«характеристика положительная»* – объединяет все преимущества юмористического поведения: «вселенская благодать», «без юмора тяжело», «дает силы», «дружба», «залог хорошего настроения»;
- категория *«характеристика отрицательная»* – подчеркивает наличие потенциальных негативных переживаний, связанных непосредственно с ситуациями восприятия и продуцирования юмора. Иллюстрируют описанную категорию следующие варианты ответов: «чем можно обидеть и оскорбить», «пошлость», «тупость», «возможность обидеть человека», «высмеивание качеств личности»;
- категория *«экстернальность»* – демонстрирует соотношение феномена юмора только с внешними объектами объективной действительности. Например, «дебют первокурсника», «глупые поступки», «интернет», «мимика», «мультики»;
- категория *«интернальность»* – связывает юмор с содержанием внутренней жизни личности: «восприятие мира проще», «желание понравиться», «забывание проблем», «интерес», «полет фантазии», «потребность»;
- категория *«продуктивность»* – указывает на возможный (осознанный или неосознаваемый) результат юмористического поведения. Помимо хорошего приподнятого настроения таковым могут стать:

«возможность подчеркнуть достоинства другого», «искусство», «импровизация», «помощь в общении», «пародия»;

- категория *«деструктивность»* – усиливает значение категории «характеристика отрицательная» путем абсолютизации потенциальных негативных последствий использования юмора. К примеру: «наркотик», «план по захвату мира», «страх», «возможность поржать с негра»;
- категория *«абстракция»* – позволила систематизировать варианты ответов, где юмор характеризовался испытуемыми через нейтральные понятия, которые сложно наделить однозначными характеристиками, а также определение юмора посредством описания противоположных ему явлений. Примерами этой категории выступают: «вверх», «вечер», «лови гуся», «все и ничто, вселенская мана», «когда не грустно», «политика», «не жестокость», «сатира», «то, без чего нельзя»;
- категория *«конкретизация»* – подчеркивает объекты юмора, приводя однозначные примеры: «Вечерний квартал», «кефир и огурец», «когда ты трезвый, а все не очень», «корм для гусей», «паровозик на катке»;
- категория *«индивидуализация»* – указывает на избирательное отношение к качеству стиля юмористического поведения: «дар человека, не каждому он дан», «мой отличительный характер», «обычное состояние некоторых людей», «харизма»;
- категория *«эмоциональность»* – объединяет ответы, признающие прежде всего эмоциональную, чувственную природу юмора. Например, «веселуха», «всплеск эмоций», «прекрасное чувство», «обида»;
- категория *«качество интеллектуальное»* – утверждает преобладающую роль когнитивной сферы в проявлении особенностей юмористического поведения: «осмысление ситуаций как-то по-своему», «иногда глупо», «доходчивость», «острый ум», «полезно и познавательно», «понимание шуток»;
- категория *«инструмент»* – выражает совокупность условий, ситуаций, в которых юмор или чувство юмора используются как средство их преодоления, разрешения, внесения разнообразия. К примеру: «антидепрессант», «возможность уйти от конфликта», «способ общения», «мягкие замечания», «подколы», «продлевает жизнь», «способ повышения самооценки»;
- категория *«результат»* – подтверждает эффективность использования юмора в качестве своеобразного инструмента для достижения следующих целей: «здоровье», «проявление индивидуальности», «самореализация», «сближение», «то, от чего мир становится ярче»;
- категория *«идентификация»* – в очередной раз доказывает значимость юмора в жизни личности и проявляется в таких вариантах ответов, где испытуемый отождествляет с юмором людей из своего окружения, собственные характерологические особенности, либо ставит знак равенства между юмором и известной публичной персоной. Среди примеров описанной категории: «я», «моя жизнь», «наша староста», «Катя и Катя», «то, что я использую», «Джим Керри».

При выделенных 19 категориях юмора массив эмпирических текстовых данных составил 799 индикаторов-референтов, в качестве которых выступили слова, словосочетания, предложения, раскрывающие представление студенческой молодежи о юморе. Кодирование с опорой на словарь индикаторов категорий способствовало систематизации вербальной информации, преобразованию ее в количественные параметры:

- в пределах единиц контекста были определены индивидуальные показатели частоты и объема упоминания соответствующей категории каждым конкретным испытуемым;
- систематическая фиксация единиц счета в виде накопленных частот каждого дескриптора выразилась в виде суммарных показателей представленности в изучаемом текстовом материале предложенных исследователем категорий юмора;
- методом корреляционного анализа суммарных показателей степени выраженности категорий в полученном массиве текстовой информации получилось наметить контуры структурной организации юмора.

В результате факторного анализа был осуществлен переход от множества исходных переменных в виде набора индикаторов категорий юмора к существенно меньшему числу новых переменных – факторов. Интерпретации подлежали данные, представленные в таблице факторных нагрузок после варимакс-вращения [2], где по каждой переменной-категории отмечены самые высокие по абсолютной величине нагрузки (Таблица 1). Суммарная информативность всех семи факторов составляет 0,776. Иными словами, выделенные факторы объясняют 77,6% суммарной дисперсии признаков.

Таблица 1.

Факторные нагрузки после варимакс-вращения

№	Категория	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6	Factor 7
1	Субъектность	0,165	-0,030	-0,365	0,076	-0,672	0,013	0,073
2	Объектность	0,668	0,265	0,003	0,101	-0,195	-0,115	-0,385
3	Процесс	0,048	0,002	0,029	0,081	0,051	-0,032	0,907
4	Свойство	-0,400	0,018	0,236	-0,645	0,117	0,323	0,072
5	Состояние	0,168	-0,535	0,519	0,209	0,405	-0,130	0,170
6	Положительная	-0,356	-0,521	-0,268	-0,379	0,347	0,264	0,111
7	Отрицательная	0,137	-0,205	0,102	0,823	-0,082	0,151	-0,017
8	Экстернальность	0,069	0,082	-0,052	-0,148	-0,024	-0,940	0,026
9	Интернальность	-0,110	0,058	0,890	0,003	0,048	0,041	0,029
10	Продуктивность	-0,723	-0,092	-0,001	-0,409	0,338	0,028	0,033
11	Деструктивность	-0,142	0,395	-0,011	0,737	-0,044	0,250	0,241
12	Абстракция	0,211	0,190	-0,007	-0,276	0,599	0,487	0,045
13	Конкретизация	0,195	0,196	-0,021	0,071	-0,853	-0,034	0,095
14	Индивидуализация	-0,760	0,026	0,205	0,121	-0,261	-0,065	-0,172
15	Эмоциональность	0,135	-0,781	0,063	0,103	0,323	0,048	-0,162
16	Интеллект.к-во	0,330	-0,056	0,637	-0,091	-0,135	0,169	-0,103
17	Инструмент	-0,720	0,286	-0,334	-0,071	0,185	0,094	-0,116
18	Результат	-0,283	-0,631	-0,126	-0,235	-0,017	0,119	0,341
19	Идентификация	0,041	0,266	0,094	0,045	-0,850	-0,005	-0,227
	Expl.Var	2,756	2,085	1,925	2,213	2,951	1,473	1,342

	Prp.Totl	0,145	0,110	0,101	0,116	0,155	0,078	0,071

Приступим к содержательной интерпретации факторной структуры субъективного образа юмора.

Фактор 1 имеет вес 14,5%. Его положительный полюс определяется переменной 2 (**«объектность»**), а отрицательный – переменными 10 (**«продуктивность»**), 14 (**«индивидуализация»**), 17 (**«инструмент»**).

Как известно, объект выступает как такая часть реальности, которая находится во взаимодействии с субъектом, причем само выделение объекта познания осуществляется при помощи форм практической и познавательной деятельности. Правомерным является также квалификация объекта как наименования предмета или лица, на которые в той или иной форме направлена деятельность субъекта. Введение переменной «объектность» при формировании категориального аппарата контент-анализа имело своей целью выявление той доли ответов-ассоциаций респондентов, в которых юмор обозначается через предметы окружающей действительности. Отсюда отрицательный полюс «индивидуализации», ведь существование предметов внешнего мира не зависит от степени и показателей нашего избирательного к ним отношения.

Данный фактор свидетельствует о структурном элементе юмора, который обозначает такую субъективную интерпретацию объектов внешней реальности, которая создает юмористический эффект. Действительно, сами по себе ни предметы, ни их характеристики не являются смешными: все зависит от особенностей восприятия юмора и социального контекста, в рамках которого этот процесс осуществляется.

Сложно в содержательном плане отобразить противоположные значения категорий «продуктивность» и «инструмент», но понятно одно – любой объект как таковой не является эффективным в качестве инструмента достижения положительных трансформаций, которые потенциально заложены в возникновении и течении юмористического переживания. Основополагающим является взаимодействие объекта и субъекта, где определяющую роль играет творческая активность последнего.

Фактор 2 обладает информативностью в 11%. Он объединяет отрицательные полюса категорий 6 (**«характеристика положительная»**), 15 (**«эмоциональность»**) и 17 (**«результат»**).

Эмоции отражают субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям, отражающие их смысл – значение для процесса жизнедеятельности. В отличие от чувств, эмоции не имеют объектной привязки: они возникают не по отношению к чему-либо, а по отношению к ситуации в целом. Возможно, отрицательная связь с переменной «эмоциональность» подчеркивает как раз наличие отношения к конкретным объектам реальности в юмористическом переживании. С другой стороны, зачастую противоположностью эмоционального считают рациональное, интеллектуальное. Значит, объединение категории с обратным полюсом переменной «характеристика положительная» может являться доказательством

объяснения респондентами отрицательных характеристик юмора как обусловленных интеллектуальными особенностями личности.

Если определить понятие результата как заключительное последствие последовательности действий или событий, то обратный полюс этой переменной можно определить как некоторые промежуточные этапы его достижения, инструмент, либо – по признаку достижения цели – безрезультатность. Видимо, ценность юмора, подобно игре, заключается в привлекательности самого процесса: чаще всего возникающий спонтанно, он не имеет четко поставленной цели.

Вес **Фактора 3** составляет 10,1%. Его образуют положительные полюса переменных 5 (**«состояние»**), 9 (**«интернальность»**), 16 (**«качество интеллектуальное»**).

Вероятно, этот признак характеризует непосредственно когнитивный аспект юмористического переживания. Понимание юмора предполагает достаточно высокий уровень интеллектуального развития, при котором возможно разрешение несоответствия, содержащегося в комической информации. Свойство интернальности здесь не только подчеркивает внутреннее латентное содержание постижения «загадки» юмора, но и напоминает об индивидуальной окраске переживаемого состояния. Именно состояния, поскольку таким образом подчеркивается его относительно статический момент. Психическое состояние – один из возможных режимов жизнедеятельности человека, на психологическом уровне отличающийся системой психологических фильтров, обеспечивающих специфическое восприятие окружающего мира. Условием возникновения юмористического переживания является эмоциональное состояние человека на момент восприятия комической информации в соответствующем социальном окружении.

Фактор 4 имеет вес 11,6%. Он содержит положительные полюса категорий 7 (**«характеристика отрицательная»**) и 11 (**«деструктивность»**), а также отрицательный полюс категории 4 (**«свойство»**).

Объединение в одном факторе созвучных по смыслу значений – отрицательный и деструктивный – обусловлено не только семантическим сходством. Следует, на наш взгляд, различать отрицательные особенности юмора как явления социальной жизни, и неблагоприятные последствия, к которым он может приводить (чаще на личностном уровне): юмор может расцениваться как неуместный, некорректный или же как такой, который способен обидеть, унизить человека.

Обратная связь с категорией «свойство» может интерпретироваться по-разному. Понятие психического свойства указывает на известную устойчивость психических проявлений, присущих индивиду, на их преобладание в его психической деятельности, закрепленность и повторяемость в структуре личности. Следовательно, отрицательный полюс может говорить о ситуативности потенциальных негативных проявлений юмористического поведения, их случайности.Психические свойства также интерпретируют как индивидуальные особенности психической деятельности конкретного человека,

особенности его межличностных отношений, которые позволяют описывать и прогнозировать его поведение, направление и динамику психического развития. Не исключено, что рассматриваемый фактор подразумевает непредсказуемость поведенческих проявлений личностных особенностей понимания и продуцирования юмора, имеющих отрицательную окраску.

Фактор 5 демонстрирует наибольшую информативность (15,5%). Его составляющими являются отрицательные полюса категорий 1 (**«субъектность»**), 13 (**«конкретизация»**), 19 (**«идентификация»**) и положительный полюс переменной 12 (**«абстракция»**).

Понятие абстракции обозначает отвлечение в процессе познания от несущественных сторон, свойств, связей предмета или явления с целью выделения их существенных закономерных признаков. В действительности абстрактное и несводимо к чувственному, и неотрывно от него: мысль может прийти к абстрактному лишь исходя из чувственного, то есть это движение мысли, которая переходит от чувственных свойств предметов к их абстрактным свойствам. Как нельзя лучше это демонстрирует феномен юмора, природа которого состоит в единстве эмоционального и интеллектуального, чувства и мысли.

Абстрагирование – это одна из основных мыслительных операций, позволяющая превратить в объект рассмотрения разные свойства предметов. Тонкое юмористическое переживание возможно за счет мысленного выделения, вычленения некоторых элементов конкретного множества и отвлечение их от прочих элементов: путем гиперакцентуации отдельных личностных черт создаются удачные шаржи и пародии, осуществляются иронические замечания и дружеское подтрунивание.

Таким образом, становится понятным отрицательный характер связи с вышеуказанными переменными: абстрактное противопоставляется конкретному. Абстрактное мышление подразумевает оперирование абстракциями («человек вообще», «число три», «дерево»), конкретное мышление имеет дело с конкретными объектами и процессами («Сократ», «три банана», «дуб во дворе»). Значит, предметом юмора становится не конкретная личность во всем многообразии ее проявлений, а отдельные ее особенности. Кстати, этим объясняется второй по частоте встречаемости суммарный показатель категории «абстракция», которая представлена 235 индикаторами-референтами.

В диалектической логике понятие абстракция часто употребляется в негативном смысле: как нечто одностороннее, неразвитое, слишком оторванное от жизни, в отличие от конкретного. Но все же способность к абстрактному мышлению является одной из отличительных черт человека, впрочем, как и способность к пониманию и генерированию юмористических сигналов.

Фактор 6 объясняет 7,8% общей факторной структуры юмора и состоит из одной переменной, а именно – отрицательного полюса категории 8 (**«экстернальность»**). Разумеется, противоположностью этого понятия является термин интернальности. Как известно, интернальный (один из видов локуса контроля, определяющего локализацию причин, посредством которых

субъект объясняет собственное поведение и поведение других людей) – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности собственной личности, характерологическим и поведенческим особенностям.

Но, разрабатывая категории для осуществления процедуры контент-анализа, мы руководствовались иными соображениями. Понятия интернальности – экстернальности вводились с целью подчеркнуть внутреннюю или внешнюю природу возникновения смешного.

Выделение Фактора 6 смещает акцент с рассмотрения особенностей внешних явлений объективной действительности, соответствующих критериям комичного, на субъективные качества личности.

Переживание, согласно Л.С. Рубинштейну, – «событие внутреннего мира личности» [4]. И юмористическое переживание не является исключением. Являясь своеобразным отражением происходящего вовне, юмор неповторимым особенным светом освещает внутреннюю жизнь человека, или, наоборот, способен надолго ее омрачить. При этом следует помнить, что юмор – не отвлеченная категория, объективно существующая сама по себе. Существование юмора возможно только в контексте его включенности в межличностные отношения: человек чаще воспринимает юмористические стимулы, исходящие от других людей, и генерирует их не для самого себя (исключение составляет лишь функционирование юмора как вида психологических защитных механизмов). Следовательно, как осознание юмористической информации, свидетельством которого являются вокально-поведенческие проявления, так и способность к активному созданию смешного пропитано индивидуально-типологическими и личностными особенностями. В этом смысле юмор – явление внутреннего мира человека, отражающее при этом единство объективного (происходящего во внешнем плане) и субъективного (отражающего объективное глубоко личностным образом).

Для **Фактора 7** интерпретационная нагрузка составляет7,1% от общей информативности факторной структуры юмора. Как и в предыдущем случае, рассматриваемый фактор представлен одной переменной – положительным полюсом категории 3 (**«процесс»**).

Психический процесс – психическое явление наряду с психическими состояниями и свойствами, раскрывающее основной способ существования психического. Психическое существует прежде всего как процесс – живой, предельно пластичный, непрерывный, никогда изначально полностью не заданный, а потому формирующийся и развивающийся, порождающий те или иные продукты или результаты (психические состояния и образы, понятия, чувства, решение или нерешение задачи и т.д.).

Характеристика процессуальности подчеркивает динамическое отражение действительности в различных формах психических явлений. Психический процесс – это течение психического явления, имеющего начало, развитие и конец, проявляющееся в виде реакции. Соотношение с категорией психического процесса феномена юмора подчеркивает временной аспект последнего. Действительно, можно условно выделить некоторые этапы

юмористического переживания: восприятие юмористического стимула, разрешение содержащейся интеллектуальной загадки, вокально-поведенческая реакция. При этом сложно определить место юмора как процесса среди подобных явлений психической жизни. С одной стороны, его можно отнести к познавательным психическим процессам, так как основу юмора составляют механизмы восприятия и мышления. С другой стороны, недаром существует понятие «чувство юмора», что призывает признать его видом эмоциональных психических процессов. В этом и состоит известная уникальность юмора как психологического феномена, – нерасторжимое единство интеллекта и аффекта уже не требует выяснения первичных и вторичных элементов, но нуждается в интерпретации характера их взаимосвязи.

Таким образом, благодаря интерпретации результатов ассоциативного теста «Юмор – это…» методом контент-анализа, дополненной методом математической статистики в виде факторного анализа для повышения качества полученной информации, выявлены особенности индивидуальных представлений о юморе и некоторые характеристики его семантического пространства.

Конечно, обозначенная факторная структура субъективного образа юмора является достаточно неоднородной, а образование некоторых факторов не поддается интерпретации в полной мере. Это, скорее, повод для научно-исследовательских размышлений и дальнейшего изучения. Следовательно, следующим шагом исследования системы индивидуальных представлений о юморе стало упорядочение его семантического пространства. Учитывая опыт апробации, проведение ассоциативного теста «Юмор-это…» в рамках основного исследования должно исходить из повышения согласованности, совместимости дескриптивных понятий, раскрывающих субъективный образ юмора.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. – СПб.:Питер, 2006. – 351 с.
2. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Речь, 2006.–392 с.
3. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб.:Питер, 2005. – 480 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000.

1.6 ВЛИЯНИЕ МАТЕРИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

М.Ю. Рогозина, *канд.пед.наук, доцент*
Донецкий национальный университет

Новые современные взгляды на развитие человека как личности, его прав и свобод в изменяющемся мире приводят к глубокой трансформации общественного сознания, это не может не привести к изменению устоявшихся гендерных ролей и стереотипов. Общество с его историческими и культурными достижениями закладывает такой сценарий гендерной идентичности, который

сочетает в себе как социально типичные на данном историческом этапе, так и индивидуальные черты личности, которые выступают составляющими образа Я.

Гендерная идентичность – базовая структура социальной идентичности, которая определяется как социальными и культурными факторами, так и собственной активностью личности. Отсутствие одного из родителей, слабая ролевая представленность, недостаток ролевых моделей в неполной семье может определять усвоение детьми дисгармоничных установок маскулинности-феминности, поэтому актуальным является изучение взаимоотношений с матерью как фактора формирования гендерной идентичности ребенка из неполной семьи.

Гендерную идентичность понимают как субъективное осмысление и переживание половой роли, единство полового сознания и поведения (И.Кон, В.Васютинский), формирование идентичности предполагает диалектическое объединение внешних (характер социальных и семейных ролей, линии полоролевого поведения) и внутренних (потребности, притязания, ожидания) факторов. Среди механизмов, обеспечивающих принятие половой роли и приобретение гендерной идентичности, выделяют имитацию (подражание), отождествление, эмпатию, которые действуют преимущественно на ранних стадиях развития ребенка, и самоидентификацию, самокатегоризацию на более поздних этапах.

Становление гендерной идентичности в детстве проходит несколько стадий (Ш.Берн): стадию половой идентификации (отнесение себя к определенному полу), стадию половой константности (понимание того, что пол изменить невозможно), стадию дифференциального подражания (стремление проявить себя в соответствии со своим полом), стадию гендерной саморегуляции (ребенок сам контролирует свое поведение, применяет к себе определенные санкции).

Кроме указанных стадий большинство авторов выделяют стадию гендерной интенсификации, которая активно происходит в подростковом возрасте и связана с преувеличенным стремлением ребенка соответствовать гендерным ролям. Особую роль в становлении подростка на этом этапе играет идентификация с родителями и сверстниками, подражание образцам взрослых мужчин и женщин, уподобление значимому другому, отождествление с ним, заимствования важных его характеристик, обусловливается характером отношений, формами общения подростка с родителями, взрослыми и сверстниками [1].

Представленные в работах отечественных и зарубежных авторов детерминанты гендерной идентификации определяют различные стороны этого сложного процесса. Согласно психоаналитической теории характеристики маскулинности-феминности определяются конституциональной сущностью ребенка; К.Хорни рассматривает маскулинность как идентификацию с отцом, а феминность – как идентификацию с матерью; по бихевиористической схеме направленность полоролевых представлений детей формируется благодаря существующей в родительской семье системе поощрений-наказаний,

наблюдению и имитации (наследованию) поведения взрослых детьми; представители когнитивно-генетической теории говорят о самоидентификации ребенка и значении интеллектуального развития для полноценного осуществления этого процесса. Общим в разнообразных теориях является то, что во всех них указывается ведущая роль семьи в формировании гендерной идентичности ребенка.

Гендерная идентичность формируется у ребенка с раннего детства благодаря механизму идентификации своей позиции Я с определенными эталонами пола. По утверждению Д.Гевиртца, идентификацию следует рассматривать как приобретение и усвоение ценностей, идеалов, ролей, моральных качеств значимого взрослого (особенно родителя).

Причины нарушения гендерной идентичности ребенка исследователи также видят прежде всего в семье. В.Романова выделяет следующие причины нарушения гендерной идентичности в подростковом возрасте: нарушение идентификации с образом родителей вследствие усвоения детьми дисгармоничных образцов маскулинности-феминности в семье; разрыв между поколениями в сфере профессиональной деятельности; ошибки родителей в сфере социально-полового контроля поведения детей, проявляющиеся в ограничении общения мальчиков и девочек [3]**.**

Н.Городнова в своем исследовании доказывает, что воспитание детей в семье заметно дифференцируется по половому признаку: во-первых, для подростков различного пола создаются неодинаковые условия для удовлетворения потребностей и интересов, выбора друзей, поведения досуга; во-вторых, материнский стиль воспитания отличается от отцовского, характеризуется более тесной эмоциональной межличностной связью. Авторитарное отношение к детям в семье является разрушительным для психики ребенка, способствует развитию малоценного образа «Я», порождает неуверенность в себе, пассивность, что существенно влияет на становление гендерной идентичности детей в семье [2].

Подражание ролям мужчины и женщины, отцовской и материнской модели поведения и восприятия себя в окружающем мире становится одной из главных детерминант формирования гендерной идентичности в подростковом возрасте. Родительская семья, со всеми тонкостями ее внутреннего и внешнего взаимодействия, остается подвластной многим гендерным стереотипам, которые существуют в обществе, и является важнейшей детерминантой становления полоролевой идентификации подростков [4].

Важным компонентом гендерной идентичности являются сформированные у личности гендерные стереотипы и представления, которые определяют не только стиль взаимодействия между полами, будущие семейные и профессиональные роли, но и стиль жизни в целом, жизненные позиции и пути их полноценной реализации. Гендерные стереотипы и представления о гендерных ролях интегрируются в структуры "Я" и определяют систему представлений человека о себе как о мужчине или женщине. Усваиваются такие представления личностью с детства в процессе социализации. Несогласованность гендерных стереотипов, дисбаланс притязаний и ожиданий,

деформация полового сознания за счет обеднения или искривления нормативов поло-ролевого поведения приводит к дезориентированности молодых людей относительно своего реального Я и возможных путей достижения Я-идеального.

Рассматривая роль семьи в социализации ребенка, важным является изучение особенностей ее влияния на этот процесс в зависимости от состава и особенностей функционирования данной социальной группы. Неполная семья традиционно рассматривается исследователями как фактор возможного нарушения социализации, в частности гендерной, что обусловлено низкой представленностью семейных и гендерных ролей. Исследования показывают, что дети, которых воспитываются только матерью, испытывают трудности в социальной адаптации, выборе брачного партнера, воспитании собственных детей. Главная проблема неполной семьи – трудности создания у ребенка целостного мужского и женского образа.

Образ отца чрезвычайно важен для гендерного развития ребенка: у мальчиков он способствует привлечению их к мужской субкультуре, развитию социальной активности, у девочек – формирует стандарты будущих межполовых отношений. Отсутствие или извращенность этого образа приводит к ослаблению типичной позиции мужчины-кормильца и усилению роли женщины, способствует изменениям в представлениях ребенка о традиционную структуру маскулинных и фемининных характеристик, ведет к нейтрализации гендерных стереотипов и установок о традиционных гендерных ролях. По мнению психологов, чем дольше ребенок будет жить без отца, или другого человека, эффективно его заменяющего, тем большими могут быть трудности в гендерной идентификации ребенка.

Ситуация отсутствия отца сильнее отражается на гендерной социализации мальчиков: у них более медленно, по сравнению с детьми из полных семей, возникают черты, присущие мужской роли, сложнее формируется полоспецифичная модель поведения, проявляются зависимость и агрессия как компенсация при усвоении стереотипной мужской роли или гипертрофированность мужской роли вследствие отсутствия ориентиров стереотипов гендерных отношений (И.Клецина, И.Кон). Проблема может усиливаться и тем, что одинокая мать часто способствует созданию у мальчика негативного образа отсутствующего мужа-отца.

Поскольку основные проблемы, возникающие в процессе гендерной социализации ребенка в неполной семье, исследователи прежде всего связывают с отношениями с отцом и ситуацией его отсутствия, проблема отношений ребенка с матерью и их значение в формировании гендерной идентичности часто уходит за задний план. Представляется целесообразным рассмотрение влияния именно отношений с матерью на формирование у подростка гендерной идентичности.

Целью данной статьи является рассмотрение влияния взаимоотношений с матерью на формирование у подростков различных компонентов гендерной идентичности.

Исследование проводилось в рамках выполнения квалификационной и магистерской работы (студентка Ж.Мустафа) базе семейного центра и двух общеобразовательных школ (г.Донецк). В исследовании принимали участие 120 подростков: 30 юношей из полных семей, 30 юношей из неполных семей, 30 девушек из полных семей и 30 девушек из неполных семей.

Для изучения гендерной идентичности подростков были использованы: модифицированный вариант опросника С.Бем «Маскулинность и фемининность», методика «Личностный дифференциал» – для выявления влияния на личность стереотипов маскулинности-фемининности, опросник «Я-мужчина» и «Я-женщина» – для выявления гендерных представлений подростка о самом себе, опросник Куна «Кто Я» для определения представлений подростка о собственных семейных, межличностных, профессиональных и другие социальных ролях.

Анализ полученных результатов выявил определенные различия в гендерной идентичности подростков их полных и неполных семей.

Сравнивая результаты в выборках юношей из полных и неполных семей необходимо указать следующее: существуют различия в сложившихся у подростков стереотипных мужских и женских образах. Наличие в женском образе как женских, так и определенных традиционно маскулинных характеристик отмечали подростки из обеих выборок, но у юношей из неполных семей этот стереотипный женский образ имеет достоверно большее количество маскулинных характеристик($t=-1,61$ $p\leq0,05$). Среди фемининных черт стереотипной женщины юноши из неполных семей отмечали те, которые в значительной степени определяют особенности межличностного взаимодействия (понимание других, нежность, способность успокоить), а подростки из полных семей добавляли черты, характеризующие женщину, как представительницу «слабого пола», которая требует поддержки. Необходимо отметить, что у юношей из полных семей в стереотипном женском образе отражены те маскулинные черты, которые касаются деятельности, путей достижения цели, а у юношей из неполных семей – черты, которые характеризуют жизненную позицию и пути взаимодействия между людьми.

Анализ сложившегося мужского образа в группах исследуемых позволяет констатировать, что юноши из неполных семей в меньшей степени подлежат влиянию социальных стереотипов: их образ настоящего мужчины имеет достоверно меньшее количество маскулинных и большее количество фемининным черт, чем у подростков из полных семей ($t = 3,05$ $p\leq0,01$ и $t = -1,85$ $p\leq0,05$ соответственно).

Следовательно, можно сделать вывод о том, что у юношей из полных семей стереотипы маскулинности и фемининности сформированы в большей степени, чем у их сверстников из неполных семей, у которых как в стереотипном мужском, так и стереотипном женском образе происходит сочетание качеств и черт, присущих обоим полам, имеет место размывание представлений о модели поведения, соответствующей понятиям «мужское» и «женское».

Восприятие собственной гендерной роли в исследуемых выборках юношей также имеет определенные различия. У юношей из полных семей в собственных самоописаниях часто встречаются определения своей настоящей и будущей социальной роли, личностные характеристики определены незначительно, присутствует большое количество гендерно-нейтральных описаний. Юноши из полных семей прежде всего подчеркивают соответствие своего Я-образа социальному, а не гендерному статусу. У юношей из неполных семей обозначения собственной социальной роли встречаются редко и практически не связаны с семьей. Свой образ подростки из неполных семей видят более гендерно окрашенным, более мужественным, но их ответы свидетельствуют об определенной неуверенности, необходимости подтверждения своей мужественности окружающими.

Подобные результаты были получены и на выборке девушек. В результате проведённого исследования доказано, что у девушек из полных семей стереотипы маскулинности-феминности сформированы в большей степени, чем у девушек из неполных семей. У последних в образе женщин происходит смешение представлений о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское». Девушки, воспитанные без отцов, чаще испытывают затруднения в определении своей гендерной роли, отмечают у себя как личностные черты, традиционно приписываемые образу женщин так и образу мужчин, обладают одновременно выраженными феминнными и маскулинными чертами, менее жёстко придерживаются полоролевых норм, чаще выбирают переход от традиционно женских занятий к мужским. Девушки из полных семей более чётко сформировали в своём сознании образ женщины и идентифицируют его с собой.

Рассматривая связь параметров гендерной идентичности и отношений матери с подростком следует отметить существование определенных особенностей, присущих неполным семьям. На исследуемой выборке юношей из неполных семей доказано, что положительное отношение матери к юноше связано с маскулинизацией стереотипного мужского образа, сформированного у юноши ($r=0,398$. $p\leq0,05$). Директивность и авторитарность матери связана с появлением в стереотипном женском образе юношей, маскулинных черт, стереотипный мужской образ при этом приобретает феминнные характеристики ($r=0,401$, $p\leq0,05$ и $r=0,430$, $p\leq0,05$ соответственно). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что директивная воспитательная позиция матери приводит к тому, что у юношей из неполных семей женский образ стереотипно воспринимается как относительно маскулинный, со всеми типично маскулинными чертами, связанными с уверенностью, настойчивостью и решительностью в достижении цели. А мужской образ, с которым они себя отождествляют, становится более зависимым и несамостоятельным, более феминнным. Таким образом, высокая директивность и жесткий контроль со стороны матери приводит к некоторой неопределенности стереотипного женского образа и недостаточному осознанию юношами собственной мужественности.

Враждебность матери в отношениях с сыном имеет обратную связь с маскулинностью стереотипного мужского образа, сформированного у подростков из неполных семей (r=-0,407, p≤0,05). Авторитет матери с такими воспитательными установками в неполной семье достаточно значителен, что может приводить к зависимой позиции сына, отрицанию возможности проявления в маскулинных характеристик в нем самом и уменьшению части типичных маскулинных характеристик и стереотипному мужском образе.

Автономность в отношениях подростка с матерью имеет отрицательную корреляционную связь с показателями маскулинности женского образа и показателями фемининности мужского (r=-0,415, p≤0,05 и r=-0,424, p≤0,05 соответственно). Для правильного и адекватного формирования у юношей стереотипных мужских и женских образов необходима адаптивная форма авторитета матери, которая предусматривает предоставление ребенку достаточной самостоятельности, возможности проявления у него черт, которые согласованы с существующим в обществе гендерными маскулинными стереотипами.

Выявлено также связь между оценкой сыном доминирования матери и маскулинностью стереотипного женского образа, сформированного у юноши. Доминирующая мать воспринимается юношей как уверенная в себе, независимая, склонна к главенствованию в отношениях и, следовательно, стереотипный женский образ у подростка становится более маскулинным.

Большее количество связей между отношениями с матерью и гендерными стереотипами юношей из неполных семей позволяют утверждать, что для них отношения с матерью является фактором формирования гендерных стереотипов.

Следует отметить, что в выборке юношей их полных семей каких-либо корреляционных связей между отношениями с матерью и гендерными стереотипов юношей выявлено не было.

Результаты корреляционного анализа позволяют также сделать определенные вывод о взаимосвязи характеристик отношений с матерью и параметров гендерной идентичности девушек из полных и неполных семей.

У девушек из полных семей доказана положительная связь между позитивным интересом матери и осознанием себя девушкой как носителя определённой межличностной роли (r=0,405; p≤0,05). Существуют тенденции к отрицательной связи между позитивным интересом, проявляемым матерью и маскулинными характеристиками, отмеченными у дочери. Позитивность матери, которая состоит в проявлении по отношению к дочери внимания, заботы и помощи, приводит к увеличению частоты коммуникативных связей у девушек, уменьшает частоту встречаемости у нее маскулинных черт.

Существует положительная связь между гендерно-нейтральными характеристиками личности, отмеченными у дочерей из полных семей и показателями директивности и непоследовательности матери (r=0,395; p≤0,05 и r=0,432;p≤0,05 соответственно). Доказана также отрицательная связь директивности матери с характеристикой «Я-женщина», представленной у девушки (r= -3,380; p≤0,05) – высокая директивность и жёсткий контроль со

стороны матери приводит к неопределённости в гендерной оценке девушкой своей личности, о чем свидетельствует большее число нейтральных характеристик в описании своего Я; недостаточное осознавание своей женственности, слабая выраженность полоролевой идентификации.

В неполных семьях компоненты гендерной идентичности девушек были связаны с характеристиками отношений с матерью в значительно большей степени. У девушек из неполных семей доказана отрицательная связь между частотой встречаемости у девушек в самоописаниях феминнных характеристик и автономностью, проявляемой матерью ($r= -0,402; p\leq 0,05$), и ее непоследовательностью в воспитании ($r= -0,483; p\leq 0,05$). Чем выше показатель автономности, ниже опека и забота по отношению к дочери, больше непоследовательность матери, чаще переходы от психологического принятия дочери к эмоциональному её отвержению, тем ниже частота встречаемости феминнных характеристик у девушек из неполных семей. Доказана положительная связь между показателями феминнности девушки из семьи такого типа и позитивным интересом, проявляемым к ней матерью ($r=0,339; p\leq 0,05$)

На основании полученных результатов были сделаны следующие обобщения: гендерная идентичность у девушек из неполных семей в большей степени связана с образом матери, чем у девушек из полных семей. Кроме количественных различий, эти связи имеют еще и качественные различия: у девушек из полных семей положительные отношения с матерью связаны с уменьшением проявления гендерно-нейтральных и маскулинных характеристик, с формированием представлений о себе как носителе определённой межличностной и социальной роли, а у девушек из неполных семей такой стиль отношений с матерью способствует проявлению феминнных характеристик, осознанию собственной внешней привлекательности, формированию феминнных стереотипов.

Полученные различия в компонентах гендерной идентичности и различия в связях этих компонентов с параметрами отношений подростка с матерью свидетельствуют о том, что гендерная идентичность юношей и девушек не должна связываться только с отсутствием в семье отца и не может трактоваться только в рамках наличия или отсутствия эталонного образца маскулинного поведения. Выполнение матерью двойной роли, реализация этих полярных по своей природе ролей в отношениях с подростками может приводить к определенной размытости у последних стереотипных маскулинных и феминнных образов и сложности формирования представлений о собственном гендерном соответствии. Кроме отношении с родителями, гендерную идентичность нужно рассматривать в контексте существования других факторов, таких как отношение матери к отцу, возраст ребенка, наличие других родственников и лиц, которые могут компенсировать отсутствие отца. Полученные результаты можно использовать при разработке профилактических и корректирующих мероприятий, целью которых было бы регулирование процесса формирования гендерной идентичности подростков в соответствии с требованиями гендерной культуры общества.

Литература

1. Клецина И.С. Самореализация личности и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. Вып.2/ Под ред. А.А.Реана, Л.А.Коростылевой. – СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 1998 – С.188-202.
2. Городнова Н.М. Гендерні особливості батьківсько-дитячих стосунків // Педагогічна освіта: теорія і практика. Психологія. Педагогіка. Збірник наукових праць. – К.: КМПУ імені Б.Д. Грінченка, 2005. – № 3. – С. 5-9.
3. Романова В.Г. Особливості статеворольової соціалізації підлітків: Автореф.дис…канд..психол.наук:спец. 19.00.05 – Соціальна психологія. – К., 2002. – 23 с.
4. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований/ // Личность. Культура. Общество. – М., 2003, Т. V, вып.1-м (15-16). – С.120-138.

1.7 К ВОПРОСУ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ СОЦИАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С.В. Руденко, *доцент кафедры психологии*
Донецкий национальный университет

Неакадемические формы интеллекта и проблема их изучения в настоящее время привлекает все большее внимание исследователей и практиков. В частности, именно с социальным и эмоциональным интеллектом связывают успешность ведения бизнеса, эффективность профессиональной деятельности, прежде всего социономического плана, где немаловажное значение имеет взаимодействие с людьми. Нередки и попытки отождествлять социальный и эмоциональный интеллект. Таким образом, целью данной работы является сопоставление феноменов социального и эмоционального интеллекта.

Понятие социального интеллекта, по мнению О.Б. Чесноковой, является одним из неоднозначных в современной психологической науке. Его можно назвать сравнительно новым, требующим уточнения, развития и дополнения, хотя оно и изучается более 90 лет, начиная с работ Э. Торндайка. Действительно, с одной стороны, одним из ключевых является представление о том, что коммуникативные и интеллектуальные потребности и способности, индивидуальные формы познавательной деятельности, формируются в совместной деятельности и общении. В этом смысле любая форма интеллекта является социальной. С другой стороны, по мнению О.Б.Чесноковой, это положение не может прекратить дискуссии вокруг некоторых основных вопросов, а именно: каково место социального интеллекта в системе других психических функций и можно ли познание объектов свести только к рациональным формам познания; существует ли специфика познания одушевленных объектов, наделенных собственной психической активностью, в отличие от познания неодушевленных объектов, и если — да, то в чем она состоит; наконец, каковы закономерности развития социального интеллекта в целом и его роль в жизнедеятельности человека в разные возрастные периоды. [11]

Исследования данного феномена Д.В.Ушаковым показывают, что социальный интеллект является чрезвычайно важным практическим качеством,

выступает составляющей творчества в современном социуме. Проблематика социального интеллекта, по его мнению, оказывается важной как теоретически, так и философски. В социальном интеллекте оказываются взаимодействущими аффективное и когнитивное начало; соответственно, и человек рассматривается как когнитивно-эмоциональное существо. [10]

В зарубежной психологии проблема социального интеллекта представлена в основном в трудах Э.Торндайка, Г.Айзенка, Г.Олпорта, Дж.Гилфорда, Н.Кэнтор, Р.Стернберга; среди отечественных исследователей в первую очередь следует упомянуть Ю.Н.Емельянова, Е.С.Михайлову-Алешину, Н.Ф.Калину, В.Н.Куницыну, О.Б.Чеснокову, Н.А.Кудрявцеву, Д.В.Ушакова.

Понятие социального интеллекта было введено в психологию американским психологом Э.Торндайком в 1920 г. Исследователь обозначил социальный интеллект как общую способность понимать других и действовать или поступать мудро, адекватно по отношению к ним. Другими словами, в центре внимания оказывалась дальновидность в межличностных отношениях.

В психологической науке существуют и иные определения социального интеллекта. Отдельные расширенные определения данного понятия учитывают способность легко сходиться с другими, умение входить в их положение, ставить себя на место другого (Ф.Вернон), способность иметь дело с окружающими (Т.Хант),способность уживаться с другими людьми (Ф. Мосс, Т.Хант), знания о людях (Р.Стрэнг), а также способность критически и правильно оценивать чувства, настроение и мотивацию поступков других людей (Дж.Ведек). Формулировка Д.Векслера сводит эти различные точки зрения к одному обобщенному определению социального интеллекта, который осознается как приспособленность индивида к человеческому бытию. [6]

Г.Олпорт связывал социальный интеллект с особенной способностью высказывать верные, быстрые, почти автоматические суждения о людях, прогнозировать их наиболее вероятные поведенческие реакции и обеспечивать адекватное (эффективное) приспособление в межличностных взаимодействиях. Социальный интеллект, по мнению автора, – это своего рода «социальный дар», обеспечивающий нормальные отношения с людьми, результатом чего является оптимальная социальная адаптация. Однако при этом чаще всего имеет место поверхностное понимание окружающих.

Г.Ю.Айзенк социальный интеллект интерпретирует как проявление социально-полезной адаптации. Подразумевается способность человека использовать психометрический интеллект в целях адаптации к требованиям социума. Также социальный интеллект, как считает исследователь, является итогом развития общего интеллекта под воздействием внешних социокультурных условий. [4, 6]

Иной точки зрения относительно понятия социального интеллекта придерживался Дж.Гилфорд. Напомним, что он является автором кубической модели структуры интеллекта. Данная модель содержит 120 факторов интеллекта, которые могут быть дифференцированы в соответствии с рядом независимых переменных, описывающих процесс обработки информации. К их числу относятся такие переменные, как содержание предъявляемой

информации, операции по обработке информации и результаты обработки информации. Таким образом, каждая интеллектуальная способность описывается в терминах конкретного содержания, операций, результата и обозначается сочетанием трех индексов. Социальный же интеллект Дж.Гилфорд рассматривал как систему интеллектуальных способностей, необходимых в социальном поведении, при этом независимых от фактора общего интеллекта. Как и общеинтеллектуальные, эти способности, так же могут быть описаны в пространстве указанных трех переменных. Ученый выделил в качестве ключевой операцию познания и сконцентрировал свои исследования на познании поведения. Другими словами, по его мнению, прежде всего социальный интеллект связан с познанием поведенческой информации. Как способность к познанию поведения социальный интеллект включает шесть факторов:

- познание элементов поведения – способность выделять из общего контекста вербальную и невербальную экспрессию поведения;
- познание отношений поведения – способность понимать и устанавливать связи между единицами информации о поведении;
- познание классов поведения – способность распознавать общие свойства в некотором потоке экспрессивной или ситуативной информации о поведении;
- познание преобразований поведения – способность понимать изменение значения сходного вербального или невербального поведения в разных ситуационных контекстах;
- познание систем поведения – способность понимать логику развития целостных ситуаций взаимодействия людей, смысл их поведения в этих ситуациях;
- познание результатов поведения – способность предвидеть последствия поведения, исходя из имеющейся информации.

Таким образом, социальный интеллект регулирует и объединяет когнитивные процессы, связанные с отражением социальных объектов. Его компонентами выступают социальные перцепция, сенситивность, память и мышление. По мнению Дж.Гилфорда, сфера социального интеллекта охватывает желания, чувства, настроения, мысли и т.д. как других людей, так и себя. [6]

Описания феномена социального интеллекта 70-х – 80-х гг. XX в. отличаются несколько большей дифференцированностью, однако, по сути, существенно не отличаются от более ранних.

Так, Н.Кэнтор принадлежит концепция социального интеллекта, в которой основной акцент делается на когнитивных стилях. Исследовательница практически отождествляет социальный интеллект с когнитивной компетентностью, которая позволяет людям воспринимать события социальной жизни с минимумом неожиданностей и максимальной личной пользой. По ее словам, «…когнитивная основа человека может быть определена как декларативные и оперативные (процедурные) знания, которые индивид применяет в интерпретации событий и составлении планов в ситуациях повседневной жизни. Эти представления, личные воспоминания и правила

интерпретации составляют когнитивную структуру личности; совместно они составляют опыт и определенный подход индивида к проблемам социальной жизни». [4, с. 464] Репертуар этих знаний Н.Кэнтор обозначает как социальный интеллект. Именно социальный интеллект, динамика его использования и процессы, в которых он приобретается и шлифуется, дают возможность человеку приспособиться к жизненному окружению. В качестве основных составляющих социального интеллекта выделяются вербальные способности, способность к решению практических задач и социальная компетентность. Таким образом, социальный интеллект, с одной стороны, выступает как знания, применяемые человеком в повседневной жизни для разрешения различных ситуаций, как определенный подход к интерпретации и решению жизненных проблем; с другой – изучаемый феномен рассматривается уже как способность к указанному решению.

Как и Н.Кэнтор, Р.Стернберг также считает, что ключевыми содержательными компонентами социального интеллекта выступают социальная компетентность, способность к решению практических задач и вербальные способности; все эти характеристики находят свое отражение при взаимодействии с окружающими.

Д.Китинг определил социальный интеллект как самостоятельную группу главных ментальных способностей в противовес способностям формального или академического интеллекта.

С точки зрения М.Форда и М.Тисака показателем развитого социального интеллекта можно считать успешное разрешение проблемных ситуаций. Исследователи показали, что социальный интеллект представляет собой четкую и согласованную группу ментальных способностей, связанных с обработкой социальной информации. Эта группа способностей фундаментально отличается от способностей, лежащих в основе более «формального» мышления, проверяемого тестами «академического» интеллекта. [4, 6]

Уже в 90-е годы прошлого столетия О.Джон и К.Космитский выделили семь составляющих, которые, по их мнению, являются ключевыми в концепции социального интеллекта. К их числу относятся и когнитивные элементы (включают знание социальных правил, понимание людей, оценку перспективы и открытость в отношении к окружающим) и поведенческие элементы (речь идет о социальной приспосабливаемости, способности иметь дело с людьми и теплоте в межличностных отношениях). Приведенная интерпретация, хотя и до некоторой степени повторяет теории других исследователей, также включает дополнительные аспекты, которые еще не были учтены, а именно акцентирование открытости по отношению к другим людям и теплоты в межличностных отношениях. [6]

Обратимся к отечественным исследованиям феномена социального интеллекта.

Имеющиеся работы раскрывают проблему социального интеллекта преимущественно в аспекте коммуникативной компетентности, а также описывают предполагаемую структуру и функции социального интеллекта.

Первую в советской психологии попытку определения социального интеллекта осуществил Ю.Н.Емельянов. Как считал автор, социальным интеллектом индивидуума можно назвать сферу возможностей субъект-субъектного познания, которая, в свою очередь, понималась как устойчивая, основанная на специфике аффективного реагирования, мыслительных процессов и социального опыта способность понимать самого себя и других людей, их взаимоотношения, а также прогнозировать межличностные события. Наличие сенситивности как особой чувствительности к психическим состояниям других, их стремлениям, ценностям и целям, способствует формированию социального интеллекта. В свою очередь, сенситивность, предполагает эмпатию, то есть способность вчувствования, эмоционального резонанса на переживания другого. Эмпатия лежит в основе развития социального интеллекта, однако с годами эта способность бледнеет. Также именно в эмпатической способности лежат истоки морального развития человека, которое до определенного момента не пересекается с когнитивным развитием, а далее зависит от принимаемых индивидом общественных идеалов и ценностей, определяющих его идейно-нравственную зрелость. [4]

Анализируя операциональные подходы к проблематике социального интеллекта, нужно выделить подход Н.А.Кудрявцевой. Под социальным интеллектом исследовательница понимает способность к мыслительным, рациональным операциям, объектом которых являются процессы межличностного взаимодействия. При этом подразумевается психологическая независимость и автономность субъекта, которая позволяет противостоять давлению людей и обстоятельств. Существенной составляющей в структуре социального интеллекта является самооценка человека. Также серьезное внимание Н.А.Кудрявцева уделила мотивационной составляющей, рассматривая последнюю в качестве важной детерминанты социального интеллекта и способности к самоорганизации интеллекта.

Исследование социального интеллекта попало в сферу научных интересов и Е.С.Михайловой-Алешиной. Социальный интеллект автор охарактеризовала как комплексную интеллектуальную способность, определяющую успешность общения и социальной адаптации. Это способность человека понимать и прогнозировать поведение людей в разных житейских ситуациях (что сходно с пониманием социального интеллекта Ю.Н.Емельяновым), распознавать чувства, эмоциональные состояния и намерения по их вербальной и невербальной экспрессии (подобной точки зрения придерживался и Дж.Гилфорд). Социальный интеллект, как считает Е.С.Михайлова-Алешина, объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению, группы людей). К числу образующих его процессов относят социальную сенситивность, социальную перцепцию, социальную память и социальное мышление. [4, 7]

Оригинальный подход к проблеме социального интеллекта разрабатывает В.Н.Куницына. На ее взгляд, указанный феномен следует рассматривать как глобальную способность, возникающую на базе комплекса коммуникативных, личностных, интеллектуальных и поведенческих черт, включая уровень

энергетической обеспеченности процессов саморегуляции. Данные черты обусловливают прогнозирование развития межличностных ситуаций, интерпретацию информации и поведения, готовность к принятию решений и социальному взаимодействию. По мнению автора, эта способность позволяет достигать гармонии с собой и окружающей средой. [4]

Проблема социального интеллекта представлена и в работах Н.Ф.Калиной. Согласно ее взглядам, социальный интеллект выступает как специфическое когнитивное образование, которое обеспечивает эффективность социальной активности личности. Можно сказать, что это особенная форма организации ее ментального опыта в сфере социального взаимодействия. Социальный интеллект рассматривается как когнитивная основа коммуникативной компетентности личности. Он проявляется в совместной деятельности, общении, групповом и межгрупповом взаимодействии, управлении и руководстве. В основе формирования социального интеллекта лежит процесс интериоризации социокультурного опыта. Социальный интеллект существует в форме системы представлений, норм и правил межличностного взаимодействия, на основе которых складываются индивидуальные формы, навыки и умения личности. [3]

По мнению Д.В.Ушакова, социальный интеллект нужно понимать как способность к познанию социальных явлений, составляющая лишь один из компонентов социальных умений и компетентности, но ни в коей мере не исчерпывает их. Таким образом, социальный интеллект становится в один ряд с другими видами интеллекта, образуя вместе с ними способность к обобщенной и опосредованной познавательной деятельности. Социальному интеллекту присущи такие характерные структурные особенности, как: формирование в процессе имплицитного научения; использование невербальной репрезентации; потеря точности социального оценивания при вербализации; континуальный характер; использование «внутреннего» опыта. Лишь последняя характеристика, по мнению Д.В.Ущакова, полностью отличает социальный интеллект от всех других видов интеллекта. [10]

Проблемой исследования социального интеллекта занимается и О.Б.Чеснокова. На ее взгляд, социальный интеллект представляет собой способность ориентироваться на существенные характеристики коммуникативной ситуации, недоступные непосредственному наблюдению (на психическую активность – чувства, намерения, мысли; причины взаимообусловленного поведения в межличностной ситуации и социальные позиции в системе отношений) и способность на основе этой ориентировки намечать возможные способы опосредствованного достижения своих или общих целей в условиях, когда прямые способы ее достижения невозможны. Такая ориентировка предполагает не только рациональные умозаключения о весомых для достижения цели характеристиках коммуникативной ситуации, но и эмоциональное восприятие этой ситуации. [11]

Мы видим, что в целом в зарубежных исследованиях социального интеллекта внимание акцентируется либо на способности понимать окружающих, прогнозировать их поведение, либо – на социально-полезной

адаптации, как приспособлении к жизни в обществе. В отечественной же психологии социальный интеллект понимается как система интеллектуальных способностей, связанных, прежде всего, с познанием социальных явлений и поведенческой информации; как способность к рациональным умственным операциям, объектом которых являются процессы межличностного взаимодействия; как способность понимать себя и окружающих, их взаимоотношения и прогнозировать их поведение; как когнитивная основа коммуникативной компетентности. [7, 8, 9]

Специфика социального интеллекта может быть раскрыта через основные способы его бытия, определение его характеристик и функций.

Функциональную структуру социального интеллекта, по мнению Н.Ф.Калиной, целесообразно описывать посредством ряда конструктов. Это такие конструкты, как: отсутствие проекции в межличностной перцепции; хорошая каузальная атрибуция; понимание достаточности результата (в групповой деятельности); умение запрашивать информацию; правильная и точная оценка других людей; адекватная самооценка в коммуникативной сфере, выдержка в общении, рефлексия состояния членов группы, сенситивность и терпимость в процессе межличностного взаимодействия и т.д. [3]

Ключевые функции социального интеллекта, по мнению В.Н.Куницыной, предполагают: саморазвитие, самопознание, самообучение; мотивационную функцию; формирование программы и планов успешного взаимодействия в тактическом и стратегическом направлениях, решение текущих задач; обеспечение адекватности, адаптивности в меняющихся условиях; планирование межличностных событий и прогнозирование их развития; расширение социальной компетентности. Как считает исследовательница, одной из ведущих интегральных функций социального интеллекта, является формирование длительных, долгосрочных взаимоотношений с перспективой развития и положительного взаимовлияния на основе осознания уровня и характера взаимоотношений. Чрезвычайно существенна также и мобилизационная функция социального интеллекта, дающая возможность преодолевать ситуации, угрожающие самоуважению, длительные стрессы, внезапные кризисы. [4, 9]

Д.А.Ростовых к числу функций социального интеллекта относит: нормативно-ценностную; прогностическую; эвристическую; гносеологическую (познавательную); аккумулятивную; коммуникативную; управленческую; регулятивно-координирующую; проблемно-конструктивную; функцию социального наследования; социально-рефлексивную (идентификационную); функцию рационализации. [9]

Мы видим, что в работах В.Н.Куницыной и Н.Ф.Калиной социальный интеллект рассматривается как личностная характеристика, тогда как понятие социального интеллекта в работе Д.А.Ростовых, как следует из описания его функций, имеет несколько иной смысл. Автор выделяет три различных смысла категории «социальный интеллект». Социальный интеллект, по мнению Д.А.Ростовых, – это: 1) общая характеристика человеческого интеллекта вообще, так как он – порождение человеческой культуры и вне нее возникнуть

не может; 2) конкретный тип взаимодействия социального разума и социального рассудка в условиях определенного типа культуры; 3) сфера духовной жизни общества, представляющая собой систему индивидуальных интеллектов, объединенных для решения общей социальной задачи или проблемы. [9]

М.В.Оданович представляет свое видение структуры функций социального интеллекта, по сути, являющее собой интеграцию точек зрения отечественных и зарубежных психологов. Исследователь выделяет следующие ключевые функции социального интеллекта. Функция социального интеллекта, связанная с потребностью понимать окружающих и, в свою очередь, быть понятым ими, получила название коммуникативно-ценностной. Только познавая себя в постоянном общении с другими людьми, человек активно выделяет и усваивает эталоны и нормы взаимоотношений. Следующая функция социального интеллекта, познавательно-оценочная, находит свое проявление в определении собственных возможностей субъекта познания для достижения результатов деятельности, реальной помощи окружающим в определении содержания межличностных взаимодействий, обусловленных процессом социализации. Наконец, рефлексивно-коррекционная функция социального интеллекта. С одной стороны, данная функция находит свое воплощение в самопознании и в осознании достоинств и недостатков собственной деятельности. С другой – позволяет вносить изменения в процесс взаимодействия, которое направлено на уменьшение внутреннего конфликта, позволяющего контролировать эмоции, потребности. [9]

Анализируя работы отечественных и зарубежных психологов, мы выделяем следующие функции социального интеллекта:

- познавательно-оценочная – является базой, необходимой для грамотной переработки поступающей информации;
- рефлексивная – находит свое отражение прежде всего в самопознании;
- коммуникативная – обеспечивает эффективность собственно процесса общения, связана с адекватным пониманием партнера по общению;
- прогностическая – на ее основе осуществляется планирование и прогнозирование развития межличностных взаимодействий. [8, 9]

Проведенный нами анализ научной литературы позволил сформулировать следующее определение социального интеллекта. Социальный интеллект предполагает способность человека понимать и прогнозировать поведение людей в разных житейских ситуациях, учитывая их вербальные и невербальные проявления, понимать и адекватно оценивать себя и свои действия и поступки по отношению к окружающим; является когнитивной основой коммуникативной компетентности. Соответственно, социальный интеллект обеспечивает эффективность и адекватность межличностного взаимодействия, регулируя и объединяя познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов. [7]

Следует уделить внимание и феномену эмоционального интеллекта, тем более что в ряде исследований он выступает как составляющая интеллекта социального.

Обратим внимание, что проблема изучения единства аффекта и интеллекта в психологии не нова. Она нашла своё отражение в трудах Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, О.К.Тихомирова А.Р.Лурия, Б.В.Зейгарник, и др. Однако же нашей задачей является не изучения «места» эмоционального интеллекта в структуре интеллекта и личности в целом, но рассмотрение его в контексте социального интеллекта. Соответственно, идея соотнесения когнитивных и аффективных процессов в данной работе окажется «за кадром».

Выраженный интерес к понятию эмоционального интеллекта нашел свое проявление в 90-е гг. XX ст. Данная проблема всесторонне рассматривается как зарубежными, так и отечественными психологами. Следует вспомнить имена таких исследователей, как П.Селавей, Дж.Мейер, Р.Бар-Он, Д.Карузо, Д.Гоулмен, Р.Стернберг, Г.Г.Гарскова, Д.В.Люсин, Э.Л.Носенко, Н.В.Коврига, Т.П.Березовская, А.П.Лобанов, А.С.Петровская, М.А.Манойлова, И.Н.Андреева и др.

Тогда же в психологии достаточно четко обозначился и сам термин «эмоциональный интеллект». Дж.Мейер и П.Сэловей, авторы данного понятия, представили и первую модель эмоционального интеллекта, получившую наибольшее распространение и в наши дни. Эмоциональный интеллект в их понимании выступает как способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение эмоций, их взаимосвязи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве базы для принятия решений и мышления. Включает способность замечать и осознавать свои и чужие эмоции и чувства. Эмоциональный интеллект выступает как разновидность социального интеллекта. Именно эмоциональный интеллект, по мнению исследователей, обусловливает наличие различных способностей, задействованных в адаптивной обработке эмоциональной информации. [6, 10]

Дж.Мейер и П.Сэловей выделили основные компоненты способностей, связанных с переработкой эмоциональной информации, расположенные иерархически. В ходе развития человека уровни этой иерархии, по мнению авторов, осваиваются последовательно. Каждый компонент затрагивает как собственные эмоции человека, так и эмоции других людей. Рассмотрим их подробнее.

- Идентификация эмоций. Содержит следующие способности, связанные между собой: восприятие эмоций (т. е. способность заметить факт наличия эмоции), их идентификация, различение подлинных эмоций и их имитации, адекватное выражение эмоций.
- Понимание эмоций. Предполагает способность понимать комплексы эмоций, взаимосвязи между ними, переходы от одной эмоции к другой, причины эмоций, вербальную информацию об эмоциях.

- Управление эмоциями. Включает способность к контролю эмоций, снижению интенсивности и длительности отрицательных эмоций, осознанию своих эмоций различной валентности, способность к решению эмоционально нагруженных проблем без подавления связанных с ними отрицательных эмоций. Управление эмоциями способствует улучшению качества межличностных отношений и личностному росту.
- Использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности. Предполагает способность использовать эмоции для концентрации внимания на важных событиях, вызывать эмоции, способствующие решению задач (например, использовать хорошее настроение для порождения творческих идей), задействовать изменения настроения в качестве средства анализа различных точек зрения на проблему.

В понимании Г.Гарднера эмоциональный интеллект также предстаёт как подструктура социального интеллекта, которая включает способность наблюдать эмоции других людей, собственные эмоции, различать их, управлять действиями и мышлением на основе этой информации. [6, 10]

В 1990-е годы появились также иные концепции, представляющие несколько другой взгляд на эмоциональный интеллект. Наиболее известными из них являются модели Д.Гоулмена и Р.Бар-Она.

Так, Д.Гоулмен эмоциональный интеллект рассматривал как комплексную характеристику, включающую такие способности, как устойчивость к разочарованиям, выдержка и контроль над эмоциональными вспышками, самомотивация (по А.Ф.Лазурскому – функционирование воли в широком смысле, как психическая активность, лежащая в основе всех наших душевных процессов), умение отказываться от удовольствий, регулирование настроения и умение, невзирая на переживания, сохранять способность думать, сопереживать и надеяться.

Весьма широкое и, на наш взгляд, малоконкретное определение эмоционального интеллекта дал исследователь Р.Бар-Он. Указанный феномен исследователь определяет как все некогнитивные способности, компетентность и знания, позволяющие человеку успешно справляться с различными жизненными ситуациями. Автор выделил ряд сфер компетентности, сопоставляемых с пятью основными компонентами эмоционального интеллекта; каждый из них компонентов включает следующие субкомпоненты:

- способность к адаптации: решение проблем, связь с реальностью, гибкость.
- навыки межличностного общения: эмпатия, социальная ответственность.
- познание себя: осознание своих эмоций, уверенность в себе, самоактуализация, самоуважение, независимость.
- преобладающее настроение: оптимизм, счастье.
- управление стрессовыми ситуациями: устойчивость к стрессу, контроль за импульсивностью.

Отметим, что, по мнению Р.Стернберга, на нынешнем уровне развития науки данные, которые позволили бы разделить эмоциональный и социальный

интеллект, отсутствуют. Актуальна идея, согласно которой эмоциональный и социальный интеллект в какой-то мере пересекаются с абстрактным, академическим интеллектом, если придерживаться мнения, что при решении социальных, эмоциональных и академических задач задействованы сходные мыслительные процессы. [6, 10]

Обратимся к отечественным исследованиям эмоционального интеллекта.

Основываясь на существующих на настоящий момент теориях, Д.В.Люсин предлагает свою концепцию эмоционального интеллекта. Автор рассматривает эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Выделим, что при этом рассматривается в качестве способности к управлению эмоциями и их пониманию.

Так, способность к управлению эмоциями свидетельствует о том, что человек

- может контролировать и корректировать внешнее выражение эмоций;
- может регулировать интенсивность эмоций, прежде всего приглушать чрезмерно сильные эмоции;
- при необходимости способен произвольно вызвать ту или иную эмоцию.

Способность к пониманию эмоций предполагает, что человек

- может идентифицировать эмоцию, т. е. осознать, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек, а также вербализовать ее;
- может распознать эмоцию, т. е. установить сам факт наличия эмоционального переживания у другого человека или у себя;
- осознает причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведёт.

И способность к управлению эмоциями, и способность к пониманию может быть направлена как на эмоции других людей, так и на свои собственные эмоции. Этот факт дал возможность Д.В.Люсину выделить внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект. Эти два аспекта предполагают актуализацию различных когнитивных процессов и навыков, при этом они не изолированы друг от друга.

По мнению исследователя, будет не вполне верным рассматривать эмоциональный интеллект как исключительно когнитивную способность по аналогии с вербальным или пространственным интеллектом. Он считает, что способность к пониманию эмоций и управлению ими является взаимосвязанной с общей направленностью индивидуума на эмоциональную сферу, другими словами, с интересом к внутреннему миру людей (в том числе и к своему собственному), склонностью к психологическому анализу поведения; также имеет место связь с ценностями, приписываемыми эмоциональным переживаниям. Таким образом, эмоциональный интеллект можно рассматривать как конструкт, имеющий двойственную природу. С одной стороны, он связан с личностными характеристиками, с другой – с когнитивными способностями. Эмоциональный интеллект рассматривается как психологическое образование, которое формируется в ходе жизни человека под влиянием комплекса факторов, обусловливающих его специфические

индивидуальные особенности и уровень. Выделяют следующие группы таких факторов:

- особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и т. п.)
- когнитивные способности (точность и скорость переработки эмоциональной информации)
- представления об эмоциях (эмоции как о ценности, эмоции как важный источник информации о других людях и о себе самом и т.п.). [10]

Сходной точки зрения на эмоциональный интеллект придерживается и М.А.Манойлова. В качестве указанного феномена автор рассматривает способность человека к осознанию, принятию и регуляции эмоциональных состояний и чувств себя самого и других людей. Это комплексное понятие, включающее в себя эмоции, интеллект и волю. Последняя в эмоциональном интеллекте выступает в качестве инструмента подчинения эмоционального начала интеллектуальному. Можно отметить, что в структуре эмоционального интеллекта исследовательница, как и Д.В.Люсин, выделяет два основных блока: межличностный, или социальный (включает способность управлять собой и способность управлять отношениями с людьми) и внутриличностный. Межличностный блок содержит эмпатию, открытость, коммуникативность, уважение к людям, способность учитывать и развивать интересы другого человека, умение работать в команде, способность адекватно оценивать и прогнозировать межличностные отношения. Внутриличностный блок содержит осознание своих чувств, уверенность в себе, самооценку, самоконтроль, ответственность, терпимость, гибкость, активность, открытость новому опыту, заинтересованность, мотивацию достижения, оптимизм. [1, 5]

Проблемой исследования эмоционального интеллекта занимается и Э.Л.Носенко. По мнению автора, к числу основных признаков эмоционального интеллекта следует отнести компоненты «Большой Пятёрки»: 1) добросовестность, 2) открытость новому опыту, 3) эмоциональную устойчивость, 4) дружелюбность и 5) экстраверсию. Такой подход основывается на том факте, что указанные качества, как и эмоциональный интеллект, являются необходимыми для успешной жизнедеятельности. Также в них отражаются определённые характеристики эмоциональности как устойчивой черты индивидуальности. По мнению Э.Л.Носенко, первые три фактора, отражают внутриличностный эмоциональный интеллект, последние два – межличностный. Результаты исследования позволили исследовательнице внести такие коррективы в описании изучаемых признаков: доброжелательность выступает фактором межличностного эмоционального интеллекта; добросовестность – фактором внутриличностного; открытость новому опыту и эмоциональная устойчивость способствуют формированию и выявлению как внутриличностного, так и межличностного эмоционального интеллекта. Характеризуя межличностный эмоциональный интеллект, Э.Л.Носенко и Н.В.Коврига подразумевают способность человека взаимодействовать с окружающими, устанавливать благоприятные взаимоотношения с ними; говоря о внутриличностном – выделяют способность

изменять окружающую среду для достижения собственной пользы, организовывать себя в деятельности, достигая определённого «экологического мастерства», умения упорядочивать. [1, 5]

Как считает Г.Г.Гарскова, результатом использования эмоционального интеллекта является принятие решений на основе отражения и осмысления эмоций, являющихся дифференцированной оценкой событий, которые имеют личностный смысл. Говоря другими словами, эмоциональный интеллект лежит в основе эмоциональной саморегуляции. [2]

Эмоциональный интеллект в качестве проблематики исследования был выделен и И.Н.Андреевой. Автор, характеризуя основные компоненты эмоционального интеллекта, основывается на модели П.Сэловея и Дж.Мейера, которая, как уже отмечалось, включает следующие составляющие: различение (идентификация) и выражение эмоций; осознанная регуляция эмоций; ассимиляция эмоций в мышлении (использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности), или фасилитация мышления; понимание (осмысление) эмоций. [1]

Мы видим, что в основном исследователи рассматривают эмоциональный интеллект как подструктуру интеллекта социального. В таком качестве эмоциональный интеллект включает способность наблюдать собственные эмоции и эмоции других людей, осознавать, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением, действиями и своим поведением в целом. Эмоциональный интеллект, наряду с социальным, оперирует социальной, практической, личностной и эмоциональной информацией. Мы также придерживаемся мнения, что эмоциональный интеллект является не альтернативой, а, скорее, необходимой составляющей социального интеллекта, обеспечивая понимание эмоций и управление ими. То есть способность человека понимать и прогнозировать поведение людей в разных житейских ситуациях, учитывая их невербальные и вербальные проявления, понимать и адекватно оценивать себя и свои действия и поступки по отношению к окружающим реализуется, в том числе, и за счет осмысления и осознанной регуляции эмоций.

Литература

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И.Н.Андреева. – Новополоцк: ПГУ, 2011. – 388 с
2. Гарскова Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию / Г.Г.Гарскова // Ананьевские чтения: тез. науч.- практ. конф.; редкол.: А.А.Крылов и др. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. – С. 25 – 26.
3. Калина Н.Ф. Диагностика социального интеллекта личности // Журнал практикующего психолога. – 1999. - №5. – С.159-178.
4. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2002. – 544с.
5. Носенко Е.Л. Емоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції: моногр. / Е.Л.Носенко, Н.В.Коврига. – Київ: Вища школа, 2003. – 126с.
6. Практический интеллект / Р.Дж.Стернберг, Дж.Б.Форсайт, Дж.Хедланд и др. – СПб.: Питер, 2002. – 272с.

7. Руденко С. В. Соціальний інтелект як чинник успішності педагогічної діяльності: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук: спец.: 19.00.01 «Загальна психологія, історія психології». – Київ, 2008. – 20 с.
8. Руденко С.В. Социальный интеллект как фактор успешности педагогической деятельности // Практ.психол. та соц.робота. – 2007. – №12. – С.7-12.
9. Руденко С.В. Соціальний інтелект у структурі інтуїтивно-почуттєвого відображення // Проблеми сучасної психології. Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету ім. І.Огієнка, Інституту психології ім. Г.С.Костюка НАПН України. – Вип. 14 : Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2011. – 928 с. – С. 695-705
10. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В.Люсина, Д.В.Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. – 176 с.
11. Чеснокова О.Б. Возрастной подход к исследованию социального интеллекта у детей // Вопр. психол. – 2005. – №6. – С.35-45.

1.8 ПСИХОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Д.В. Устинов, *аспирант специальности «Психология»,*
Донецкий национальный университет
Научный руководитель: ***А.В. Гордеева****, канд. психол. наук, доцент*

Как правило, когда говорят о преступлении и о человеке, его совершившем или подозреваемом в совершении, используется словосочетание «мотив преступления». Применяют его как специалисты в области психологии или юриспруденции, так и люди, не имеющие отношения к этим отраслям. Каждый, кто произносит словосочетание «мотив преступления» вкладывает в него свой смысл, который не всегда совпадает с пониманием его собеседником, читателем, оппонентом.

Многообразие мнений о содержании понятия мотива преступления, кроме общих проблем, связанных с составляющими мотива, обусловлено тем, что по своей природе мотив преступления, хотя и относится к психологической категории, однако этим понятием оперируют и, соответственно, изучают ученые, представляющие различные науки. Кроме психологов это, в первую очередь, специалисты в области уголовного права, криминологии, криминалистики, а также педагогики.

С середины XIX века философы и ученые юристы, действующие работники правоохранительных органов и адвокаты, а позднее психологи и психиатры занимались изучением мотива преступления, формулировали это понятие. Однако и в настоящее время не сформулировано определение мотива преступления, которое устроило бы всех специалистов, как юристов, так и психологов, которое не подвергалось бы критике.

Для понимания и дальнейшего изучения понятия мотива преступления необходимо осознавать происхождение данной категории, ее содержания, место и значение для различных отраслей науки, а также в контексте различных течений внутри этих научных отраслей. Не случайно вопрос о приоритете психологического или правового начала в определении мотива преступления долгое время обсуждается в кругах научной общественности.

В теории уголовного права мотив преступления, наряду с такими психолого-юридическими категориями, как форма вины, цель преступления, эмоциональное состояние субъекта преступления, традиционно формирует и одновременно раскрывает содержание обязательной составляющей состава преступления – субъективной стороны преступления, отражающей психическое отношение субъекта к совершенному преступлению. Точное установление субъективной стороны преступления обеспечивает правильную квалификацию конкретного деяния, и как следствие, законную, обоснованную, индивидуальную ответственность виновного, что определяет выполнение государством функций по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также функций по предупреждению преступности.

В свою очередь, криминология, как социально-правовая наука, представляет мотив преступления неотъемлемой составляющей таких элементов своего предмета как личность преступника, криминогенные детерминанты, система мер предупреждения преступлений. Соответственно, практическими целями, основанными, в т.ч. на мотивах преступлений, является выработка научных рекомендаций и конструктивных предложений по повышению эффективности дифференцированной борьбы с различными видами преступности.

В криминалистике, которая является прикладной специальной юридической наукой, категория мотив преступления оказывает непосредственное влияние, с одной стороны, на закономерности механизма преступления и отдельных его элементов, с другой, на закономерности собирания, исследования, оценки и использования информации о преступлении. Таким образом, приемы и способы изучения мотива преступления, его анализ имеют непосредственное отношение к задачам криминалистики, таким как оптимизация научными разработками деятельности правоохранительных органов, а также обеспечение их специальными средствами, приемами, методами борьбы с преступностью.

Специфическая прикладная наука оперативно-розыскная деятельность также использует понятие мотив преступления. Одной из практических задач оперативно-розыскной деятельности является осуществление оперативными методами выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, сбора сведений о людях, их совершивших. Оперативное предупреждение, среди прочего, включает в себя разобщение преступных сообществ, а также переориентирование лиц, потенциально склонных к криминальной активности, на иные ценности, и осуществляется оно, в том числе, способом выявления и влияния оперативным сотрудником на преступные побуждения.

Анализ формирования определения и содержания мотива преступления в различных отраслях науки показывает, что наиболее остро и долговременно вопрос о приоритете того или иного начала в мотиве преступления обсуждается с точки зрения уголовного права и психологии во всем многообразии их школ и направлений. В то же время представители иных правовых наук, в зависимости

от поставленных целей и исповедуемой научной доктрины, применяют соответствующие результаты уголовно-правовых и психологических разработок.

Сторонник полного заимствования психологического понятия мотива и применения его в правовых дисциплинах юрист-криминалист Б.В.Харазишвили подчеркивал, что "мотив - всегда лишь психологическая проблема. В противном случае понятий мотива "может быть столько, сколько отраслей права". Поэтому "введение уголовно-правового определения мотива является ненаучным"[31].

Выражая противоположную точку зрения, И.Г. Филановский писал: "Если в психологии мотив деятельности человека объясняет движущие силы поведения вообще, то в уголовном праве он должен открыть специфические движущие силы преступного поведения. Поэтому механическое перенесение в право того определения, которое дается в психологии, представляется нам неверным, так как психологи открывают истоки побуждений нормального поведения, а в праве нужно найти истоки побуждений для поведения, отклоняющегося от нормы"[30].

Определенный компромисс в дискуссию внес Б.С. Волков, по мнению которого "диалектика взаимоотношений психологического и уголовно-правового понятия мотива очень проста: она выражает соотношение общего и частного, рода и вида"[8].

Более конкретным представляется утверждение Н.Г. Иванова, что мотив - это "...прежде всего психофизиологическое понятие, которое превратилось в юридическое потому, что, во-первых, заняло необходимое место в уголовном законе, а во-вторых, отпочковавшаяся от науки уголовного права криминология уделяла и продолжает уделять этому уникальному феномену достаточно пристальное внимание"[13].

Таким образом, совершенствование понятия мотива преступления неразрывно связано с развитием как психологической, так и юридической составляющей. Психология изучает общие закономерности развития и функционирования психики, а также индивидуальные проявления психических качеств людей, имеющих отношения к совершению преступления. Задачей же правового направления должен стать максимальный учет такого психологического начала, глубокое понимание самой сути психологической деятельности человека при совершении им преступления для наиболее точной юридической оценки содеянного, установления причин и условий, способствующих совершению преступлений, разработки системы методов и средств, применяемых для предупреждения, раскрытия, расследования преступлений.

Еще в начале 70-х годов XX века А.Н. Леонтьев указывал, что работы по проблеме мотива почти не поддаются систематизации, т.к. сильно различаются значения, в которых употребляется термин «мотив». «При этом создается впечатление, что понятие мотива превратилось в большой мешок, в котором сложены самые разнообразные вещи. Среди мотивов или мотивирующих факторов называется, например, аппетит, влечения, импульсы, привычки и навыки, желания, эмоции, интересы, цели или такие более конкретные мотивы

как раздражение электрическим током, ощущение удовольствия, честолюбие, зарплата, идеалы» [16]. Можно дополнить, что за прошедшее время «мешок» меньше не стал, и понятие мотива, вообще, и мотива преступления, в частности, стало еще разностороннее.

В учебной литературе обычно мотив преступления определяется как обусловленное потребностями осознанное внутреннее побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление, и которым оно руководствовалось при его совершении (Л.Л. Кругликов [15], Л.А. Прохоров[20])

При более глубоком изучении научных работ психологов и юристов видно, что понятие мотива преступления интерпретировано очень разнообразно, при этом содержит и психологические и юридические положения.

Так, И.Г. Филановский считает, что мотив преступления это - "осознанный и конкретно опредмеченный интерес, побудивший к совершению общественно опасного деяния"[30].

С.А. Тарарухин полагает, что "мотив преступления - это осознанное побуждение (стремление) к совершению конкретного целенаправленного поступка (волевого акта), представляющего общественную опасность и предусмотренного уголовным законом в качестве преступления"[27].

А.В. Наумов называет мотив общественно опасного деяния "осознанным побуждением (потребностью, чувством и т.д.) к достижению определенной цели посредством совершения преступления"[19].

А.И. Рарог определяет мотив преступления, как «обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение, стимулирующее субъект к совершению преступления и проявляющееся в нем"[21].

В.А. Лобанов считает, что "мотив - это внутреннее психическое переживание, которое вызывает решимость виновного, толкает его на совершение определенного действия"[17].

По мнению Б.С. Волкова, "мотив преступного деяния есть то, что, отражаясь в сознании человека, побуждает его совершить преступление"[7].

Н.И. Загородников описал мотив преступления как "определенного рода психическое состояние человека, которое побудило его к совершению общественно опасного деяния"[12].

Некоторые исследователи в своих работах представляют мотив преступления как некий побудительный стимул. В.А. Якушин пишет: "...мотив является таким возбуждением к преступному поведению, о котором в известном смысле можно сказать, что он выступает движущей силой, внутренним источником этого поведения. В отличие от чувства он носит конкретно выраженный характер и является стимулом к определенному действию"[35].

Л.Д. Гаухман отмечает: "Под мотивом преступления имеется в виду побудительный стимул, источник активности человека"[9].

А.Л. Боер определяет мотив как вызванное внешними или внутренними стимулами, детерминированное свойствами личности, интегрированное психическое образование, побуждающее к поведению, направленному на снятие психического напряжения осознанной актуализированной потребности

биологического или социального характера путем нарушения уголовно-правового запрета[4].

Г.Г. Шиханцов видит в мотиве преступления то внутреннее побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и руководит им при его осуществлении. Эти побуждения являются формой отношения лица к окружающей среде как к источнику их удовлетворения. Будучи побуждением, мотив всегда направлен на тот или иной объект (лицо, предмет), который выступает в качестве средства его удовлетворения[34].

Ю.В. Чуфаровский считает, что потребность, прошедшая через систему побудительных факторов и осознанная человеком, становится мотивом поведения. Кроме этого, автор, приводит определение мотива, называя им осознанное побуждение для определенного действия. Признавая существование осознанных и неосознанных побуждений, он определяет последние как систему установок[33].

Коллектив авторов А.М. Бандурка, С.П. Бочарова, Е.В. Землянская достаточно широко интерпретируют понятие мотива преступления, называя им то, что побуждает человека к определенной активности, деятельности, а также называя мотивом объект, который выступает в качестве средства удовлетворения потребности. При одной и той же потребности мотивами поведения могут быть разные объекты. Осмысленная человеком потребность, признанная им существенной и подлежащей удовлетворению, обретает значение интереса и это движущая сила конкретного поступка или определенной линии поведения[3].

В.Л. Васильев, обращая внимание на неполное совпадение представления о мотиве преступления в юридических науках и психологии, говорит о том, что мотивы преступления – побуждения, которыми руководствовался обвиняемый при его совершении. При этом автор считает, что так сказать правовые мотивы преступления могут включать в себя самые различные мотивы психологическая[5].

В.В. Романов, давая характеристику противоправного поведения, выделяет в качестве элемента потребность, которая служит источником активности, предваряющим собственно саму деятельность. По его мнению, мотивом становится потребность, приобретшая побудительную силу, направляющую деятельность[23].

Рассуждая о мотиве преступления, некоторые ученые ссылались на работы по общей психологии С.Л. Рубинштейна (В.В. Романов, Ю.В. Чуфаровский и др.), который отмечал, что всякое действие, направленное к определенной цели, выходит из тех или иных побуждений. А более или менее адекватно осознанное побуждение выступает как мотив[24].

Своеобразную концепцию мотива преступления в широком и узком смысле предложил С.В. Скляров. Роль мотива в узком смысле слова он сводит к выбору человеком того или иного пути удовлетворения имеющейся у него потребности. Мотив в этом смысле является ориентирующим, так как он побуждает человека произвести выбор между различными вариантами действия, ориентирует его на определенный тип поведения.

В понятие мотива в широком смысле С.В. Скляров включает наряду с ориентирующим мотивом осознанные потребности (целевые мотивы), так как именно они определяют содержание конечной цели поведения, а также ситуативные психические образования, лежащие в основе выбора лицом конкретного объекта и (или) конкретного способа поведения, - технические мотивы, поскольку указанные образования позволяют человеку технически осуществить поведение в рамках избранного типа для удовлетворения актуализированной потребности[26].

В ходе изучения различных представлений о мотиве преступления обращает на себя внимание то, что ряд ученых видят в мотиве преступления различные психологические категории, вызывающие совершение преступлений. Это и стимул, и интерес, и неопределенные психические состояния и психические образования, а также объект, являющийся средством удовлетворения потребности, эмоциональное состояние лица, нарушившего требования закона, и целевая направленность преступления.

Однако в настоящее время вина, мотив, цель, эмоциональное состояние лица, как правило, считаются самостоятельными составляющими субъективной стороны преступления и преступной деятельности как таковой. Они различны по содержанию и формированию, но органически связанны между собой и взаимозависимыми. И хотя наличие этой взаимосвязи в настоящее время признается большинством специалистов, ее особенности и структура изучены недостаточно.

В то же время, в процессе анализа становится очевидно, что большинство исследователей понимают мотив преступления как побуждение, связывая его с достижением преступной цели либо преступным удовлетворением потребностей.

Следует отметить, что термин «побуждение» ученые также трактуют по-разному, вкладывая в него свое наполнение. Наиболее полно раскрывается содержание побуждения в значении стремления к реализации волевых актов определенным способом, совершению или несовершению определенных действий.

Мотив преступной деятельности, как составная часть всего многообразия мотивированной деятельности, включает в себя побуждение совершить деяние (выполнить или не выполнить действие) преступным способом, т.е. способом, который запрещен нормами уголовного законодательства.

Продолжая исследование вопроса об общественной опасности деяния и направленного на его реализацию побуждения, необходимо понимать, что, с одной стороны, существуют составы преступлений, которые в сложившейся обстановке в силу различных причин не воспринимаются субъектом как преступления (общая правовая безграмотность, уникальные виды преступления в конкретной местности, изменения правовых норм). В этом случае отсутствует побуждение выполнить действия запрещенным законом способом, наличествует стремление удовлетворить потребность определенным способом без внутреннего восприятия через призму уголовного закона либо при абсолютной убежденности в законности выбранного варианта поведения.

С другой стороны, в случае, когда субъект полагает, что выбрал преступный способ удовлетворения потребности, но в силу каких-либо причин, зависящих или независящих от него, в действиях не содержится состава преступления, и, соответственно отсутствует факт совершения уголовно наказуемого деяния, мы считаем, нужно говорить о существовании мотива преступления.

Большинство авторов научных работ указывают на осознанность побуждения, выступающего мотивом преступления, говорят о понимании потребности, четком представлении цели.

Однако, отдельные ученые, разумеется, признавая существование осознанных мотивов, настаивают, что некоторые мотивы преступления могут быть скрыты от сознания субъекта.

Так, А.Н. Леонтьев считал, что несознаваемое не отделено от сознаваемого и они не противоречат друг другу – это разные уровни психического отражения, свойственного человеку, которые наличествуют в любой сложной деятельности. Также исследователь указывает, что сознание мотива происходит на определенном этапе становления личности и что до наступлений конкретного момента такой внутренней задачи просто нет[16].

Коллективом авторов Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев и В.Е. Эминов в своих работах много внимания уделено неосознанности мотивов преступного поведения. Утверждается, что отношения человека к окружающему миру, ощущения себя в этом мире, которые возникая и начиная проходить становление в детстве, и формируют потребности и ценности, лежат в основе мотивов преступного поведения.

Совокупность мотивов, а также лежащих в их основе потребностей и ценностей составляет мотивационную сферу и является ее ядром. Разделяя мотивационную сферу на ядро и периферию, различные по степени податливости внешним воздействиям, авторы полагают, что именно ядерные образования максимально определяют свойства всей системы, которой является личность. Для авторов очевидно, что мотивы имеют определенные пласты, и верхние из них, особенно те, которые выполняют функции непосредственного побуждения к действию, чаще всего, осознаются личностью. Значительно меньше, а обычно вообще не охватываются сознанием глубинные уровни, которые и заключают в себе субъективный смысл поведения, его личностную значимость[2].

В процессе преступной деятельности побуждения, а затем действия, направленные на удовлетворение той или иной потребности, могут многократно переходить из категории осознанных в категорию неосознаваемых и обратно, что может находить свое отражение, с одной стороны, в многократном, затем безотчетном повторение преступных действий, с другой стороны, в прецедентах анализа своих поступков. Однако такие переходы не связаны с исчезновением либо появлением мотива преступления.

Нецелесообразно также ставить вопрос о наличии или отсутствии мотива преступления в зависимость от умственных способностей субъекта преступления. Факт неспособности правонарушителя осознать характер

удовлетворяемых потребностей, отсутствие готовности проанализировать свои действия либо необходимости задуматься об этих категориях, не может означать отсутствие мотива преступления, а в некоторых случаях и являться квалифицирующим признаком состава преступления.

Отдельного внимания заслуживают факты преступной деятельности в состоянии тяжелого опьянения, когда наличие осознанности побуждений и характера их удовлетворения опровергается результатами медицинского освидетельствования. В этом случае можно вести речь о неосознанном удовлетворении потребностей, но не об отсутствии мотива преступления.

Очередным шагом при формировании понятия мотива преступления является установление направления стремления совершать поступки, определение результата, ради которого совершаются общественно-опасные деяния.

Анализируя приведенные определения мотива преступления, можно говорить о двух основных направлениях побуждения. Ряд ученых, в том числе авторы знакомых нам определений мотива преступления С.А. Тарарухин и А.В.Наумов, указывают, что деятельность виновного направлена на достижение цели. Под целью понимается то будущее, которого желает человек и которого он стремится достичь в результате уголовно-противоправной деятельности. Цель является представлением о желательном, соответственно осознанном, результате, который и определяет направленность действий. Однако при наличии неосознанного или частично осознанного побуждения не представляется возможным говорить о цели совершения преступления, как о результате преступных действий.

Об ином, необходимом для понимания мотива преступления, направлении реализации побуждений говорят другие ученые (А.И. Рарог, С.В. Скляров) Результатом противоправного деяния они видят удовлетворение определенных потребностей нарушителя, которые могут быть как осознанными, так и не осознанными.

Е.П. Ильин, анализируя понятие потребностей, которое также трактуется с разных точек зрения, формулирует выводы, указывая, что потребность тесно связана с нуждой, понимаемой в широком смысле как нужность, желанность чего-то, а не только как дефицит. При этом, понимая нужду как надобность, ученый говорит, что потребность — это психическое отражение объективной нужды в чем-либо организма (биологические потребности) и личности (социальные и духовные потребности), и что потребность можно рассматривать как психический образ нужды[14].

Мотивы преступления в своем происхождении обусловлены и внешними, и внутренними факторами, проявляющимися в ходе истории личности, и формируются лишь при условии вступления человека в разнообразные отношения с окружающими, его включенности в общественные связи. Несмотря на это, они, представляя собой одну из психологических форм отражения действительности разных периодов жизни, лежат как бы внутри поведения. Мотив - это то, что принадлежит самому субъекту поведения, является его устойчивым личностным свойством, изнутри побуждающим к совершению

определенных действий. Это внутренняя непосредственная причина преступления.

В итоге, обобщая соображения о принципиальной роли атрибутов субъективного, импульсивно-подсознательного и неосознанного, атрибута потребностей, а также признанную большинством исследователей необходимость учета этих атрибутов в содержательном наполнении понятия мотива преступления, можно предложить его следующее уточненное определение: **«Мотив преступления – это внутреннее осознанное или неосознанное побуждение к удовлетворению потребности, способом, запрещенным уголовным законодательством».**

Литература

1. Агафонов Ю.А. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел:учебник / под ред. Ю. А. Агафонова, Ю. Ф. Кваши. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2007. – 305 с.
2. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений. Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М.: Юристъ, 1996. – 203 с.
3. Бандурка А.М. Юридическая психология: Учебник. / А.М. Бандурка, С.П. Бочарова, Е.В. Землянская. – Харьков: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002. – 596 с.
4. Боер А.Л. Месть в мотивационной структуре преступного поведения (криминологический и уголовно-правовой аспекты) / А.Л. Боер. – Дис. канд. юр. наук. Санкт-Петербург, 2002 – 228 с.
5. Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 655 с.
6. Виттенберг Г.Б. Субъективная сторона преступления и ее установление / Г.Б. Виттенберг, П.Н. Панченко, П.С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1974. – 243 с.
7. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность / Б.С. Волков. – Казань: Издательство Казанского университета, 1965. – 136 с.
8. Волков Б.С. Мотивы преступлений / Б.С. Волков – Казань: Издательство Казанского университета, 1982 – 152 с.
9. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон теория практика / Л.Д. Гаухман // М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001. – 316 с.
10. Дагель П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П Котов. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1974. – 243 с.
11. Долгова А.И. Криминология: Учебник для вузов/под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой.- 3-е изд., перераб. и доп..- М.: Норма, 2005.-912 с.
12. Загородников Н.И. Преступления против здоровья / Н.И.. Загородников.- Москва: Юридическая литература, 1969.- 168 с.
13. Иванов Н.Г. Мотив преступного деяния / Н.Г. Иванов. – Москва: Методический центр МВД РФ, 1997. – 64 с.
14. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин.– Санкт-Петербург: Питер, 2002.– 512с.
15. Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Часть общая: учебник для вузов/ под ред. Л.Л. Кругликова.- Москва: Волтерс Клувер, 2005. – 1034 с.
16. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / А.Н. Леонтьев. – М.: Издательство МГУ, 1971. – 40 с
17. Лобанов В.А. Мотив и цель при хищении социалистического имущества / В.А. Лобанов // Вопросы советского права и законности на современном этапе (под ред. Маргунский С.П., Островский Л.Я. , Тихоненко В.А.). – Минск: Наука и техника, 1965. – 254 с.

18. Малков В.Д. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова – 27-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЗАО «Юстицинформ»,2006.- 528 с.
19. Наумов А.В. Мотивы убийств: учебное пособие / А.В. Наумов. – Волгоград: НИ и РИО ВСШМВД СССР, 1969 . – 136 с.
20. Прохоров Л.А. Уголовное право: Учебник / Прохоров Л.А., Прохорова М.П.- Москва: Юристъ, 1999.- 480 с.
21. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступления / А.И. Рарог. – М.: ООО «Профобразование», 2001. – 133 с.
22. Ревин В.П. Уголовное право России. Общая часть. Учебник. 2-е изд., испр. и доп. (под редакцией В.П. Ревина).- Москва: «Юстицинформ», 2010 г.- 496 с.
23. Романов В.В. Юридическая психология. / В.В. Романов. – Москва: Юристъ, 1998. –488 с.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком,1999. – 720 с.
25. Савельева М.В. Криминалистика. Учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – Москва: издательский дом «Дашков и К», 2009. - 608 с.
26. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основания дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности / С.В. Скляров. – Дис. докт. юр. наук. Москва, 2004. – 495 с.
27. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления / Тарарухин С.А. – Киев: Выща школа, 1977. – 149 с.
28. Терновский Н.А. Юридические основания и суждения о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов практиков и присяжных заседателей / Н.А. Тернавский. – Тула: Типография В.Н. Соколова, 1901. – 202с.
29. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. – М.:, 1950. – 131 с.
30. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению/ И.Г. Филановский. – Л.: Издательство ЛГУ, 1970. – 176 с.
31. Харазишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском уголовном праве / Б.В. Харазишвили Б.В.. – Тбилиси: Цодна, 1963 – 288 с.
32. Чубинский М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве/М.П.Чубинский. – Ярославль: Типография Э.Г. Фальк, 1900. – 350 с.
33. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. Учебное пособие / Ю.В. Чуфаровский. – М.: Право и Закон, 1997. – 320 с.
34. Шиханцов Г. Г., Юридическая психология / Г.Г. Шиханцов Г. Г. – М.: Зерцало, 1998.– 352 с.
35. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. – Тольятти: Тол. ПИ, 1998. – 296 с.

1.9 ПРИМЕНЕНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С КРИЗИСОМ 30-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Л.В. Яновская, *канд.психол.н., доцент,*
Донецкий национальный университет

> “Человек есть существо, имеющее “проект”. “Проект” он потому, что в нем существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее делает, сам из себя что-то делает, отсюда его сущность – свобода” [5, с.359].

Рассматривая возрастные кризисы, мы исходим из предположения (допущения), что они есть часть общего развития. Жизнь, данная человеку, есть нечто целое, и именно внутри этого целого, разворачиваясь во времени, происходят те преобразования, которые помогают осуществлять динамическую устойчивость личности, человека.

Разработка принципа развития в психологии связана с введением идеи детерминации будущим, в противовес однозначной позиции детерминации прошлым. То, что развитие является *целесообразным*, стало пониматься представителями практически всех школ, правда, в различных контекстах. В бихевиоризме, например, развитие приравнено к обучению, целью которого будет адаптация к новым условиям. Не на много иначе рассматривается развитие и в психоанализе, где психическое руководствуется различного рода влечениями, и развитие сознания есть результат преодоления конфликтов между бессознательными стремлениями и моральными устоями. Собственно и ставшая достаточно популярной вследствие своей практичности и слаженности концепция психосоциальных кризисов Э.Эриксона также ориентируется на социальную детерминацию психического развития. Лишь этап поздней взрослости отвлечен от решения социальных вопросов, и направлен на интеграцию жизненного опыта человека. «Личность, успешно решившая задачу интегрирования, аккумулирует, – согласно Э.Эриксону, – достижения и энергетический потенциал пройденных этапов жизни, переживая чувство удовлетворения» [1, с. 265].

В то же время, есть ряд психологических направлений, в которых детерминанты развития рассматриваются как внутренняя необходимость, присущая самой человеческой природе. Среди наиболее известных – аналитическая психология К.Г. Юнга и субъектно-деятельностная теория С.Л. Рубинштейна. Несмотря на позиционные различия в этих двух концепциях явно и неявно утверждается, что жизнь человека заключает в себе некий свой сокровенный смысл. Притом, этот смысл не задан, но обретается.

В свой работе «Жизненный рубеж» К.Г. Юнг рассматривает жизненный путь человека как переход от инстинктивных форм поведения к сознательной регуляции. «Отступление от инстинкта и противопоставление ему себя образуют сознание» [7, с.185]. Это движение представляет смену установки: инстинкт зовет к природе, сознание направлено на культуру. Этот переход не является внезапным, он происходит всю жизнь, и в «точках возрастных кризисов» является особенно явным. Наиболее ярким в качестве противопоставления сознательного (культурного) и бессознательного (инстинктивного) в психологии рассматривается кризис семи лет, когда произвольная регуляция активности начинает доминировать над непроизвольной. Но не только этот – все кризисы проникнуты появлением нового способа отношения к жизни. Так, например, кризис 3 лет, связанный с появлением осознания собственных волений как источника действий ребенком, – «я сам» – это открытие наличия сознания. В этом возрасте ребенок активно овладевает словом – символом (в отличие от искусственного знака символ

представляет эмоциональное и когнитивное единство явления). От трех до шести лет многие дети совершенно спонтанно высказывают мудрые мысли, точно подмечая внутренний смысл явлений, передаваемых словом.

«Инстинктивное», или бессознательное, в жизненном пути в череде возрастных этапов приобретает разное значение. Бессознательное уже по своему звучанию представляет то, что лежит за границей сознания. А сознание с возрастом становится сложнее, глубже, требовательнее, но и конфликтнее. «Без сознания нет проблемы» [7, с.187]. Бессознательное более гармонично и целостно, именно потому, что в нем нет еще различий, бессознательное не различает отдельных свойств объекта, да и сам объект от своих впечатлений-ощущений-представлений-чувств не отделяет тоже. К.Г. Юнг приводит библейскую притчу о грехопадении человека. Адам и Ева лишаются райского блаженства «бессознательного» вследствие нарушения запрета, – вкушения плода от Древа Познания. Он говорит о том, что человек таким образом приносит в жертву «природного человека, бессознательного, естественного живого существа». «Становление сознания – это как бы расплата за то библейское грехопадение» [7, с.186]. Конечно, это весьма спорное истолкование притчи, ценным здесь видится не только жертва природным и беззаботным состоянием души, но и постоянная тоска по этому бессознательному. Так, балуя своих внуков, дедушки и бабушки восхищены этой первоначальной естественностью и беззаботностью души.

В переживаниях возрастных кризисов человек обнаруживает, что он не может больше «впадать» в привычные ранее беззаботные состояния. Это нам показывает известный эксперимент с «горькой конфетой». Осознавание социального мотива действий не дает ребенку впасть в удовольствие поедания конфеты, которую он достал, нарушая условия эксперимента. Каждый возраст ставит более сложные задачи отказа от бессознательных форм в регуляции действий и поведения. Как подчеркивал С.Л.Рубинштейн, “…с появлением новых уровней бытия в новом качестве выступают и все его нижележащие уровни” [5, с.257].

Однако неверным будет утверждение, что бессознательное враждебно сознанию. Вместе они представляют воплощение диалектического принципа единства и борьбы противоположностей. Бессознательное помогает процессу развития сознания, спрятанное знание изначальной целостности души в сложных ситуациях приходит на помощь как «внезапно открывающееся решение», как «спонтанный творческий акт».

Духовные практики различных традиций с древних времен направляют человека на «обуздание», овладение своей природой [2], [3]. Конечный результат представляет не убийство этой природы, а способность к построению диалога, диалога сознания и бессознательного. Освобождение от владения бессознательных форм поведением и мотивами, достижение автономии и диалог с бессознательной областью – с областью, выходящей за пределы нашего сознания. – Вот основная линия духовного совершенствования.

Чуть менее ста лет назад в психологии возникло понятие «акме». В 90-х годах возникла акмеология – учение о вершине развития человека.

Естественной трудностью данной теории является вопрос о точке отсчета данной вершины. Поскольку человек – существо не одномерное, сочетающее в себе несколько планов (как минимум, мы привыкли говорить о физической, биологической, социальной, психологической и духовной системах), то и акме для этих планов будет происходить в разные возрастные периоды. Акмеология полагает, что максимальная самореализация человека в социальном мире и есть вершина его развития. Значит, социальный план бытия рассматривается как приоритетный над остальными. Идея «акме» предполагает, что есть рост, есть вершина, и есть деградация. Деградация начинается тогда, когда некоторые составляющие способности самореализации угасают.

Такое отношение к жизненному пути лишает возможность увидеть каждый жизненный этап как самобытное звено в спирали развития. В самом деле, есть ли, например, у дерева акме? Весной появляются почки, – красота только начинающейся жизни, распускаются цветы, – аромат наполняет пространство, созревают плоды, осенняя красота золота-багрянца…, и наконец, зимой узоры линий, создаваемых ветвями, и лежащий на них снег, и иней… Есть только бесконечность перехода в иные состояния.

Диалог сознания и бессознательного С.Л. Рубинштейн рассматривал как отношение между двумя способами существования. Первый способ – жизнь, не выходящая за ее пределы; «такая жизнь выступает почти как природный процесс, во всяком случае, очевидна непосредственность и целостность человека, живущего такой жизнью… Здесь нравственность существует как невинность, как неведение зла, как естественное природное состояние человека» [5, с.336]. Второй способ существования связан с рефлексией, и ведет к построению жизни на новой основе. «*Сознание выступает здесь как разрыв*, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятие позиции над ней, вне ее для суждения о ней» [5, с. 336] (курсив мой).

Аналогичная точка зрения высказана Хайдеггером. М.Хайдеггер считал, что имеются два фундаментальных модуса существования в мире: 1) состояние забвения бытия, 2) состояние сознавания бытия... Обычно люди пребывают в первом модусе. Забвение бытия – это повседневный способ существования. М.Хайдеггер называет его "неаутентичным" – в нем мы не сознаем себя творцами собственной жизни и мира, мы "спасаемся бегством", "попадаем в ловушку" и становимся успокоенными; мы избегаем выбора, будучи "унесенными в "никтовость". Перейдя же во второй модус, модус сознавания бытия, мы существуем аутентично... Мы становимся полностью самосознающими – сознающими себя одновременно как трансцендентное (детерминирующее) Эго и как эмпирическое (детерминированное) Эго; приемлющими свои возможности и ограничения; конфронтирующими с абсолютной свободой и небытием " [8, с.37].

Обнаружение своего забвения, отрицание забвения (борьба с ним), боль утраты возможности вернуться в состояние забвения, и, наконец, обретаемая возможность быть осознанным в тех областях, в тех отношениях, которые

раньше принадлежали бессознательному – это работа переживания (прохождения) возрастного психологического кризиса.

В своей статье «Жизненный рубеж» Юнг обращает внимание на поворот, который делает душа человека в середине жизни (35-40 лет). Меняется установка, направленность, которая до этого момента была обращена вовне, на поле внешних достижений, в этом возрасте обращается внутрь, к взращиванию собственной Самости. В настоящее время в психологии этот кризис обнаруживается чуть в более взрослом возрасте – 40-45 лет. Он описывается как кризис середины жизни – «этот возраст для многих является кризисным, так как происходит рост противоречий между ценностью мировоззрения и однолинейностью развития. Человек теряет смысл жизни. Для выхода из кризиса необходимо обрести новый смысл – в общечеловеческих ценностях, в развитии интереса к будущему, к новым поколениям. Если же человек продолжает сосредотачивать силы на себе, своих потребностях, то это приведет его к уходу в болезнь, к новым кризисам» [4].

В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман к возрастному периоду от 39 до конца жизни относят ступень развития Универсализация. Предшествующая ей ступень индивидуализации начинается с 17-19 (стадия кризиса) лет и заканчивается (стадия освоения) 32-42 годами. В анализе содержания стабильных и критических стадий развития В.И. Слободчиков и Г.А.Цукерман отмечают следующее. Для ступени Индивидуализации характерно обособление от оценок окружающих и принятие ответственности за свою жизнь. На ступени Универсализации происходит работа по завершению того, что может быть завершено и по принятию того, что завершено быть не может. Человек на этой ступени приобретает мудрое знание границ возможного без сожаления о невозможном [6, с.47-48].

Мы видим непрерывную работу развития духа, где каждая ступень – кризис – это новая встреча, новый диалог сознания и бессознательного, культурного и природного начал, обнаружение, борьба и примирение, и предваряющая ступень создает условие для последующей встречи.

В нашей статье хотелось бы остановиться не на центральном кризисе середины жизни (40-45 лет), а на предваряющем его – кризисе 30-летнего возраста. Как мы понимаем, если кризис середины жизни представляет собой переход от индивидуализации к универсализации (в терминах концепции В.И. Слободчикова), или от Эго к Самости (в терминах аналитической психологии), кризис 30-летнего возраста представляет собой борьбу за индивидуальность.

Действительно, по опыту консультативной практики можно обобщить, что людей этого возраста волнуют проблемы, связанные с «авторством» своей жизни. Несмотря на разницу в контекстах жизненной ситуации, обратившиеся за консультацией, стараются разобраться, откуда в их жизни появились те или иные обстоятельства. Эффективная работа с людьми этого возраста связана с анализом жизненных сценариев и обнаружением «теневых» качеств личности.

Бессознательное (природное) начало представлено определенными установками, активным или пассивным образом приобретенными в родительской

семье, и реализуемыми в настоящее время в жизни либо поступками, либо обстоятельствами (ведь встреча с обстоятельствами – это встреча с Тенью).

Сознательная часть личности желает осуществить свой выбор. То есть сознание занимает позицию *вне* жизненной ситуации, и старается обнаружить новую опору, новые ценности и принципы построения *своей* жизни. Это не время детских протестов против родительских наказов, это, скорее, время разобраться в наследном сундуке, что из наследства принять с благодарностью, а от чего отказаться?

Ранее нами было проведено исследование в контексте изучения динамики жизнетворческих способностей личности взрослого возраста, результаты которого, относящиеся к данному кризису, подтверждают направленность на формирование индивидуальности (эго). Ниже приводится часть выводов проведенного исследования.

«Высокий уровень развития жизнетворческих способностей *в раннем зрелом возрасте* (25-35 лет) связан, в первую очередь, со способностью “видеть” жизненную перспективу. Линия перспективы именно в этом периоде взрослого возраста является наиболее разработанной. Образ будущего, как правило, связан с концепцией самореализации – с образом своей роли, своей жизненной позиции. Способность строить образ будущего, по данным корреляционного анализа, связана со способностью к целеполаганию. Однако, следует отметить наличие расхождения между показателями “цели” и “количества событий профессиональной сферы”. Способность видеть свою жизнь вплетенной в определенный социальный контекст свидетельствует о способности отстранено воспринимать жизнь, а это качество является важным для способности ставить определенные цели. Связь между целями и духовными “событиями” позволяет предположить, что способность к целеполаганию существенно связана с теми ориентациями личности, которые способствуют большему отстранению (“самотрансценденции”) личности от существующей жизненной ситуации. Неоднозначность (показатель “сложности”) в эмоциональной оценке жизненных этапов в данном возрастном периоде представляет основу для развития способности к рефлексии (оценки) жизненно значимых выборов. Но сама способность к рефлексии является еще не развитой. Количество жизненных выборов указывает на то, что способность к рефлексии и сами жизненные выборы не определяют в этом возрасте развитие способности к жизнетворчеству. Положительная корреляция с показателем возраста свидетельствует о росте количества жизненных выборов с возрастом.

Отношения между показателями “перспективы” и “индивидуальных ценностей” указывают, что для данного возрастного периода характерна противопоставленность будущей (планируемой) жизни по отношению к жизненно значимым выборам. Кроме того, ценности адаптивного характера являются более значимыми, чем индивидуальные и субъектные. Это говорит о том, что для возраста от 25 до 35 лет характерно четкое разделение адаптивной и субъектной ориентации, иначе – рефлексивной и трансцендентной направленности. Однако, именно в возрасте от 25 до 35 вырастает количество отмечаемых субъектных ценностей.

По данным исследования можно говорить и о том, что внутренний мир пока отличается некоторой разобщенностью подструктур» [9, с.196].

Мы предлагаем кризис 30-летнего возраста вслед за В.И. Слободчиковым и Г.А. Цукерманом считать кризисом *индивидуальности*. Сомнение – краеугольный камень сознания – обращается к своему «Я» (к Персоне) с вопросами «этого ли ты хотел? достиг ли ты мечтаемого? кто принимал решения?». Этот кризис обнаруживает роли и установки, которые действовали от имени «Я». И обнаруживает те действительные решения, за которые человек принимает ответственность на себя. Этот кризис позволяет обнаружить в себе «теневые» стороны – что человек делает, не замечая того, провоцируя соответствующие реакции окружающих. Важно и то, что к этому возрасту становятся отчетливыми сценарные действия, в первую очередь реализуемые в треугольнике «Жертва-Преследователь-Спаситель». Собственно, анализ этого треугольника открывает возможность определения границы своей ответственности.

Очень важно, что в этом возрасте благодаря появлению или отсутствию ответственности формируются отношения между Персоной и Тенью. Это могут быть отношения избегания (буквально, бегства), прятанья за свою «тень» (да, вот я такой «плохой»), неистовой борьбы (искоренения всех «неправильных» наклонностей), и, наконец, конструктивного принятия («пожалуй, это не лучшая моя особенность, но, вот, она есть»). Конструктивные отношения Персоны и Тени создают целостный образ Эго («Я»), что становится основой для дальнейшего развития (индивидуации) человека.

Особенности арт-терапевтического подхода к решению проблем психологических кризисов состоит в том, что арт-терапия открывает особые возможности свободного само***о***сознания. Новые подходы к понимаю особенностей своей личности и некоторых коллизий своей жизни открываются человеку в творческой деятельности, - именно так следует понимать арт-терапевтические практики. Узнавание своих особенностей – это одновременно и процесс созидания своих особенностей, своих ценностей, жизненных позиций. Арт-терапия позволяет неспешно и непринужденно пересматривать свой жизненный сценарий, рефлексировать свои формы реагирования. Оптимальным образом она позволяет работать именно с кризисами. То, как человек в творчестве выражает свою жизненную ситуацию, - указывает ему на бессознательный, установившийся способ жизни, сложившиеся отношения с другими людьми и самим собой. Одновременно с тем, какой творческий продукт производит человек (это может быть рисунок, стихотворение, сказка), мы можем услышать, как он сам понимает свое действие через собственный анализ своего творчества, переживание процесса его создания. Арт-терапия не навязывает внешнее толкование продукта творчества (как это бывает в психоанализе). Целью арт-терапии следует считать установление диалога между сознанием и бессознательным личности. Психолог арт-терапевт сопровождает процесс установления диалога, помогает найти нужные вопросы. Мы уверены, что именно такая работа способствует оптимальному для личности переживанию кризисного периода. Какие же темы для арт-терапевтической работы актуальны для рассматриваемого в данной статье кризиса?

Кризис 30-летнего возраста – это начало некоторой *иной* жизни. Неслучайно Илья Муромец пролежал на печи до 33 лет, подняться не мог. А Иисус в 33 вознесся. Заканчивается первая треть жизни человека. Внимательно человек рассматривает картину жизненного пути, который он прошел. И если в юности он думал о том, какое будущее его ждет, то теперь задается вопросом, какое будущее он сам создаст.

Одной из необходимых тем для работы является тема «Моя семья». Сравнение отношений, сложившихся в собственной семье (конечно, если такая имеется), и отношений в родительской семье позволяет выявить ту бессознательную позицию, которую человек занимает в своей семье, и те сложности, которые она (позиция) вызывает. Работа с родительской семьей расскажет об установках, которые перешли от матери, отца, дедушки, бабушки и др. родственников к данной личности.

Особой темой будут отношения с мамой. Как правило, невротическая вина возникает именно в этих отношениях. Но работа в этом ключе начинается с перечня обид. Возможно ли, чтобы обид не было? Особо внимательно нужно к этому отнестись. Скорее, это бывает в том случае, когда человек не стал автономным, и речь идет о «слиянии». Обида, как правило, предшествует способности взять на себя инициативу и ответственность, совершить выбор. Отношения «слияния» - это тоже своеобразный выбор, их следует осознавать как свободный выбор, сопряженный с отказом от инициативы. Но выбором также будет и нежелание анализировать отношения с мамой. В арт-терапии с уважением относятся к так называемым «психологическим защитам» - если человек с чем-то не хочет работать, значит, он еще не готов с этим работать. Своеобразной поддержкой для работы с этой темой является знакомство с образом «Ужасной матери». Сказка про Василису – прекрасный материал для анализа дочерне-материнских отношений. «Гензель и Гретель» - подойдут и для сыновей.

Работа с образом отца гармонично следует за темой отношений с мамой. Но здесь речь идет больше о чувстве долга, предназначении, жизненной задаче. Соответственно, это тема ресурсов, возможностей, достижений, жизненных целей. В зависимости от реальных отношений, на арт-терапевтических встречах могут обнаруживаться тема свободы и ответственности, потерянности и депрессии, злости и обиды.

Уже в этих темах постепенно вырисовываются особенности личности переживающего кризис. Следующие темы будут непосредственно отношений Тени и Персоны. Персона – это то, о чем мы заявляем открыто, это наши ценности и позиции, которые мы осознаем. Работа с Тенью построена на проекциях – что человек не признает, не переносит, ненавидит, боится – это все проявления его Тени. В этой теме важно не стремится навязать эти идеи во что бы то ни стало. Каждый может осознать столько, сколько может. Сама по себе идея «теневых» сторон позволит человеку быть внимательнее к тому, что он раньше не замечал в своих проявлениях. И Тень и Персона нередко являются во снах, и, кроме описаний и рисунков, в качестве материала для работы подойдут и сновидения.

Следующие темы для работы касаются перспектив развития и жизненного пути. Мечтания, желания, цели – то, что составляет перспективу дальнейшей жизни. Темы «Моя жизнь», «Прошлое, настоящее и будущее» «Мой жизненный путь», «Я в будущем» и другие могут быть успешно использованы для определения ближайших перспектив.

Арт-терапия с акцентом на творческое развитие помогает осознать человеку собственную индивидуальность, одновременно развивая способность к авторству своей жизни.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии: сб. науч. трудов. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 416 с.
2. Граф де Сен-Жермен. Пресвятая триософия / Исследования и комментарии Мэнли П. Холла. – М.: Сфера, 1998. – 448 с.
3. Даосская алхимия / Пер. с кит. Е.А. Торчинова. – СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. – 470 с.
4. Психология / Отв. ред. Крылов А.А. – М.: Проспект, 1999. – 584с.
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1973. – С. 255-386.
6. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. – 1996. – №5. – С. 38-50.
7. Юнг К.Г. Жизненный рубеж / Проблемы души нашего времени. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 185-203.
8. Ялом. И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 2000. – 576 с.
9. Яновская Л.В. Динамика способности к жизнетворчеству личности во взрослом возрасте / Диссертация на соискание уч. степени канд. психол. наук. – Одесса, 2006. – 204 с.

РАЗДЕЛ 2.

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

2.1 ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

С.А. Вильдгрубе, *доцент кафедры психологии*
Донецкий национальный университет

Актуальность проблемы исследования. Проблема исследования психологических состояния у детей, проживающих в зоне военных действий, остается особенно острой в современном мире, так как количество военных конфликтов увеличивается. Психологическое состояние, в котором пребывают дети в то или иное время, оказывает большое влияние на их социально-психологическую адаптацию.

Большинство исследований направлено на изучение психологических состояний в мирное время, при этом, крайне мало встречается работ, охватывающих особенности психологических состояний детей, проживающих в зоне военных действий.

На основании имеющихся современных социально - психологических и медицинских данных последствия пребывания детей в зоне боевых действий необходимо рассматривать как эмоциональный дистресс с острыми или длительными физическими, психическими и социальными последствиями, которые объединяются понятием «посттравматическое стрессовое расстройство» — ПТСР [10].

Дистресс у детей отличается от аналогичного состояния у взрослых своими проявлениями. Это связано в первую очередь с возрастом и с тем, что дети испытывают трудности в том, чтобы рассказать, как они чувствуют стресс, поэтому дистрессовое состояние у ребенка часто не распознают и не обращают на него внимание. Сам ребенок не способен с ним справиться, поэтому испытываемый дистресс может выражаться в нарушениях поведения, изменении отношений к окружающим, нарушениях соматического здоровья и развития. В связи с этим при состояниях дистресса у детей так часты не только психические расстройства и отклонения в развитии, но и сопутствующие соматические нарушения и поведенческие отклонения, которые могут закрепляться в стойкой делинквентности, приводя к противоправному поведению. Все это делает крайне актуальной своевременную диагностику и правильную оценку проявлений ПТСР у детей, на основе которой должны строиться соответствующие лечебные и реабилитационные мероприятия.

Выделяются остро действующие стрессы и стрессы, действующие продолжительно. К острым стрессам относятся следующие: 1) стресс,

связанный с нахождением в опасных ситуациях с переживанием витальной (опасной для жизни и личного «Я» ребенка) угрозы; 2) стресс, вызванный утратой родителей, эмоционально значимых близких лиц, вызывающий страх потеряться, остаться одному с разрушением представлений о семейной надежности и устойчивости; 3) стресс в ситуации разобщения с привычным семейным и социальным окружением, включая внезапные или острые изменения привычного стереотипа семейной, бытовой жизни, круга общения.

К продолжительно и интенсивно действующим относят следующие стрессы: 1) стресс утомления, связанный с физическими трудностями и лишениями, бытовой неустроенностью, всегда сопровождающей бегство и миграцию семьи; 2) стресс изоляции, обусловленный утратой прежнего круга общения; 3) стресс «оценок» новой деятельности и поведения ребенка, включая страх несоответствия; 4) стресс напряжения, обусловленный погружением в конфликты и состояния тревоги, которые испытывают взрослые члены семьи [2, 6, 12].

В рассматриваемой ситуации важно также выделение сопутствующих факторов, определяющих вторичную социальную дезадаптацию детей. В этом случае рассматриваются: особенности психического состояния родителей (неопределенность планов на будущее порождает тревогу, подавленность, апатию, пассивность в поддержке детей при их социальной адаптации к новым условиям); влияние нелеченых нервно - психических расстройств острого и подострого периодов травматизации; длительное воздействие некомпенсированной депривации и значимость темы выживания в неблагоприятных бытовых условиях; воздействие патологической «почвы» в виде минимальной мозговой дисфункции (ММД), аномальных личностно-характерологических реакций, предшествующих задержек психического развития

В целом психическое состояние детей в настоящее время принято оценивать по параметрам: а) наличие психических и соматических расстройств и нарушений развития; б) устойчивые нарушения поведения девиантного или делинквентного характера; в) личностные отклонения и полиморфные нарушения адаптации (семейной, школьной, социальной)

К психическим нарушений в острый период относятся психические и поведенческие расстройства, наблюдавшиеся в первые 6 месяцев воздействия психической травмы. Факторы начального периода формируют острую кризисную ситуацию с психологической и физической угрозой, высоким риском развития посттравматических стрессовых расстройств и нарушений адаптации. Изменения психического состояния достаточно однородны и носят, как правило, не психотический характер. Ведущими являются невротические расстройства, представленные широким кругом эмоциональных нарушений с постоянным страхом. Одновременно отмечаются разнообразные ощущения в виде сильного или учащенного сердцебиения, дрожания, затрудненного дыхания, болей со стороны желудочно-кишечного тракта, в различных группах мышц, стойкие нарушения сна с кошмарами, повторяющимися сновидениями, частыми пробуждениями, аффектом страха, изолированные расстройства речи

(заикание, отказ от общения), преходящие тики, нарушения аппетита, недержание мочи и т.д.

Второй по частоте группой расстройств являются стойкие изменения настроения. Они характеризуются подавленностью настроения с чувством уныния, страха или тревогой, которые сочетаются с соматическими нарушениями и вегетативной дисфункцией, утомляемостью, не выносливостью к эмоциональным нагрузкам и раздражительной слабостью. Обычно эти изменения имеют тенденцию к затяжному течению. Третьей группой расстройств являются признаки психической истощаемости. При этом, кроме жалоб на утомление, нарушения засыпания, наблюдаются изменения поведения с раздражительностью, обидчивостью, конфликтностью и негативизмом. У детей, имеющих в остром периоде указанные психические расстройства, параллельно наблюдаются психосоциальные нарушения. Их необходимо обязательно учитывать, так как они являются предвестниками стойких отклонений в личностном развитии и поведении с последующей социальной дезадаптацией. Четвертой группой расстройств являются отклонения в психосоциальной сфере: снижение интереса к общению, игровой и учебной деятельности. Боязнь и нежелание общения с кругом новых сверстников может сопровождаться социальной апатией. Иногда дети поддерживают общение со сверстниками, с которыми вместе пережили кризисную ситуацию, но избегают общения со сверстниками из нового окружения [2,9].

Структура психических нарушений в подостром периоде (от 6 до 12 месяцев) существенно меняется по сравнению с острым периодом, обнаруживая зависимость от возраста ребенка. Для детей дошкольного возраста значимыми становятся сопереживания, связанные с эмоциональным дистрессом у родителей. Это переживания тревоги, раздражения и недовольства собой, своим положением и окружающими. Дети буквально «заражаются» этими негативными чувствами, не осознавая их содержания. Для детей младшего школьного возраста более значимыми становятся переживания, обусловленные изолированностью семьи, новыми искаженными внутрисемейными отношениями (тревога, раздражение, недостаток теплоты и доверия), а также переживания, связанные с отсутствием учебной деятельности. Для детей подросткового возраста характерно негативное отрицание необходимости учебных занятий, отношения к ним как «детским», которые они переросли в силу перенесенных переживаний. Одновременно сохраняется высокий уровень тревожности из-за неопределенности семейного и личного положения. Перечисленные факторы носят личностный характер, составляя для детей и подростков хроническую, трудно разрешимую кризисную ситуацию с тревожностью и высоким риском развития психических и поведенческих расстройств.

В этих случаях отмечается эмоциональная напряженность с рудиментарными невротическими симптомами. К ним относятся нарушения сна со снохождениями и сноговорениями, тики, патологические привычки, головные боли, головокружения, а также психосоматические расстройства (зуд, кожные высыпания, нарушения аппетита). Поведенческие отклонения в

подостром периоде отмечаются полиморфностью и в них отчетливо выступают возрастные особенности. У детей дошкольного возраста ведущими являются расстройства поведения по гиперактивному типу. Они включают признаки ослабленного внимания, подвижности, импульсивности, которые проявляются повышенной отвлекаемостью и неспособностью внимательно следить за деталями, трудностями удержания внимания во время конкретных заданий или игровой деятельности, трудностями внешнего контроля и самоконтроля при выполнении Следующими по частоте у детей дошкольного возраста являются расстройства поведения по тормозимому типу. Такие дети часто подвергаются высмеиванию, оскорблениям; родители указывают, что в конфликтных ситуациях ребенок постоянно выступает в роли обиженного. Их отличают также нервозность, раздражительность, трудности в высказывании своего мнения, низкая самооценка, негативное отношение к самому себе и сложившейся ситуации. Для детей младшего школьного и подросткового возраста характерно оппозиционно-вызывающее поведение. Они беспричинно проявляют вспышки гнева и раздражительности, часто отказываются выполнять требования взрослых, преднамеренно досаждают другим, при замечаниях обвиняют других в собственных ошибках или неправильном поведении, проявляя обидчивость, злобность и мстительность, нарушают обещания, обманывают, склонны к воровству и проявлению физической жестокости. Отмеченные нарушения поведения в подростковом возрасте могут сочетаться с невротическими расстройствами. Изменения поведения по тормозимому типу в отличие от гиперактивного и оппозиционно вызывающего чаще сочетаются с депрессией и в связи с этим требуют дифференцированной лечебной, коррекционной и реабилитационной помощи. В отдаленном периоде (более 12 месяцев) структура психических нарушений у детей связана в первую очередь с переживаниями искаженного внутрисемейного общения, обусловленного бытовой неустроенностью, неопределенностью социального и профессионального положения взрослых, когда сохраняются переживания, вызванные конфликтными отношениями с ближайшим окружением. Круг этих переживаний преимущественно воспроизводится взрослыми членами семьи и постоянно обсуждается внутри нее. При этом дети оказываются легко вовлеченными в конфликты взрослых.

У детей дошкольного и младшего школьного возраста в этих случаях на передний план выходят проявления парциальной или более общей задержки психического развития. Задержка психического развития проявляется прежде всего в том, что специфические потребности ребенка в игре, общении, систематической учебе в условиях надежности и доверия со стороны семьи и других взрослых не удовлетворялись на протяжении длительного времени. В связи с этим задержка психического развития по своей сути является депривационной и проявляется в ограниченности навыков свободного общения, бедности личностной активности и задержке формирования навыков учебной деятельности. Парциальная задержка психического развития в сочетании с гиперактивным поведением определяет у детей дошкольного и младшего школьного возраста существенные нарушения предпосылок к учебной

деятельности. У многих из них не сформировано или расстроено умение слушать и выполнять инструкции взрослого, работать по образцу, ориентироваться на заданную систему требований и способность подчинять свои действия определенным правилам. С нарушениями в произвольной сфере связаны существенные отклонения в аффективно-мотивационном уровне готовности к школе. В связи с тем, что во многих случаях окружающие взрослые сами находятся в ситуации неопределенности и многие из них страдают невротическими расстройствами, потребности ребенка в развивающем общении со взрослыми не удовлетворяются. Дети во многом предоставлены сами себе и их деятельность носит характер бесцельного и беспредметного времяпровождения. В изолированном общении детей между собой не актуализировались ни потребности общения со взрослыми, ни потребности в каких-либо формах новой познавательной активности. Таким образом, в аффективно-потребностной сфере не формировались готовность и установка на учебу [2,6,10,12].

При оценке интеллектуального компонента психологической готовности к учебной деятельности следует отметить в большинстве случаев сохранность определенного уровня развития интеллектуальных предпосылок: умение выделять существенное, сравнивать, видеть сходное и отличное, находить элементарные причины явлений, делать выводы. В связи с указанными особенностями отмеченные формы задержки психического развития и нарушения готовности к учебной деятельности носят парциальный характер, так как связаны с отклонениями в аффективно-мотивационной и произвольной деятельности, а не в интеллектуальной сфере, как это наблюдается при задержках психического развития, обусловленных патологическими органическими факторами. Для детей подросткового возраста в структуру переживаний в отдаленном периоде входят переживания взрослых членов семьи их личной, семейной, профессиональной и социальной неустроенности. Это субъективно переживается старшими детьми как беспокойство, душевный дискомфорт, эмоциональная напряженность с низким уровнем агрессивного реагирования и поведенческими расстройствами. Наиболее частой формой поведенческих отклонений у старших детей является оппозиционно-вызывающее поведение с негативными установками в отношении норм и правил, принятых в местной окружающей среде. Детская реакция на стресс зависит от семейных условий. В тех случаях, когда дети чувствуют контроль и поддержку со стороны взрослых родственников, ситуация, в которой они оказались, является менее стрессогенной. В связи с этим как на этапе диагностики отклонений, так и на этапе их коррекции и реабилитации крайне важны формы работы с родителями.

При работе с родителями, однако, возникают определенные трудности, обусловленные тем, что во многих семьях родители и другие взрослые члены семьи не учитывают проблемы детей и даже вообще отрицают их значимость. Поэтому встает вопрос о выявлении таких семей и направленной работе с ними. Иногда речь идет о своего рода незрелости родителей, их гиперэмоциональности, страдании различными формами зависимости от алкоголя и психоактивных веществ, лицах с ограниченным интеллектом или аномальными личностно - характерологическими свойствами и психическими отклонениями. Родители в таких семьях зачастую эмоционально

неуравновешенны, склонны к смене оценок и отношений, непоследовательны и противоречивы, что не позволяет ребенку адаптироваться в семейных условиях. В таких семьях дети часто прибегают к регрессивному поведению, становясь более зависимыми или чрезмерно требовательными и агрессивными. Родители должны осознать, что пренебрежение проблемами детей и ощущение ребенком чувства ненужности формирует у него тревогу и низкую самооценку, а частые соматические заболевания и повторные госпитализации в стационар обостряют у детей ощущения неполноценности. С учетом сказанного родители должны скорректировать свое поведение и понять следующее: 1) важно постоянно помогать ребенку выражать свои чувства, чтобы таким образом он мог снимать эмоциональное напряжение, поэтому необходимо создавать возможности выговориться и помогать во время бесед правильно осознавать ситуацию, испытываемые переживания; 2) важно все время поддерживать у ребенка достаточную самооценку и самоуважение, чтобы он не попал в изоляцию в школьной среде и среде сверстников, чтобы у него не формировалось ощущение беспомощности, неопределенности и безнадежности; 3) важно воздерживаться от постоянной критики ребенка в терминах «плохой», «тупой», «не такой как другие дети» и переносить на ребенка вину за сложившиеся жизненные обстоятельства; в беседах о проступках постоянно подчеркивать, что плох не сам ребенок, а действия и поведение, за которые его осуждают или наказывают. Результатом формирования у родителей указанных установок должно быть активное участие семьи в оказании поддержки ребенку с посттравматическими стрессовыми расстройствами [1,9,12].

Комплексная реабилитация детей с проблемами развития и поведения, пострадавших от военных действий предполагает участие в ней специалистов различного профиля. Принципиальным является положение, что проблема социальной дезадаптации в системе взаимоотношений ребенок — ребенок, ребенок — взрослый, ребенок — общество является междисциплинарной и не может быть решена без объединения усилий детских медиков, психологов, педагогов. Такая реабилитация, кроме того, предполагает преемственность в осуществлении этими специалистами системы диагностических, коррекционных и реабилитационных мероприятий. Многие авторы подчеркивают, что ситуационно - личностные реакции в неблагоприятных средовых условиях трансформируются в устойчивые формы патологического реагирования, могут становиться чертой патологического характера. В связи с этим необходимо как можно раньше выявлять признаки отклоняющегося поведения и корригировать их. Все наблюдаемые реакции ребенка необходимо оценивать по частоте их возникновения, повторяемости, интенсивности и направленности. Целесообразно также учитывать отношение реакций к той или иной сфере регуляции поведения: мотивационно-потребностной, интеллектуальной, психомоторной. Что касается отклонений в сфере отношений, то необходимо учитывать, что они выражаются в таких устойчивых реакциях, как демонстративность, негативизм, обидчивость, эмоциональная отгороженность, нерешительность, тревога и страхи, агрессивность и конфликтность. Отклонения в познавательной сфере выражаются преимущественно в нарушениях способности выполнять отдельные действия по-простому или сложному образцу со стороны взрослого в сочетании с реакциями отказа

и избегания умственных усилий. Отклонения в формировании психомоторной деятельности чаще проявляются в гиперактивности с признаками «полевого» поведения с импульсивностью и отвлекаемостью внимания или снижении психомоторной активности — состояния бездеятельности с недостаточностью энергии, замедленным темпом движений, пропусками условных сигналов к действию. Нарушения в мотивационной, познавательной, психомоторной сферах могут одновременно проявляться в общей дезорганизованности, неуправляемости и непредсказуемости поведения ребенка [1,6].

Таким образом, пребывания детей в зоне боевых действий необходимо рассматривать как эмоциональный дистресс с острыми или длительными физическими, психическими и социальными последствиями. А реабилитационная работа с личностными отклонениями и нарушенным поведением пострадавшего ребенка, представленная в единстве и преемственности психотерапевтических, психокоррекционных, педагогических реабилитационных и социально поддерживающих мер, может проводиться на всех этапах кризисной жизненной ситуации ребенка.

Литература

1. Александровский Ю.А. Психогении в экстремальных условиях. / Ю.А. Александровский, О.С. Лобастов, Л.И. Спивак, Б.П. Щукин. – Москва: Медицина, 1991. – 125 с.
2. Александровский Ю.А. Медикопсихологическая помощь вовремя и после стихийных бедствий и катастроф / Ю.А. Александровский, Г.М. Румянцева, Б.П. Щукин // Военно-медицинский журнал. – 1990. – № 8 – С. 73—76.
3. Аллан Д. Ландшафт детской души / Д. Аллан. Санкт-Петербург: Минск, 1997. – 196 с.
4. Болдырева С.А. Рисунки детей дошкольного возраста, больных шизофренией / С.А. Болдырева. Москва: Медицина, 1974. – 190 с.
5. Беляускайте Р.Ф. Рисуночные пробы как средство диагностики развития личности ребенка. Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога / Р.Ф. Беляускайте. Москва, 1987. – 71 с.
6. Востроknутов Н.В. Комплексная реабилитация детей с проблемами развития и поведения, пострадавших при межнациональных (военных) конфликтах / Н.В. Востроknутов, И.Н. Денисова, А.А. Романов. – Москва, 1997. – 94 с.
7. Захаров А.И. Неврозы у детей и подростков / А.И. Захаров. – Москва, 1998. – (Третий Всероссийский съезд невропатологов и психиатров, т.2).
8. Краснянский А.Н. Посттравматическое стрессовое расстройство у участников военных конфликтов (обзор литературы) / А.Н. Краснянский. – Синапс. – 1993. –№ 3 – С. 14 — 34.
9. Лазебная Е.О. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников военных действий / Е.О. Лазебная, М.Е. Зеленова.// Психологический журнал. –1999. – № 20. – С. 62—73.
10. МКБ -10. Классификация психических и поведенческих расстройств. Исследовательские диагностические критерии / [ВОЗ]. – Ст- Петербург: Женева, 1995. – 741 с.
11. Оклендер В. Окна в мир ребенка. Руководство по детской психотерапии / В. Оклендер. – Москва, 1997. – 214 с.

12. Тарабрина Н.В. Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние проблемы / Н.В. Тарабрина, Е.О. Лазебная // Психологический журнал. – 1992. –№ 13. – С. 14—29.

2.2 ФЕНОМЕН РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ КАК ФАКТОР ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА В КОНЦЕПЦИИ САЛЮТОГЕННОГО ПОДХОДА

А.П. Ефименко, *аспирантка специальности «Психология»*
Донецкий национальный университет
Научный руководитель: ***А.В. Гордеева,*** *к. психол.н., доцент*

Каждый из нас в современном мире подвергается множеству стрессовых факторов, на преодоление которых необходима активизация внутренних ресурсов личности. Однако кто-то успешно справляется с возникающими жизненными препятствиями, а для кого-то они служат пусковым механизмом для развития личностных расстройств. Глобальными и, к сожалению, актуальными для сегодняшних реалий психологически травмирующими являются такие факторы как войны, терроризм, природные катастрофы, потеря родных, тяжелые неизлечимые заболевания, увечья и т.п. Но один человек может благополучно пройти все жизненные испытания и даже при этом достичь личностного и социального роста, а другой, используя неконструктивные механизмы, начинает страдать психосоматическими заболеваниями, психологическими расстройствами, депрессией, астеническим синдромом, у него появляются внутриличностные и межличностые конфликты, чувство беспомощности, экзистенциальный вакуум. И это далеко не весь перечень симптомов психологически и ментально нездоровой личности. Что же нам помогает выжить, успешно адаптироваться, а некоторым даже подняться по личностной пирамиде развития, во время стрессовых ситуаций? Что нам помогает оставаться счастливыми и удовлетворёнными жизнью, несмотря на наш травматический опыт?

В результате обследований людей, переживших в концентрационных лагерях во время второй мировой войны, А.Антоновским и его коллегами были выявлены определённые факторы, помогающие сохранить психологическое здоровье. Им была предложены салютогенетичекая парадигма, в которой внимание уделялось успешным случаям преодоления людьми стрессогенных факторов.

Согласно А. Антоновскому [3], даже сам по себе стресс не всегда может быть патогенным: при соответствующих условиях он может являться салютогенным фактором, провоцирующим напряжение организма, способное вызывать новые адаптивные реакции. В итоге удачного преодоления стресса человек может извлечь положительный опыт; поэтому, имеет смысл говорить больше о *вызовах,* чем о стрессорах, конфликтах или проблемах. «Вопрос уже не в том, каким образом мы можем исключить тот или иной стрессор, но в том, как мы можем научиться жить, и жить хорошо, под действием стрессоров, и,

возможно, даже обратить их существование себе на пользу» [3, с. 40]. Последствия стресса – будут ли они негативными, нейтральными или позитивными – зависят не от характера самого стресса, а от индивидуальных путей реагирования на него.

Данную парадигму мы обнаруживаем уже у В. Франкла в его концепции «выживание через веру в себя». Ученый, формулируя теорию логотерапии, отталкивался от идеи Ф. Ницше: «у кого есть зачем жить, может вынести любое как». Условия лагерной жизни подтолкнула В. Франкла к выдвижению концепции о наличии безусловного смысла жизни. Безусловный смысл не зависит от того, помогает он спастись или нет. Безусловный смысл выше конкретных событий человеческого бытия.

Основным фактором стрессоустойчивости в концепции салютогенеза является понятие «чувство когерентности» – Sense of Coherence. Согласно А.Антоновскому, именно этот параметр определяет позицию человека на шкале «здоровье-болезнь». Чувство когерентности имеет три компонента [2]:

1. *Постижимость* относится к тому, каким образом человек осознает стимулы, с которыми он сталкивается, как имеющие когнитивный смысл, как структурированную, слаженную, чёткую и высокоупорядоченную информацию, которую можно предсказать, в отличие от сведений хаотических, бессистемных, неупорядоченных, непредсказуемых. Человек, владеющий чувством *постижимости,* не обязательно жаждет понять мир, но рассматривает его как постижимый *в целом*; он не избегает неопределенных ситуаций, но уверен, что в них можно определить структуру и смысл.
2. *Осмысленность* сопряжена с тем, в какой степени индивид испытывает эмоциональное чувство того, что жизнь наполнена смыслом, насколько он осознает, что трудности и запросы, которые жизнь преподносит перед ним, стоят того, чтобы активно решать их, отдавая свой энтузиазм, что они являются *вызовами,* которые человек принимает, а не тягостью, которую он хочет избежать. В противовес когнитивной *постижимости,* эмоциональная *осмысленность* ориентирует на то, что мир не только систематичен, но и *небезразличен* человеку. Например, если работа для человека является осмысленной, она может восприниматься им как средство, необходимое для воплощения каких-то субъективно важных целей, при этом не обязательно приносит ему радость и внутреннее удовлетворение.
3. *Управляемость* соотносится с тем, в какой мере человек рассматривает постижимые ему ресурсы как достаточные для того, чтобы соответствовать требованиям, которые выдвигают перед ним стимулы. Здесь речь идет скорее о внешних ресурсах, на которые индивид может положиться, а не о тех возможностях, которыми человек непосредственно располагает и которые он может контролировать. Так, человек с высоким чувство*м управляемости* уверен в том, что, применяя свои личностные силы и способности или опираясь на помощь родных, коллег, друзей и другие внешние источники, он сможет справиться с несчастьями, пережить их, а не просто в то, что он способен предотвратить те или иные несчастья судьбы.

Однако если мы говорим о посттравматическом росте, то необходимо говорить не только об этих трёх компонентах, помогающих успешно справиться со стрессовыми факторами, а о поддерживающем механизме, способности человека удерживать на высоком уровне своё ресурсное состояние. Таким механизмом является «резильентность».

Термин «резильентность» используется очень редко ввиду ещё своей недостаточной разработанности и распространённости среди психологов. В словаре М. Попова «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» «резильентность» - «resilience» трактуется, как свойство некоторых тел сохранять свой вид и форму, когда их перестают растягивать или сжимать. В словаре Мюллера можно найти такое определение «способность быстро восстанавливать прежнее физическое и душевное состояние».

В его психологической трактовке синонимично используются такие термины, как салютогенез (salutogenesis, Antonovsky, 1987), выносливость (hardiness, Kobasa, 1979), фортигенез (fortigenesis, Strumpfer, 1995), стойкость (fortitude, Pretorius, 1998) и пр.

Интересно, что под устойчивостью может пониматься процесс, способность (черта личности), результат, и даже состояние успешной адаптации, несмотря на сложные обстоятельства, угрозу, стресс, травму.

Разработкой данного понятия занимаются такие зарубежные коллеги как George A. Bonanno, Rachel Yehuda, Catherine Panter-Brick, Rutter M., Luthar S.S. и др. Среди российских психологов данное понятие используется как «чувство связности» в трудах Осина, близко и синонимично к терминам «жизнестойкость» и «самоэффективность» в работах Д.А. Леонтьева.

Согласно А. Бонанно, резильентность отражает способность поддерживать относительно стабильное равновесие, нормальный уровень функционирования даже в неблагоприятной ситуации (в отличие от устойчивости, восстановление (recovery) обозначает динамику, при которой нормальное функционирование временно уступает место пограничным психопатологическим состояниям и постепенно возвращается к до-травматическому уровню [4]. Среди других определений – «ресурсная адаптация к изменяющимся обстоятельствам и непредвиденным условиям среды» [5], «способность к восстановлению и поддержанию адаптивного поведения, которое может следовать за первоначальным откатом и беспомощностью после стрессового события» [4], «процесс, фокусирующийся на нормальном развитии и личностном росте» [7].

С практической точки зрения очень важно отметить, что концепция «резильентности» шире, чем просто «преодоление», так как она включает в себя два понятия:

– сопротивление разрушению, т.е. возможность человека защищать свою целостность, когда он находится под сильным давлением;

– а также, кроме простого сопротивления, способность строить полноценную жизнь в сложных условиях; такое «созидание» предполагает

умение планировать свою жизнь, под которым имеется в виду движение в определенном направлении в течение какого-то времени.

В этом смысле, «резильентность» отличается от понятий «справиться с трудной ситуацией», «преодолеть преграды», «найти выход», которые все-таки подразумевают однократные действия: человек решает какую-то проблему, затем другую, но он не строит ничего продолжительного.

Таким образом, «резильентность» подразумевает не просто преодоление человеком (обществом) трудностей и возврат к прежнему состоянию, тому, каким оно было до возникновения трудностей, а прогресс, движение вперед через трудности к новому этапу жизни.

Исходя из данных определений, **объектом** данной статьи является резильентность как свойство личности и посттравматический рост, а **предметом** – резильентность как фактор салютогенеза личности. **Цель** – установить взаимозависимость резильентности личности с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), посттравматическим ростом (ПТР) в рамках салютогенетической парадигмы.

Согласно исследованиям А. Бонанно [4] резильентность может быть определена, как динамический процесс установления положительной адаптации в контексте неблагоприятных событий, как способность личности поддерживать психологическое равновесие во время потенциально опасных ситуаций. Существует два подхода к рассмотрению резильентности. Первый оценивает резильентность непосредственно как конструкт, состоящий из когнитивных, эмоциональных и перцептивных факторов. Второй подход оценивает резильентность косвенно путём исследования травмированных людей, которые не поддались травме в виду внутренней устойчивости. В этом отношении резильентность рассматривается как отсутствие признаков ПТСР.

В то же время, основываясь на эмпирических данных, ученые установили, что существует три модели взаимосвязи между такими конструктами как посттравматический рост и ПТСР.

Первая модель определяет травму как опыт, который не влечёт за собой салютогенного эффекта. Согласно этому концепту посттравматический рост и ПТСР находятся на разных континуумах шкалы психологического здоровья и соответственно характеризуются наличием отрицательной корреляцией, полученной при исследовании выборки испытуемых, в состав которой входили ветераны войны, жертвы сексуального насилия и люди, переболевшие онкозаболеванием.

Вторая модель предполагает, что когнитивная и эмоциональная составляющие адаптационного процесса после травматического опыта вызывают не только психиатрические расстройства, но и способствуют личностному самоанализу и росту, позволяющему достичь социального успеха и самоутверждения. Это позволяет говорить о наличии положительной корреляции между патогенными и салютогенными признаками. Эмпирически это нашло подтверждение при исследовании выживших после бомбежки в г. Оклахома в 1995г.

Третья модель, в отличие от двух предыдущих, не устанавливает абсолютно никакой взаимосвязи между ПТСР и посттравматическим ростом. Согласно данному предположению, люди, столкнувшись с экстремальным стрессом, могут реагировать по-разному: проявлять признаки как психологического дистресса, так и личностного роста, после перенесенной травмы. Однако здесь следует подчеркнуть, что модерирующими переменными отсутствия корреляции могут выступать разные внешние факторы, например, период времени после столкновения с травмирующим событием [5].

Кроме того, произведённый теоретический анализ может ввести в замешательство при установлении взаимосвязи между резильентностью и посттравматическим ростом. Как утверждает А. Бонанно, следует различать понятия «резильентность» и «восстановление» - «recovery». В процессе восстановления пострадавший, подвергнувшийся травматическому опыту, поддерживает модерирующие симптомы травмы на относительно одном уровне и может свободно «вернуться» в исходное благоприятное психологическое состояние в любой момент. Процесс восстановления не синонимичен резильентности, в процессе которой происходит реконфигурация обработки информации. Такие когнитивные изменения в принятии и обработке травматического опыта являются сходными с посттравматическим ростом. В этом ключе резильентность положительно коррелирует с ПТ ростом [5].

Также предполагается, что резильентность является одной из форм резистентности (сопротивления). Резильентноустойчивые люди способны пережить стресс, не поддаваясь ему, и тем самым снижая возникновение посттравматической симптоматики. Согласно данному утверждению, резильентность как вид резистентности, не способствует возникновению дистресса, и при этом не влечёт за собой ПТ роста, отрицательно коррелируя с последним.

Таким образом, положительная взаимосвязь между ПТСР и ПТ ростом может служить признаком негативной корреляции между резильентностью и ПТ ростом, поскольку резильентность определяется как отсутствие ПТСР. С другой стороны негативная взаимосвязь между ПТСР и ПТ ростом можно служить фактором положительной корреляции между резильентностью и ПТ ростом (рис.1).

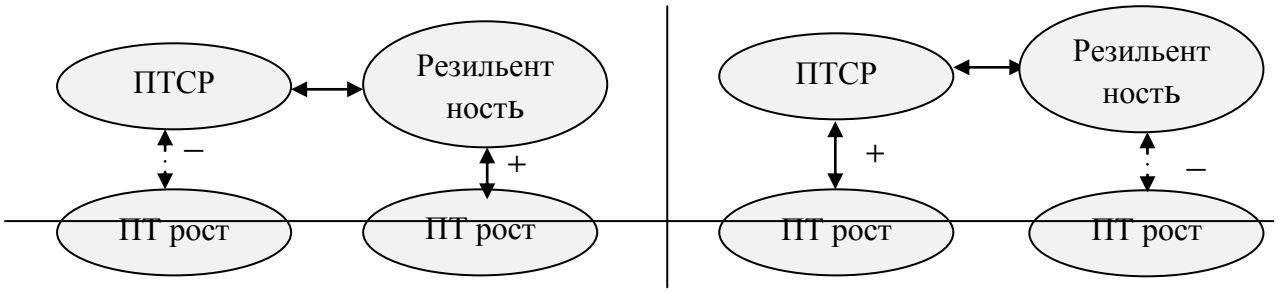

Рис. 1. Схематическое представление потенциальных взаимосвязей между ПТСР, ПТ ростом и резильентностью.

Таким образом, актуальным остаётся дальнейшее изучение взаимообусловленности трёх конструктов, определяющих психологическое

благополучие личности и установление конкретных причин наличия либо отсутствия корреляций между данными переменными.

Кроме того, исследуя причинную обусловленность корреляций между ПТ ростом и резильентностью, следует не исключать и другие конструкты, являющиеся факторами развития и поддержания резильентности. К таким переменным, в первую очередь, относят личностные черты, такие как эмоциональная стабильность, социальная компетентность, аналитичность, креативность, способность разрешать возникающие проблемы [6].

Множественные исследования показывают, что такая личностная черта, как *жизнестойкость* [2], помогает преодолевать экстремальные по своей силе стрессовые ситуации. Выносливость, стойкость имеет три составляющие: 1) устремлённость обрести цель в жизни наполненную смыслом, 2) чувство контроля, вера в способность влиять на окружение и результат событий, 3) открытость и готовность столкнуться с вызовами жизни, уверенность в том, что можно и важно учиться и возрастать, получать опыт как из положительных, так и из отрицательных жизненных ситуаций.

Положительные эмоции и чувство юмора также определяются среди защитных детерминант, позволяющих снизить уровень дистресса. Так, по одной из теорий, положительные эмоции способствуют увеличению резерва мыслей и действий – значимое условие в ситуации стресса, при котором так часто возникает сужение сознания. Вполне возможно, что положительные эмоции, эмоциональная осведомлённость (которая включает также и умение регулирования аффекта, управления, а также потенциал приёмов адекватного выражения как положительных, так и отрицательных эмоций) могут повышать действенность стратегии совладания, которая присуща человеку [10].

Подход к рассмотрению устойчивости в терминах личностных черт и навыков, как постепенно присваиваемого качества, имеет важное приложение – возможность развития этих качеств. Разрабатываются тренинговые программы, направленные на развитие навыков совладания, тех или иных качеств.

С устойчивостью также связываются такие феномены, как *локус контроля, оптимизм, самоэффективность*, и, возможно, одно из самых загадочных – *мудрость*. Последняя рассматривается и как процесс и как результат позитивной адаптации к травме и предполагает совладание с неопределенностью, интеграцию аффекта и интеллекта, принятие свойственных человеку ограничений [5]. Посттравматическая мудрость преображает, позитивно преобразует стратегию через ее осмысление и переживание как возможность пережить ситуацию невозможности [1].

Еще одним фактором, не сводящимся к собственно индивидуальным особенностям, не замыкающимся конкретно на отдельном индивиде, является *социальная поддержка***,** и шире, обращенность к другому. Драма травмы – это еще и драма предельного одиночества. Люди, способные справляться с ужасом травмы, – не одинокие герои, обладающие сверхъестественными способностями и не нуждающимися ни в ком. Разве каждый из нас не сделает все, чтобы помочь своим друзьям, родным, пациентам. Это и есть устойчивость: упорство и сила утешения общения с другим [7].

Еще одним фактором, соотносящимся с преодолением травмы и тяжелой болезни, считается *духовность и способность к поиску смысла*[6]. Истинная духовность дает другие ответы на вопросы, недовольства и замечания о несправедливости, безысходности, добре и зле, прощении и смысле. Исследования указывают на то, что весомые религиозные воззрения, вера может приводить к более успешному регулированию, смыслообразованию, более искренним и углублённым отношениям. Духовность не столько препятствует возникновению ПТСР или проблем со здоровьем, сколько помогает обнаружить способы их преодоления [6].

Огромное влияние имеет тот смысл, который мы приписываем тем или иным событиям жизни, и то, как видят его другие, сообщество в целом [9]. И если транслируется социальное видение тотального разрушения «я» после тех или иных травматических событий, то это само по себе может иметь сильные разрушительные последствия. Восприятия себя в качестве жертвы будет усиливаться, если непосредственное окружение и более широкий социальный контекст испытывают трудности совладания [9]. Выбор критериев адаптации, устойчивости отражает культурные нормы, существующие в обществе [8]. Создание в сообществе истории, центрированной на прошлом успехе в совладании со стрессорами, как и поиск возможностей для совладания с ними в настоящем, ведет к повышению воспринимаемой устойчивости сообщества [7].

Таким образом, изучение резильентности прошло путь от фокусировки на индивидуальных качествах, ее восприятии как врожденной или приобретенной неуязвимости, к рассмотрению ее как сложного феномена взаимодействия защитных факторов и факторов риска, индивидуальных, семейных и социо-культурных влияний [9]. Это понятие уже изменило цели и методы диагностики, профилактики и вмешательства [7], расширило теории травмы. На первый план выходят процессы личностных и межличностных изменений, роста и развития, которые могут происходить даже перед лицом опасности, когда кризис становится не просто фактором нарушения равновесия, но отправной точкой обновления и рождения нового смысла своего бытия. Но поиск смысла как конструкт развития резильентности и ПТ роста является уже темой иного теоретического и эмпирического исследования.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – Москва, 1984.
2. Осин Е. Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика / Е. Осин // Психологический журнал. – 2007, №3. – С. 22-41.
3. Antonovsky A. The Sense of Coherence as a Determinant of Health / A. Antonovsky //Advances, Institute for Advancement of Health. – 1984, Vol. 1, N 3. – P. 37-50.
4. Bonanno G.A., Wortman C.B., Lehman D.R., Tweed R.G., Haring M., Sonnega J., Carr D., Nesse R.M. Resilience to loss and chronic grief: a prospective study from preloss to 18-months post-loss / G.A. Bonanno, C.B. Wortman, D.R. Lehman, R.G. Tweed, M. Haring, J. Sonnega, D. Carr, R.M. Nesse // Journal of personality and social psychology. – 2002, Vol. 83, № 5. – P.1150-1164.
5. Bonanno G.A. PTSD, Resilience and Posttraumatic Growth Among Ex-Prisoners of War and Combat Veterans / G.A. Bonanno // Psychiatry Relat Sci. – 2013, Vol. 50, No 2. – P. 91-99.
6. Friborg O., Barlaug D., Martinussen M., Rosenvinge J.H., Hjemdal O. Resilience in relation

to personality and Intelligence / O. Friborg, D. Barlaug, M. Martinussen, J.H. Rosenvinge, O.Hjemdal // International Journal of Methods in Psychiatric Research. – 2005, Volume 14, Number I. – P.29-42.
7. Miller E.D. Reconceptualizing the role of resiliency in coping and treatment / E.D. Miller // Journal of loss and trauma. – 2003, №8. – P.239-246.
8. Powell S., Rosner R., Butollo W. Posttraumatic growth after war: A study with former refugees and displaced people in Saraevo / S. Powell, R. Rosner, W. Butollo // Journal of Clinical Psychology. – 2003, Vol. 59(1) – P.71-83.
9. Rutter M. Resilience concepts and findings: Implications for family therapy / M. Rutter // Journal of family therapy. – 1999, 21. – P.119-144.
10. Tugade M.M., Fredrickson B.L. Resilient individuals use positive emotions to bounce back from negative emotional experiences / M.M. Tugade, B.L. Fredrickson // Journal of Personality and Social Psychology. – 2004, Vol. 86, №2. – P. 320-333

2.3 ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ К УСЛОВИЯМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВОЕННОГО СТРЕССА

К.В. Лох, *кандидат психологических наук,*
Донецкий национальный университет

Гражданская война в Донбассе поставила всех нас в совершенно новые условия, в которых привычные в мирной жизни механизмы адаптации перестают работать. В связи с этим встаёт практическая проблема, касающаяся всех жителей Донбасса – сохранение психического здоровья и способности к творческому приспособлению, которая обязательно понадобится для продолжения жизни в нашем регионе.

Психологи уже активно работают с населением, но вынуждены при этом руководствоваться наработками, созданными в несколько отличающихся от наших условиях, и профессиональной интуицией. Целостностное осмысление массовых адаптационных процессов может помочь сделать их работу более целенаправленной.

Научная же проблема адаптации является центральной в большинстве отраслей психологии, поэтому существует необозримый объём теоретических и эмпирических работ по этой теме, и масса противоречий в понимании этой психологической категории.

Основным субъективно-психологическим критерием адаптированности человека со времён Фрейда считается степень психического напряжения, однако сейчас ясно, что это всё-таки не универсальный и недостаточный сам по себе критерий адаптированности. В современной науке, начиная с Г. Селье, прочно закрепилось понимание стресса как адаптационного механизма, требующего для своего описания более широкого контекста [5].

Именно такой подход к стрессу реализуется академиком Л.А. Китаевым-Смыком, крупнейшим отечественным исследователем этого феномена. Внешние условия – стрессогены – рассматриваются им не как однозначно определяющие стрессовую реакцию, а как факторы, субъективно преломляемые человеком. Поэтому важными становятся субъективное восприятие ситуации, этносоциальные и духовные факторы [4].

Ф.Б. Березин исходит из положения об адаптированности как о сбалансированности системы «человек – среда», при котором тревога – переживание неопределенной угрозы, не поддающейся предсказанию – минимальна. Напротив, дезадаптированность – нарушение этой сбалансированности – субъективно обнаруживается как чувство диффузного опасения и тревожного ожидания, неопределенное беспокойство [2].

Таким образом, дезадаптированность можно определить как состояние недостаточности психических или физических ресурсов индивидуума для удовлетворения актуальных потребностей, при котором имеет место рассогласование самой системы потребностей и, в конечном счёте – угроза существованию.

На наш взгляд, концепция стрессовых кризисов Л. А. Китаева-Смыка и тревожный ряд ФБ. Березина имеют точки пересечения, и в сущности описывают процесс адаптации с разных сторон.

В условиях гражданской войны границы воздействия стрессоров вообще очень сложно заметить и разделить. Кроме социально-экономической ситуации, которая по большому счету обеспечивает длительный стресс сама по себе, еще добавляются перманентные кратковременные стрессы в моменты реальной опасности, и ожидание таковых в периоды затишья. Дополнительно осложняют изучение политические моменты, которые не дают точно определить воздействия стресса от войны, обстрела и информационной войны.

В описываемом здесь исследовании была поставлена цель описать процесс приспособления к длительному стрессу, определение когнитивных, эмоциональных и поведенческих условий для различных стратегий адаптации мирных жителей в Донецке.

Под адаптацией мы понимали процесс достижения адаптированности, то есть состояния гармоничного баланса субъекта с внешней средой. В поведенческом аспекте он выражается новыми формами взаимодействия со средой; в эмоциональном – переживаниями, отличающимися от прежних; в когнитивном – изменением способов оценки реальности, переоценке ценностей и т.п.

Субъективными критерием адаптированности можно считать образование новых смыслов, интегрирующих поведенческий, эмоциональный и когнитивный аспекты жизнедеятельности, а более непосредственно – восстановление психологического благополучия, но на качественно новом уровне, иначе организованного, чем довоенное.

В структуре адаптации можно выделить такие компоненты, как продуктивность деятельности, степень интеграции личности с макро- и микросредой, степень реализации внутриличностного потенциала, эмоциональное самочувствие (субъективное благополучие). При анализе результатов исследования мы также использовали их в качестве критериев адаптации.

Исследование проводилось в феврале и марте 2015 года. В выборку исследования вошли 224 человека, из них 49 ополченцев и 175 гражданских. Здесь опишем гражданскую часть выборки. Испытуемыми стали жители 10-ти

районов Донецка и Макеевки в возрасте от 18 до 70 лет. Большую часть (61%) из них составили люди в возрасте от 18 до 30 лет, ещё 12% - от 31 до 40 лет. Таким образом, выборка репрезентирует наиболее активную часть гражданского населения.

В состав выборки вошли 65 мужчин (37,3%) и 110 женщин (62,7%). Из них в наиболее обстреливаемых на момент исследования районах проживали: 33,8% в Киевском (Путиловка, район аэропорта), 8% в Петровском, Куйбышевском и Пролетарском. 15,4% испытуемых проживают в несколько менее обстреливавшемся Кировском районе. В относительно тихих районах: 21,3% в Ленинском, 4% в Буденовском, 8% в Калининском, 6% в Ворошиловском, 7% в Червоногвардейском районе Макеевки.

Из них хотя бы однажды побывали под обстрелами, то есть менее чем в километре от мест попадания, 81%. Из них больше половины, а именно 71,5% (120 человек) во время обстрелов оставались в собственных квартирах или в помещении на работе, остальные в укрытиях или на улице. Здесь указано наиболее типичное поведение, так как при разных обстрелах действия были разные.

Поскольку мы изучали адаптацию к длительному стрессу, то можно утверждать, что обследованная выборка отражает категорию населения, которая подверглась стрессогенному воздействию, имеет опыт пребывания в экстремальных ситуациях.

У 73,8% жилье целое без повреждений, у 18,3% крупные повреждения имущества, либо вынесены окна взрывной волной, у остальных окна повреждены осколками, трещины в стенах.

Переезжать приходилось 35,1 % опрошенных, 65% испытуемых вообще не выезжали из города за период с мая 2014 года по март 2015.

У 13,7% опрошенных пострадали близкие, к которым мы относили друзей и родственников. Категория «пострадали» включает в себя разрушенное жильё или ранения. У 9,5 % близкие пострадали «косвенно», то есть потеряли работу или столкнулись с психологическими проблемами (заикание, субклинические состояния и т.п.). У большинства же 76,8% никто из близких не пострадал, то есть для большинства испытуемых угроза осталась абстрактной, но явно была ведущим стрессогенным фактором.

Таким образом, выборка соответствует предмету исследования, и в определённой степени репрезентативна для Донецка.

Сложнейшая структура феномена адаптации обусловила необходимость комплексного характера эмпирического исследования. Он выразился в использовании принципиально разных методов с чёткой фиксацией их специфики и ограничений.

В частности, Интегральный тест тревожности [3] давал информацию об осознаваемых симтомах дезадаптации, будучи «прозрачным» и подверженным возможности диссимуляции. Расширенная шкала субъективного благополучия менее прозрачна, и диагностировала социально организованную оценку текущего состояния. Семантический дифференциал прямо диагностировал отдельные компоненты самооценки психологического состояния, которые обобщались в факторной модели.

Показатели тревоги и вегетативного баланса в тесте Люшера выявляли энергетический аспект адаптации и были наиболее объективными.

Кроме того, проводилось структурированное интервью, которое позволяло установить, помимо содержания ответов, проявляющиеся в коммуникации невербальные аспекты поведения. Судя по тому, что оценка интервьюерами напряжённости респондентов в основном совпала с показателями тревоги по Люшеру, адекватной была также оценка ими открытости и искренности. Именно на основании данных интервью выделялись категории населения, различия между которыми по изучаемым параметрам составили содержательную основу результатов. Таким образом, интервью дополняло тестовые данные. Приведём некоторые его результаты.

Более 90% гражданских испытуемых приняли решение оставаться в Донецке, то есть адаптация к условиям длительного стресса для них является единственным вариантом и обуславливает её субъективную необходимость. Выборка разделилась на три примерно равные части по увеличению, уменьшению и сохранению общения по сравнению с довоенным, изменение характера общения имеет то же соотношение. Судя по обобщению результатов интервью, большинство населения Донецка испытывает стрессовый кризис первого ранга. Это также подтверждается показателями тревоги и вегетативного баланса теста Люшера. В актуальном переживании представлен довольно большой спектр эмоциональных состояний, примерно поровну стенических и астенических. Большинство субъективно ориентированы на структурирование будущего.

Данные по методике «Семантический дифференциал» были подвергнуты факторизации. В полученной в ходе построения семантических пространств четырёхфакторной модели выделяется наиболее мощный фактор (13 из 20 переменных, 35% объясняемой дисперсии), названный «Подавленность», отражающий пониженный уровень энергии. Это указывает на актуальность астенических состояний и их обобщённость, и на то, что частные признаки своего состояния они описывают лучше, чем обобщённые. Так проявляется характерное изменение восприятия своего состояния – оно менее целостно. Второй по мощности фактор назван «Апатия» (16% объясняемой дисперсии), и связан с расходом энергии, большим неосознаваемым напряжением, но субъективно представленный испытуемым в соответствии с названием. Ещё два фактора менее мощные: «Лень» (8%) и «Взволнованность» (4,6%), и в данной статье мы их не представляем. На рисунке 1 представлено расположение среднегрупповых оценок категорий населения, выделенных по активности.

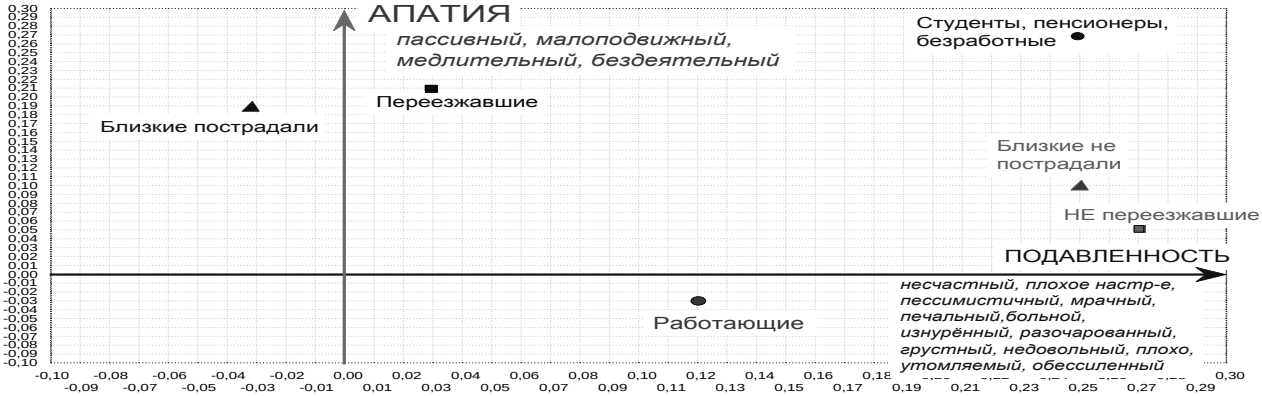

Рис. 1. Категории населения по активности

Как видно из него, все категории, кроме работающих, расположены над условной нулевой чертой по «Апатии», в наибольшей степени она свойственна тем, кто не работает – студентам, безработным и пенсионерам. Они же имеют и высокую «Подавленность». Меньше «Подавленность» у тех, у кого пострадали близкие. Работающие занимают промежуточное положение между ними, а «Апатия» у них минимальна. То есть, минимально активные чувствуют себя более подавленными. Возможно, работа как активное взаимодействие со средой, повышает осознание своего эмоционального состояния, помогает в общении с коллективом заметить изменения в собственной жизни, их проанализировать, сравнить. Неработающие (студенты – у них часто отменялись занятия, пенсионеры, безработные) меньше структурируют свою деятельность и общение (стабильность, график работы, режим), и поэтому находятся в более интенсивном эмоциональном состоянии, они меньше контактируют с реальностью, поэтому больше подвержены состоянию апатии.

То, что работающие лучше осознают свой дискомфорт, подтверждается достоверным превышением у них показателей истощённости (t_s = 2,226, p = 0,027) и суммарного показателя психологического неблагополучия (t_s = 1,196, p = 0,047), и почти достоверным – неудовлетворённости деятельностью (t_s = 1,866, p = 0,064) по расширенной шкале субъективного благополучия.

Ещё более существенно превышение у работающих коэффициента вегетативного баланса (t_s = 2,979, p = 0,0041). Причём у неработающих его среднее значение составило 0,98 – практически сбалансированность тропотрофных и тропоформных тенденций, а у работающих – 1,40, то есть они заметно больше предпочитают яркие цвета синему и зелёному. Это трактуется Шипошем как тенденция к расходу энергии, что естественно для более активных жителей, чья жизнь в наибольшей степени структурирована во времени.

Складывается впечатление, что стресс у более задетых войной как бы нейтрализует «Подавленность» как отсутствие энергии. Скорее, речь идёт о переходе к стрессу второго ранга, по Л.А. Китаеву-Смыку [4]. Об этом свидетельствует, в частности, почти достоверное различие по коэффициенту вегетативного баланса между теми, кому пришлось переехать, и кому не пришлось (t_s = 1,838, p = 0,071). При этом у переезжавших он близок к оптимуму (1,04), а у не переезжавших намного превышает его (1,34). И здесь проявление того же феномена – включение первичного запаса ресурсов, которые используются в «аларм»-стадии.

Эти и другие результаты исследования позволяют сделать следующие обобщения.

В адаптивных процессах большое значение имеет психическая переориентация личности, под которой следует понимать выработку таких оценок и понимание ситуации, которые соответствуют ценностным ориентациям и адекватным в ней образцам поведения. В процессе этой переориентации у личности может возникать дискомфортное состояние. При попытках избежать его человек может рационализировать или фильтровать информацию, что следует определить как квазиадаптацию, так как

приспособление происходит не к реальности, и тогда оно не является развитием.

Подтверждены основные идеи, которые легли в основу исследования. в частности, стадиальность стресса и описаны условия смены стадий в конкретной обстановке прифронтового города и гражданской войны.

Весьма важной для нашей работы была идея Г. Селье о том, что человеку доступно использование внешних резервов для адаптации, когда становится недостаточно собственных [5]. Наиболее активные и творческие категории наших испытуемых делали это в общении и работе, которая также предполагает общение. Именно в этом процессе возникают новые функциональные системы, по П.К. Анохину, как способы организации взаимодействия со средой [1]. Подтверждено также, что они испытывают психологический дискомфорт именно при этом переходе. Обнаружено, что этот дискомфорт качественно отличается от того, который переживают другие категории населения, находящиеся в стадии резистентности: он более интенсивен, ясен и осознан.

Исходя из этого, возникает несколько парадоксальный подход к психологической помощи – не избавление от дискомфорта, а сопровождение перехода через дискомфорт на более высокий уровень адаптации.

Сформулируем основные **ВЫВОДЫ** нашего исследования.

1. Большинство обследованных испытывает стрессовый кризис первого ранга. В актуальном переживании представлен довольно большой спектр эмоциональных состояний, примерно поровну стенических и астенических. В когнитивном аспекте он проявляется некоторым снижением способности к обобщению своего состояния, оно становится более фрагментарным на осознаваемом уровне.

2. Работающие дончане в среднем отмечают у себя меньшую «подавленность» и «апатию», у них более выражена тенденция к расходу энергии. Этот факт в совокупности с остальными позволил сформулировать следующую закономерность приспособления. Большинство обследованных испытывают несколько повышенное психическое напряжение, естественное для стрессового кризиса первого ранга. За счёт социальной и профессиональной или просто эмоциональной активности это напряжение совершает работу по структурированию реальности и будущего, по осознанию собственного состояния.

3. По степени использования вышеописанного механизма выборку можно подразделить на три примерно одинаковых по численности типа адаптации к условиям длительного стресса.

Первый, «изоляционный», заключается в том, что человек не пытается структурировать будущее, сужает круг и характер своего общения. Это позволяет оставаться в зоне определённого психологического комфорта, но не является конструктивным способом адаптации.

При втором, «пассивном», человек плывёт по течению. Например, сужает или расширяет своё общение под влиянием социального окружения, которое стабилизирует его, если само структурировано.

Третий, «творческий», заключается в попытках развиваться и приспосабливаться на более высоком уровне, расширяясь и создавая новое. Этот способ связан с повышенным расходом энергии и переживанием дискомфорта. Однако именно он является наиболее конструктивным в перспективе.

Эти выводы позволяют сформулировать следующие **рекомендации.**

Для населения

1. Ходить на работу, делать привычные дела. Общение с коллегами в совместной деятельности помогает структурировать представление о себе в социуме, повысить его адекватность. Следование же привычному режиму формирует островок стабильности в жизни, на который можно опираться. Аналогичным образом это стабилизирует общество.

2. Отслеживать изменения в себе, от бытовых привычек до мировоззрения. Как показано в работе, рефлексивность позволяет обращаться к более глубоким адаптационным ресурсам, чем это происходит при функционировании психологических защит.

3. Стремиться к усложнению общения, то есть к большей осознанности сказанных слов (подбор, внимательность, замедленность, паузы), и к осознанию себя в общении. Если быть внимательным к процессу общения, то можно заметить, что другие люди могут поделиться ценной информацией, помогают что-то понять, приспособиться. В данном случае общение – средство выживания. Так же в общении происходит обмен переживаниями и описаниями состояний. Зачастую это имеет характер взаимной поддержки через возможность разделить свои переживания поддержки, люди сами подлечиваются между собой. Осознанное проживание, структурирование своих состояний, проговаривание об этом с другими людьми снижает риск консервации этих негативных переживаний, и, соответственно, снижает риск посттравматических стрессовых расстройств. Особенно это важно в семье.

4. Попытаться создать что-то новое в своей уже изменившейся жизни, и изменение это осознать. Это может быть поиск новой работы в новых условиях, что-то новое в отношениях, приобретение новых навыков, новых важных знакомств и межличностных связей. Проявлять присущую любому человеку способность к творчеству. Тогда длительный стресс становится не потерей старой жизни, а обстоятельством в новой. Обычно в обществе находится определенное количество людей, у которых это получается легче, и можно к ним присоединиться, посоветоваться, поделиться опытом.

5. Одной из конкретных форм жизнетворчества может быть оказание другим помощи и поддержки, то есть реализация собственного пережитого опыта.

6. При этом не стоит заставлять себя героически терпеть сильные стрессовые нагрузки. Если есть возможность переехать в более безопасные районы, то целесообразно дать своему организму и психике пополнить запасы, отвлечься, отдохнуть. Переезд может быть полезен для того, чтобы со стороны посмотреть на свою ситуацию и состояния, какое-то время прожить их в

безопасных условиях, поплакать. Ведь в период активных обстрелов психика слишком занята выживанием.

7. Быть внимательным к своему здоровью вовремя оказывать лечение и профилактику. Ресурсными так же оказываются забота о себе, удовольствия, удовлетворение различных интересов – это тоже что-то поддерживающее прежний режим, и при этом помогающее интегрировать часть прежней стабильности в уже новую жизнь.

8. Опыт психотерапевтических групп показывает, что активное проживание, анализ, осознание себя в экстремальной ситуации позволяет не зацикливаться только на этой части жизни и идти дальше, искать свой баланс, темы со временем меняются и все чаще становятся творческими, вопросами развития и движения дальше. По возможности стоит посещать специальные психологические группы – там указанные процессы происходят быстрее, и под контролем профессионалов.

Для психологов

1. Создать максимальные условия для безопасного проживания различных эмоций и состояний клиента, возможность поговорить о своих страхах, их конкретизировать, об опасениях и фантазиях. Условия выживания требуют от некоторых людей сдержанности и видимости стабильности перед близкими, тогда им нужен кто-то, с кем можно не опасаться показать свою нестабильность, пожаловаться, поплакать.

2. Сейчас актуальны психологи-слушатели, которые могут вынести нагрузку от трудных рассказов и историй, проявляющие терпеливость, искреннее сочувствие и готовность побыть рядом. Очень многие проблемы сейчас невозможно изменить, поэтому нужно научиться быть с ними и сохранять стабильность.

3. Использовать телесные техники для выплеска длительных неизменных переживаний любого содержания, блокирующих процесс развития.

4. Заботиться о собственном состоянии, посещая терапевтические и интервизорские группы.

Литература

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина. – 1975. – 288 с.
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Ф. Б. Березин. – Л., 1988, – С.13 – 21.
3. Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Применение интегративного теста тревожности / А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Ивовлев. – СПб., Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2005. – 24 с.
4. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса Психологическая антропология стресса. — М.: Академический Проект, 2009. — 943 с. — (Технологии психологии).
5. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. – 220 с.

2.4 МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ КАК ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ ПТСР У УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Н.В. Устинова, *канд.психол.наук, доцент,*
Н.В.Король, *магистрант специальности «Психология»,*
Донецкий национальный университет

Участие в боевых действиях относится к той экстремальной ситуации, когда человек постоянно находится в состоянии сильнейшего психоэмоционального стресса. Психологические последствия участия в боевых действиях многообразны по содержанию, форме и динамике проявления. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – это непсихотическая отсроченная реакция на травматический стресс, способный вызвать психические нарушения. Посттравматические стрессовые расстройства составляют от 10 до 50% всех психологических и медицинских последствий боевых событий [12]. Ими, по сей день, страдают 29-45% ветеранов второй мировой войны, 18,6% участников боевых действий в Афганистане испытывают на себе действие этого синдрома. Из них хронически больными являются 41,7 %, инвалидами 56,2%. Закрепляясь в личностных структурах и поведении участников боевых действий, ПТСР накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека, затрагивая все уровни человеческого функционирования (физиологический, личностный, уровень межличностного и социального взаимодействия) и приводит к стойким личностным изменениям. Опасность ПТСР заключается так же и в том, что полное избавление от него практически невозможно. Признаки ПТСР имеют тенденцию не только сохраняться продолжительное время, но и нарастать, а также проявляться внезапно на фоне внешнего благополучия [3].

При наличии различных методов реабилитации военных, испытывающих признаки ПТСР, их применение на сегодняшний день не всегда является эффективным. Поэтому возрастает потребность в поиске тех факторов методик реабилитации, которые бы минимизировали нежелательные психологические последствия и предупредили развитие синдрома ПТСР у участников боевых действий.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что не у всех участников военных действий боевой стресс вызывает психическую травму. По мнению ряда исследователей (Б. Грин, Д. Вильсон, Д. Линди, и др.) преодоление индивидом психотравмирующего воздействия стрессоров боевой обстановки зависит от взаимодействия трех факторов: характера психотравмирующих событий, индивидуальных характеристик участника боевых действий и особенностей условий, в которые он попадает после возвращения с войны [13]. Учитывая то, что к одной из индивидуальных характеристик относится эффективность психологической защиты, можно заключить, что именно этот механизм может быть одним из тех факторов, который мог бы препятствовать развитию ПТСР.

Психологическая защита – это специальная регулятивная система стабилизации личности, направленная на ограждение сознания от неприятных, травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними и внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [11]. Исследования свидетельствуют, что психологическая защита определяет субъективный комфорт личности во всех ситуациях напряженности: в патологии (например, в условиях боевых действий), а так же в профессиональной и бытовой деятельности (З. Фрейд, А. Фрейд, А. Адлер, Р. Плутчик, Ф.В. Бассин, Ф.Е. Василюк, Р.М. Грановская, Е.С. Романова и др.).

Исследователи факторов стресса (Р. Лазарус, Т. Кокс, Д. Берне, Х. Кроне) делали попытки инвентаризации механизмов защиты. Опираясь на данные исследования, можно предположить, что не все психологические защиты в равной степени могут быть успешными для преодоления развития симптомов ПТСР.

В этой связи, целью представляемого исследования являлось установление взаимосвязи между механизмами психологической защиты и особенностями психологических последствий травматического стресса у участников боевых действий.

Для реализации цели исследования необходимо рассмотреть сущность механизмов психологической защиты, а так же их роль в борьбе со стрессом.

Первые разработки понятия психологической защиты принадлежат З. Фрейду. По его мнению, при угрозе целостности личности именно защитные механизмы отвечают за ее интеграцию и приспособление к реальным обстоятельствам. Включение защиты может привести не только к актуальному облегчению, но и к появлению стабильных, длительно функционирующих структур, которые в будущем будут активизироваться в сходных обстоятельствах.

Дальнейшие исследования механизмов психологической защиты принадлежат Анне Фрейд. Она подчеркивала оберегающий характер защитных механизмов, указывая, что они предотвращают дезорганизацию и распад поведения, поддерживают нормальный психический статус личности. Ею было сформировано представление о том, что набор защитных механизмов индивидуален и характеризует уровень адаптированности личности.

В отечественной психологии большой вклад в изучение психологической защиты принадлежит Ф. В. Бассину [1]. Согласно его воззрениям и по мнению некоторых других исследователей (Зейгарник, А.А. Налчаджяна [8], Е.Т. Соколовой, В.К. Мягер [9] и др.) психологическая защита является нормальным, повседневно работающим механизмом человеческого сознания, важнейшей формой реагирования индивида на психическую травму.

Рядом исследователей (В.А. Ташлыков, В.С. Роттенберг, Ф.Е. Василюк, Э.И. Киршбаум, И.Д. Стойков) высказывался противоположный взгляд на психологическую защиту как на вредоносный механизм, ограничивающий оптимальное развитие личности. Однако, несмотря на различие во взглядах на психологическую защиту, все исследователи склоняются к тому, что срабатывая автоматически, она снижает напряженность, улучшает

самочувствие и тем самым приспосабливает человека к ситуации, то есть способствует его адаптации. Включаясь в психотравмирующие ситуации, защитные механизмы выступают в роли своеобразных барьеров на пути продвижения информации. В результате взаимодействия с ними тревожная для личности информация либо игнорируется, либо искажается, либо фальсифицируется. Тем самым формируется специфическое состояние сознания, позволяющее человеку сохранить гармоничность и уравновешенность структуры своей личности [7].

Исследования так же показали, что организация психологической защиты и ее способность противостоять внешним вредным воздействиям у разных людей существенно различается. У одних механизмы психологической защиты не могут избавить их от влияния внешнего или внутреннего конфликта, у других же механизм их влияния настолько жесток, что блокирует допуск в сознание даже полезной для развития личности информации. В связи с этим В. К. Мягер [9] предлагал делать различие между патологической защитой (или неадекватными формами адаптации) и нормальной защитой, профилактической, постоянно присутствующей в нашей повседневной жизни. То есть, по сути, защитные механизмы, как уже говорилось ранее, могут быть как успешными, так и неуспешными. Результатом успешной психологической защиты будет являться устранение симптомов тревоги и страха, а неуспешная психологическая защита оказывается не в состоянии сделать это и потому вызывает их постоянное повторение.

Конкретное отнесение защитных механизмов к категории успешных или неуспешных различно у разных авторов. Эту мысль подтверждают и исследования Ф.Б. Березина, который утверждал, что различные формы психологической защиты обладают различными возможностями противостоять тревоге и другим негативным состояниям. Более того, было установлено, что существует определенная иерархия типов психологической защиты. Когда одна форма защиты оказывается не в состоянии противостоять тревоге, то «включается» другая форма защиты. Ф.Б. Березиным было также обнаружено, что нарушение механизмов психической адаптации или использование неадекватной формы защиты могут приводить к соматизации тревоги, т. е. направлению тревоги на формирование предболезненных состояний, или к окончательному срыву адаптации [2].

Следует также заметить, что редко используется какой-либо единственный механизм защиты, и обычно задействуются различные защитные механизмы. К наиболее изученными из них относятся: отрицание, подавление, регрессия, компенсация, интеллектуализация, реактивное образование, рационализация, вытеснение, проекция, замещение.

Определяя зависимость проявления тех или иных механизмов защиты от этапа возрастного развития личности, особенностей конкретных когнитивных процессов и применяя гипотетическую шкалу примитивности-зрелости отдельных защитных механизмов, Р. Плутчик выстроил их последовательность, которая, в порядке возрастания зрелости, выглядит так. В числе первых возникают механизмы, связанные с перцептивными процессами. Именно

процессы ощущения, восприятия и внимания несут ответственность за механизмы защиты, связанные с невидением, блокированием, непониманием поступающей информации (перцептивные механизмы защиты). К этой группе относятся отрицание, регрессия, а также их аналоги. Они выступают как наиболее примитивные и характеризуют «злоупотребляющую» ими личность как эмоционально и личностно менее зрелую. Затем возникают механизмы защиты, связанные с процессами памяти, а именно с забыванием информации (вытеснение и подавление). Самыми последними, по мере развития процессов мышления и воображения, формируются наиболее сложные и зрелые виды защит, связанные с переработкой и переоценкой информации (механизмы рационализации) [7].

Чтобы понять, как именно работают механизмы психологической защиты в борьбе со стрессовыми ситуациями, следует рассмотреть, что представляет собой травматический стресс и посттравматическое стрессовое расстройство.

Под стрессом понимают неспецифический ответ организма на предъявляемые ему внешние или внутренние требования [5]. В качестве основного условия возникновения стресса многие авторы указывают наличие угрозы.

Стресс становится травматическим, когда результатом воздействия стрессора является нарушение в психической сфере по аналогии с физическими нарушениями [6]. В качестве стрессора в таких случаях выступают травматические события – экстремальные кризисные ситуации, обладающие мощным негативным последствием, ситуации угрозы жизни для самого субъекта или значимых близких. По мнению Ю.А. Александровского, Я. Агреля и Л. Люнгберга [14], каждый человек обладает определенным адаптационным потенциалом или психологическим ресурсом, позволяющим преодолевать стресс-факторы определенной интенсивности. Если сила или продолжительность неблагоприятных внешних воздействий превышает индивидуальные приспособительные возможности человека, происходит «слом адаптационного барьера» и его психическое травмирование. В этом случае говорят, что человек получил психическую травму. Под травмой в данном случае понимается переживание, потрясение, которое у большинства людей вызывает страх, ужас, беспомощность. Негативные последствия психотравмы, интегрируясь в целостный симптом, образуют клиническую картину посттравматического стрессового расстройства и характеризуются следующими симптомами: сверхбдительностью, преувеличенным реагированием, притупленностью эмоций, агрессивностью, нарушением памяти и концентрации внимания, депрессией, общей тревожностью, приступами ярости, злоупотреблением наркотическими и лекарственными веществами, непрошенными воспоминаниями, галлюцинаторными переживаниями, проблемами со сном (трудностями засыпания и прерывистостью сна), мыслями о самоубийстве, «виной выжившего».

Психологическую реакцию на травму можно разделить на три фазы.

Первая фаза – фаза психологического шока – содержит два основных компонента:

1.Угнетение активности, нарушение ориентировки в окружающей среде, дезорганизация деятельности.

2.Отрицание происшедшего (своеобразная охранительная реакция психики).

В норме эта фаза достаточно кратковременна.

Вторая фаза – воздействие – характеризуется выраженными эмоциональными реакциями на событие и его последствия. Это могут быть сильный страх, ужас, тревога, гнев, плач, обвинение – эмоции, отличающиеся непосредственностью проявления и крайней интенсивностью. Рассматриваемая фаза является критической в том отношении, что после нее начинается либо процесс выздоровления (отреагирование, принятие реальности, адаптация к вновь возникшим обстоятельствам), то есть третья фаза нормального реагирования, либо происходит фиксация на травме и последующий переход постстрессового состояния в хроническую форму.

Успешность же адаптации, возникающей при переходе от второй фазы к третьей, по мнению Ф.Б. Березина, зависит от механизмов противостояния тревоге, возникающей на второй фазе. Отмечается, что данными механизмами и являются разнообразные формы психологической защиты и компенсации [2]. Это подтверждает и тем, что критерием эффективности защитных механизмов непосредственно является устранение тревоги и избавление от страха. Поэтому адаптация к стрессовой ситуации происходит через формирование механизмов защиты и стратегии поведения существования в новой ситуации. Механизмы защиты способствуют ослаблению психического напряжения, вызванного стрессом, в том числе и травматическим. Полное отсутствие механизмов защиты делает психику неспособной противостоять стрессовой ситуации, а их избыточное включение делает ее негибкой, не позволяет объективно осознавать и адекватно реагировать на ситуацию.

Таким образом, защита начинает функционировать, когда организм на подсознательном уровне воспринимает внешнее или внутреннее воздействие как угрожающее. В ответ на предполагаемую угрозу формируется перцептивная защита, которая анализирует значимость поступающей информации и либо допускает ее до сознания и последующей когнитивно-эмоциональной обработки, либо игнорирует (механизм отрицания). При работе механизма защиты информация исчезает из поля внимания индивида. Если уровень опасности воспринимается менее значимо, то информация допускается в сознание с последующей обработкой. Во-первых, определяется объект, на который направлено разрушающее воздействие, нарушающее его целостность. Оценивается возможный ущерб в результате действия угрожающего фактора. На этом основании осуществляется выбор субъективно адекватного ответа на угрозу, который обеспечивается соответствующими механизмами защиты [10].

Стоит так же отметить, что в условиях постоянного стресса для осуществления успешной адаптации деформируется и сама психологическая защита. Эта деформация выражается в уменьшении общего количества используемых защит, уменьшения связей между ними и появления «диад защит». В наибольшей степени такая деформация просматривается у людей,

побывавших именно в «горячих точках». Так, исследования Л.Ю. Субботиной показали, что защитный личностный арсенал в группах военнослужащих, прошедших войну в Чечне, характеризуется узостью и стереотипностью и представлен 1-2 защитными механизмами (в большинстве случаев механизмами изоляции и отрицания) против 7-9 в норме. Это согласуется так же с мнением Т. Кокса, который рассматривал только три паллиативные формы разрешения стрессовых ситуаций (перемещение, отрицание и интеллектуализацию, как более сложную форму изоляции) [4].

На основе анализа научной литературы в данном исследовании сформулированы следующие гипотезы:

1) существует связь между особенностями психологических последствий травматического стресса у участников боевых действий и используемыми ими механизмами психологической защиты;

2) наиболее успешными психологическими защитами для преодоления влияния травматического стресса являются отрицание и интеллектуализация.

Для эмпирической проверки данных гипотез было проведено исследование, в котором приняли участие военнослужащие, с начала военного конфликта участвовавшие в боевых действиях и на данный момент находящиеся на службе. Количество испытуемых – 30 человек (мужчины в возрасте от 20 до 62 лет).

В качестве методик исследования были использованы: опросник травматического стресса И.О. Котенева для диагностики психологических последствий стрессового состояния и тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х.Р. Конте в адаптации Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенникова.

На основании анализа результатов проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Результаты по опроснику травматического стресса И.О. Котенева показали, что преобладающим психическим состоянием у участников боевых действий является сверхбдительность (73%). Преобладание подобного состояния говорит о том, что бойцы находятся в постоянном физическом и психическом напряжении. В меньшей степени представлены такие психические состояния, как преувеличенное реагирование (30%), «вина выжившего» (23%) и агрессивность (23%), нарушение памяти и концентрации внимания (17%), злоупотребление наркотическими и лекарственными веществами (17%), а так же непрошенные воспоминания и галлюцинации (10%). Практически не встречаются у военнослужащих такие симптомы посттравматического стрессового расстройства, как притупленность эмоций, проблемы со сном. О положительном настрое бойцов свидетельствует высокие показатели оптимистичности (80% опрошенных). Стоит так же отметить, что 17% бойцов имели более двух симптомов посттравматического стресса.

2. Результаты исследования с помощью тест-опросника механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х.Р. Конте в адаптации Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенникова, показали, что бойцы чаще в качестве защиты применяют интеллектуализцию

(62%), то есть бессознательно пытаются абстрагироваться от своих чувств, переводят свои эмоции на абстрактный, интеллектуальный уровень, рассуждая о них как о неких теоретических понятиях, имеющих к ним некоторое отношение. Полноценное переживание при этом у них отсутствует. Об этом свидетельствуют и низкий процент наличия у них таких симптомов, как агрессивность, общая тревожность, отсутствие приступов ярости, а так же небольшой процент показателя притупленности эмоций. Констатируется свойственное интеллектуализации признание проявления некоторых эмоций в отличие от изоляции, при которой человек обычно считает, что не испытывает изолированных им чувств.

Так же часто задействуется отрицание (47%) – стремление отрицать некоторые, вызывающие тревогу, обстоятельства, а именно ту информацию, которая угрожает их самосохранению. Наименее используемым механизмом психологической защиты является замещение. Практически не используются в условиях реального внешнего конфликта регрессия и компенсация.

Процентное распределение наиболее характерных актуализируемых механизмов психологических защит у участников боевых действий представлено на рисунке 1.

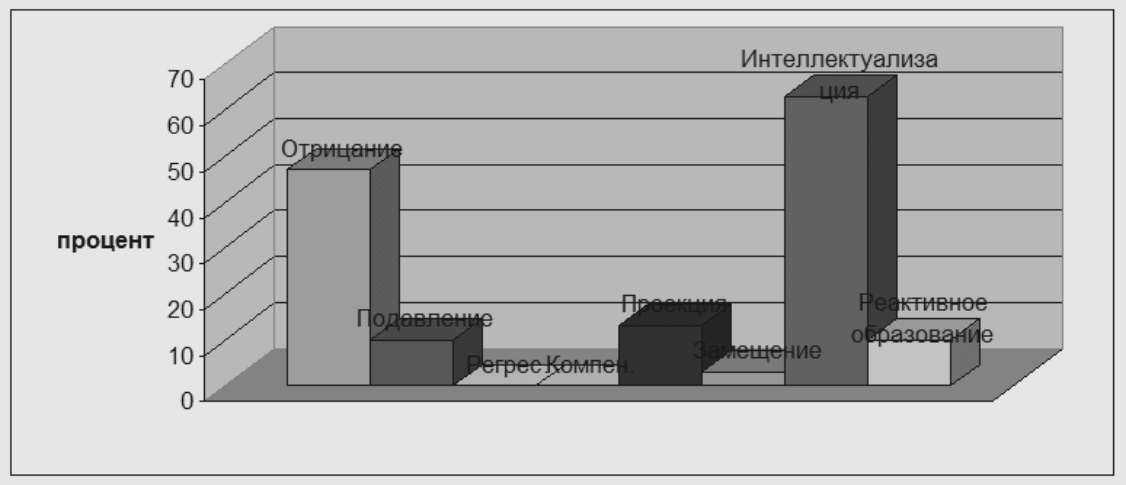

Рис.1 Процентное распределение наиболее характерных актуализируемых механизмов психологических защит у участников боевых действий

Анализируя количество используемых механизмов защит можно сказать, что из всех опрошенных у 43% испытуемых в ситуациях внешнего конфликта применяется один вид психологической защиты, 27% используют так называемые «диады» защит, из которых отрицание и интеллектуализация составляют 75%. Также 17% испытуемых используют три вида психологической защиты и у 13% не проявляется ведущий механизм психологической защиты.

Что касается общей напряженности всех механизмов защиты у участников боевых действий, то у 20% (6 чел.) фиксируются повышенные значения данного показателя, что говорит о наличии у них реально существующих, но неразрешенных внешних и внутренних конфликтов. Стоит

отметить, что из этих двадцати процентов – 67% используют три механизма психологические защиты, 17% используют диады защит, в которые входят проекция и интеллектуализация, а так же 17% используют одну психологическую защиту – проекцию.

Следует обратить внимание на механизмы психологической защиты, которые применяются бойцами, имеющими более двух симптомов посттравматического стресса (17% опрошенных): это интеллектуализация (20%), проекция (20%), реактивное образование (20%), а также диады проекция и интеллектуализация (20%), отрицание и подавление (20%)

3. Данные, полученные в ходе корреляционного исследования, подтвердили выдвигаемую гипотезу о связи механизмов психологической защиты и симптомов посттравматического стресса (все полученные связи значимы на 5% уровне). Прямые корреляционные связи были выявлены между показателями подавления и преувеличенного реагирования, показателями замещения и преувеличенного реагирования, между показателями интеллектуализации и сверхбдительности. Обратные корреляционные связи были установлены между показателями отрицания и притупленности эмоций, отрицания и общей тревожности, между показателями интеллектуализации и притупленности эмоций, интеллектуализации и проблемами со сном. Из этого следует, что такие механизмы психологической защиты, как отрицание и интеллектуализация (в «диаде») способствуют снижению проявлений некоторых симптомов посттравматического стресса, таких как притупленность эмоций, общая тревожность, проблемы со сном. И, наоборот, такие механизмы защиты, как подавление и замещение, не являются успешными, а усиливают проявление симптомов ПТСР.

Что касается связи интеллектуализации и сверхбдительности, то, по мнению Б. Колодзина, физическое напряжение, которое возникает при сверхбдительности, на самом деле может защищать сознание, и нельзя отключать данный механизм психологической защиты, пока не уменьшилась интенсивность переживаний. Когда же это произойдет, физическое напряжение уйдет само. Поэтому даже в этом случае, можно говорить о пользе данной защиты.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно заключить, что механизмы психологической защиты действительно могут являться одними из тех факторов, которые препятствуют развитию посттравматического стрессового расстройства. Они способствуют ослаблению психического напряжения, вызванного стрессом, в том числе и травматическим. Вместе с тем, стоит подчеркнуть тот факт, что не все механизмы психологических защит, являются успешными в ситуации боевых действий. Выполненное исследование подтвердило, что наиболее эффективными в конкретной анализируемой ситуации являются механизмы интеллектуализации и отрицания. Показатель общей напряженности активизации всех видов защит указывает на то, что применение трех доминирующих механизмов защит в условиях реального внешнего конфликта не позволяет объективно осознавать и адекватно реагировать на ситуацию. Наиболее же успешным является

применение, так называемых «диад» (двух защит) и, исходя из результатов исследования, сочетание защит в «диадах» так же имеет принципиальное значение. Наибольшую эффективность в «диаде» для преодоления развития симптомов ПТСР обнаруживает сочетание интеллектуализации и отрицания.

Полученные результаты дают возможность разработать рекомендации для психологов, оказывающих психологическую поддержку военнослужащим, в отношении необходимости коррекции используемых военнослужащими механизмов психологических защит с целью преодоления травматического стресса.

Литература

1. Бассин Ф.В. Проблема психологической защиты / Ф. В. Бассин, М. К. Бурлакова, В.Н. Волков // Психологический журнал. — 1988. — №3 — С. 30–41.
2. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Феликс Борисович Березин — Л.: Наука, 1988 —270 с.
3. Военная психиатрия: учебник / Под ред. С.В.Литвинцева, В.К.Шамрея — СПб.: Воен.мед. акад., ЭЛБИ-СПб., 2001— 236 с.
4. Кокс Т. Стресс. / Т. Кокс; пер. с англ. Л.А. Милютина; под ред. Г.И. Косицкий. — М.: Медицина, 1981— 213 с.
5. Маклаков А.Г. Общая психология: учебник для вузов / Анатолий Геннадьевич Маклаков – СПб: Питер, 2008—583с.
6. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. / Ирина Германовна Малкина-Пых– М.: Изд-во Эксмо, 2005. –960 с.— (Справочник практического психолога)
7. Набиуллина Р.Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом: Учебное пособие / Р. Р. Набиуллина, И. В. Тухтарова – Казань: Казанская Государственная Медицинская Академия, 2003. — 99 с.
8. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии). / Альберт Агабекович Налчаджян — Ер.: Изд-во АН Арм ССР, 1988. —96 с.
9. Психогигиена и психопрофилактика / Под ред. В.К. Мягер — Л., 1983. — 256 с.
10. Психологическая защита в чрезвычайных ситуациях: Учебное пособие / Под ред. Л.А. Михайлова. — СПб.: Питер, 2009. — 256 с.
11. Психология: словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского— М.: «Политиздат», 1990. — 494 с.
12. Снедков Е. В. Боевая психическая травма: автореф. дис. д-ра мед. наук / Е.В.Снедков — СПб., 1997.
13. Съедин С. И. Психологические последствия воздействия боевой обстановки / С.И. Съедин , Р.А. Абдурахманов — М., 1992. —69 с.
14. Эмоциональный стресс / Под ред. Л.Леви — Л.: Медицина, 1970. —329с.

2.5 ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.А. Ярмыш, *кандидат психол. наук, доцент,*
Донецкий национальный университет

На современном этапе развития общества востребованным становится изучение психологического благополучия личности в экстремальных условиях

жизнедеятельности, что, прежде всего, обусловлено значительным увеличением числа экстремальных воздействий на человека.

Актуальность проблемы психологического благополучия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности определяется ее высокой значимостью для решения важнейших вопросов конструктивного развития и функционирования личности, с одной стороны, и недостаточностью теоретических и эмпирических исследований в данной научной области, с другой.

Объектом данного исследования стало психологическое благополучие личности.

Предметом исследованиястали структурные и содержательные особенности психологического благополучия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности.

Гипотезойисследования явилось предположение о том, что переживание психологического благополучия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности имеет ряд содержательных и структурных особенностей.

Теоретический анализ показал, что впсихологии с понятием «психологическое благополучие» соотносят целый ряд близких, но не тождественных по своему значению понятий, таких, как: «психическое здоровье», «норма», «нормальная личность», «позитивный стиль жизни», «эмоциональный комфорт», «высокое качество жизни», «внутренняя картина здоровья», «зрелая личность», «самоактуализирующаяся личность», «полноценно функционирующая личность» и др. (Ш.Бюлер, Дж.Бьюдженталь, А.Маслоу, Я.Морено, К.Роджерс, Э.Эриксон, В.Франкл, К.Юнг,Б.С.Братусь, А.В.Воронина, И.В.Дубровина, В.Е.Каган, П.П.Фесенко).

Необходимо подчеркнуть, что в современной психологической науке существует неоднозначность подходов к понятиям «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие» и их соотношениям. Одни исследователи субъективное благополучие рассматривают как составляющую психологического (Э.Динер, К.Рифф, А.Е.Созонтов и др.), другие, напротив, психологическое благополучие – как часть субъективного (Л.В.Куликов, М.В.Соколова, Р.М.Шамионов и др.). В отдельных работах данные понятия трактуются как синонимичные (Н.Брэдбурн, Е.Е.Бочарова,Е.Н.Панина и др.). В представленном исследовании психологическое благополучие понимается как понятие более общее по отношению к субъективному благополучию.

Как отмечают исследователи, в зарубежной и отечественной психологии существуют разные подходы и модели психологического благополучия. Так, в зарубежной психологии наибольшей популярностью среди исследователей пользуются эвдемонистический и гедонистический подходы (А.С.Ватерман, Э.Деси, Р.Райан), а также многомерная модель психологического благополучия К.Рифф. Базисом многомерной модели послужили основные теоретические концепции, ориентированные на исследование позитивного психологического функционирования личности. Данная модель включает шесть основных компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные

отношения с окружающими, автономию, управление окружающей средой (компетентность), наличие целей в жизни и личностный рост[10].

В отечественной психологии большое внимание уделяется интегративному подходу к психологическому благополучию, который представлен, в частности, многоуровневой моделью психологического благополучия, разработанной А.В.Ворониной [1].

Кроме того, исследователи уделяют значительное внимание взаимосвязям отдельных компонентов психологического благополучия, их зависимости от различных субъективных и объективных факторов. Так, в настоящее время активно исследуется связь смысложизненных ориентаций, осмысленности жизни, суверенности психологического пространства, толерантности, стратегий жизни, ценностных ориентаций и стратегий поведения с психологическим благополучием личности[4, 5, 6, 7, 8].

Характеризуя переживание человеком психологического благополучия, П. П. Фесенко отмечает, что предполагается сравнение его с нормой, идеалом, которые присутствуют в сознании самого переживающего человека. С этой точки зрения можно говорить об актуальном психологическом благополучии как об отражении переживания человеком своего отношения к жизни. При этом также необходимо ввести понятие «идеальное психологическое благополучие», которое отражает представление о том, как оценивает свое бытие человек, вполне удовлетворенный своей жизнью, то есть психологически благополучный [7].

В данном исследовании показано, что уровень психологического благополучия определяют различные субъективные и объективные факторы, в том числе характеристики окружающей среды, степень влияния которых определяется их значимостью для личности, рассматриваются основные особенности поведения человека в экстремальных условиях.

Под экстремальными условиями жизнедеятельности в исследовании понимается совокупность длительных негативных воздействий на личность, обусловленных особенностями, которые предъявляют повышенные требования к личности, к её адаптационным возможностям, создают объективные и психологические трудности, значимую угрозу важнейшим жизненным ценностям, смыслам, основаниям жизни, обязывают к полному напряжению сил, максимальной включенности личности, актуализации наиболее значимых компонентов психической деятельности, наилучшему использованию личностных возможностей для достижения успеха и обеспечения безопасности (Ю.А.Александровский, Л.И.Анцыферова, Л.Р.Правдина, А.Г.Погорелова, А.М.Столяренко).

При этом психологи в своих исследованиях отмечают как негативное влияние экстремальных условий на благополучие личности, так и их особую роль в мобилизации личностных ресурсов, необходимых для психологического благополучия и личностного роста (А.Маслоу, Г.Олпорт, К. Ясперс, А.Г.Асмолов, Д.А.Леонтьев, А.В.Петровский, В.В.Столин, В.Э. Чудновский). Поэтому, наряду с изучением характеристик личности, изменяющихся под воздействием экстремальных условий, сегодня активно исследуются

личностные характеристики, обеспечивающие оптимальное совладающее поведение и выступающие в качестве ресурсов для полноценной жизнедеятельности в экстремальных условиях [9].

Исходя из вышеизложенного, в результате исследования были определены содержательные особенности психологического благополучия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. Полученные данные позволили описать среднестатистическую структуру «актуального психического благополучия», характерную для представителей нашей выборки, составить обобщающий портрет, описанный с точки зрения теории психологического благополучия К. Рифф, а именно: преобладание позитивных эмоций и наличие повышенной тревожности во всех сферах жизнедеятельности; высокая осмысленность жизни и осознание наличия целей, удовлетворенность самореализацией, ощущение личностного роста, внутренняя поддержка своих ценностей и убеждений, рефлексия своих чувств и желаний и меньшая творческая направленность, то есть нежелание преобразовывать окружающий мир; восприятие себя как сильной личности, более высокие показатели спонтанности, самоуважения, внутреннего контроля, более низкие показатели самооценки, принятия себя; ощущение контроля над своей собственной жизнью, более низкая потребность в познании окружающего мира, отношение к другим и ожидаемое отношение от других, менее позитивно направленные.

Независимость от социальных оценок, выявленная в ходе исследования у лиц, проживающих в экстремальных условиях, может способствовать устойчивости самооценки, сохранению ее на позитивном уровне. В целом, результаты исследования позволяют заключить, что оценка окружающих не является решающей при формировании самооценки личности в экстремальных условиях жизнедеятельности.

Установлено, что под воздействием длительного психоэмоционального напряжения изменениям (в сторону спада или подъема) подвергаются все составляющие психологического благополучия, кроме автономии. В обеих группах показатели по шкале «Автономия» находятся на высоком уровне. Это говорит о том, что под давлением экстремальной ситуации у молодежи формируется отстраненность, которая воспринимается ими как противостояние социальному давлению. Они мыслят и ведут себя независимо, оценивают себя и свои поступки, исходя из личных стандартов. Повышение показателей по шкале «Автономия» в сочетании с фрустрированностью, напряженностью, наличием беспокойства, выявленных по другим шкалам в группе лиц с низким уровнем психологического благополучия, представляют собой результат повышенной мотивации, которая проявляется при неудовлетворении стремлений. С нашей точки зрения, это обусловлено специфичностью условий, в которых протекает жизнь молодых людей.

Различия в выраженности компонентов психологического благополучия проявляются в том, что у лиц с высоким уровнем общего показателя психологического благополучия в большей степени отмечаются независимость в суждениях и поведении, склонность считать свой образ мыслей законом для

себя и окружающих, ориентированность на свой внутренний мир, что дает возможность выдержать воздействие экстремальной ситуации. Невзирая на сложную социально-политическую обстановку, у молодых людей выражена готовность иметь дело с незнакомыми обстоятельствами и людьми, остается стремление развиваться, учиться и воспринимать новое. Немаловажное значение для данной категории лиц имеет реализация собственного потенциала. Они способны улавливать или создавать условия и обстоятельства для удовлетворения личных потребностей и достижения целей, контролируют свою внешнюю деятельность.

Лица с низким уровнем общего показателя психологического благополучия проявили отсутствие жизненных целей и видимых жизненных перспектив. Они лишены смысла жизни; имеют мало намерений; у них отсутствует чувство направленности, они не находят цели в своей прошлой жизни; не имеют перспектив и убеждений, определяющих смысл жизни; испытывают сложности в организации повседневной деятельности, чувствуют себя неспособными изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства, лишены чувства контроля над происходящим вокруг. Все это влияет на адаптацию испытуемых, трудности в установлении доверительных отношений и, отсюда, нежелание открываться, идти на компромиссы для поддержания важных связей; в межличностных отношениях, как правило, изолированы и фрустрированы.

Таким образом, молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции. Особенности молодежи определяются ее промежуточным социальным положением, психологическими характеристиками данного возрастного периода, типом общественного устройства, культурой и свойственными данному обществу закономерностями социализации, несовпадением различных видов зрелости – физической, умственной, сексуальной, гражданской и трудовой. В молодом возрасте базовые компоненты личности являются сформированными: молодой человек ориентируется на достижение успеха, личностный рост, а также самоактуализацию.Психологическое благополучие является маркером развития здоровой личности. Структура психологического благополучия может приобретать ряд особенностей в зависимости от условий проживания молодого человека. Существующие экстремальные условия жизнедеятельности оказывают влияние на состояние психологического благополучия, что чревато сбоями в процессах формирования личности, ее реализации и адаптации. Экстремальность среды неизбежно приводит к качественным изменениям составляющих психологического благополучия личности. При этом экстремальность среды жизнедеятельности может выступать не только угнетающим фактором, но и ресурсом развития, когда развитие личности происходит не только «вопреки», но и «благодаря» условиям жизнедеятельности, через преодоление факторов среды, субъективном обесценивании роли среды для развития личности, преимущественной

ориентации на внутренние ресурсы, компенсирующей недостаток внешних ресурсов для удовлетворения потребностей личности, через непринятие средыкак потенциально депривирующей потребности личности. В этом случае способы взаимодействия личности со средой в основном идентичны способам взаимодействия в объективно менее экстремальных условиях жизнедеятельности, в которых личность для своего развития обращается как к внутренним, так и к внешним ресурсам.

Литература

1. Воронина А. В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы. Автореф. дис. канд. психол. наук. – Томск – Иркутск, 2002. – 24с.
2. Куликов Л.В. Дмитриева М.С., Долина М.Ю., Иванов О.В., Розанова М.А., Тимошенко Т.Г. Факторы психологического благополучия личности //Теоретические и прикладные вопросы психологии: Матер. Юбилейной конф. “Ананьевские чтения – 97”. Вып.3. Ч.1. Изд-во СПбГУ – СПб., 1997. – С.342-350.
3. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.– М.: Смысл, 2003. – 487с.
5. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. –2003. – №6. – С.37-48.
6. Созонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к психологическому благополучию // Вопросы психологии. – 2006. – №4. – С.105 - 114.
7. Фесенко П. П. Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций. // Научные труды аспирантов и докторантов. 2005*9 (46) / Факультет научно - педагогических кадров Московского гуманитарного университета; Ред. совет: Е.Д.Катульский и др.; сост., научн. ред. В.К. Криворученко. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. - Вып. 46. – С. 35-48.
8. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. – Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 2004. –180с.
9. Ширяева О.С. Модели психологического благополучия личности в разных по степени экстремальности условиях жизнедеятельности //Психология личности: проблемы и перспективы современных исследований. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им.Витуса Беринга. – 2008. – С.3-21.
10. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life. Current Directions in Psychological Science, 1995. 4, – p. 99-104.

РАЗДЕЛ 3.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА: ОПОСРЕДСТВУЮЩЕЕ ЗВЕНО ВЛИЯНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ И СИТУАЦИОННОЙ ДЕТЕРМИНАНТ ПОВЕДЕНИЯ

3.1 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК И СТЕРЕОТИПОВ

Н.П. Андрюшкова, *аспирант специальности «Психология»,*
Донецкий национальный университет
Научный руководитель: ***М.И. Яновский,*** *канд.психол.наук,доцент*

Социальные установки и социальные стереотипы входят в состав нашего мировоззрения, наших убеждений, являются значимыми образованиями сознания и поведения людей, в которых продуцируется привычный образ их отношения к той или иной жизненной ситуации. Стереотипы и установки во многом предопределяют собственные представления о мире, не таким, каким мир является на самом деле, а таким как представляет его группа людей или общество в целом. В основе ценностей и убеждений достаточно часто лежат стереотипы и установки, подтвержденные или не подтвержденные собственным опытом, но сформированные благодаря общественному мнению.

Особенно актуальным становится вопрос формирования и функционирования новых социальных стереотипов и установок в новой социальной среде, возникновение которых связано с развитием новейших компьютерных технологий и появлением сети Интернет, что вносит значительные изменения в отношении роли стереотипов и установок в современном обществе.

Практически нет людей, которые не пользуются социальными стереотипами и установками, однако многие попросту над этим не задумываются, а некоторые вообще отрицают у себя их наличие.

Проблема исследования заключается в том, что люди имеют предубеждения относительно социальных стереотипов и установок как о явлениях исключительно негативных, а не объективных, как это есть на самом деле. Осознание каждой личностью того, что она имеет социальные стереотипы и установки, которые в свою очередь могут быть либо конструктивными, либо деструктивными, является важным шагом для решения многих проблем.

С повышением интереса в последние годы к данным феноменам количество работ постепенно растет, однако из-за того, что понятие социального стереотипа и социальной установки являются достаточно сложным и чрезвычайно многогранным, то чаще всего каждый из ученых исследует какой либо конкретный аспект установки и стереотипа.

Анализ последних исследований и публикаций показал, что ученых в

большей степени беспокоят вопросы гендерного (Т.Б. Рябова, Э. Карепова, Е. П. Ильин), этнического (Т.Г. Стефаненко и др.), психологического (Т.Е. Васильева, И.С. Кон, В.С. Агеев), политического (П.С. Гуревич), общенаучного (Л.А. Боровская, В.В. Ковалев, Ю.А. Сорокин), социально-философского (Н.П. Суходольская, А.А. Иванова, С.А. Мурадян) характера, а также влияние СМИ, телевидения и т. п. на формирование социального стереотипа (Г.В. Бутырина, Н.А. Акопян) и социальной установки (Д.Н. Узнадзе, Ф.В. Бассин, В.А Ядов, Д.А. Чарквиани, Г. Олпорт и др.)

Социальная установка – понятие, применяемое в социологии и социальной психологии для определения устойчивой предрасположенности, готовности человека или группы людей к действию ориентированному на социально-значимый объект. Этот термин впервые был использован В. Томасом и Ф. Знанецким. Под социальной установкой они понимали психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта, состояние сознания индивида относительно некоторых ценностей.

Решающий вклад в изучение природы социальной установки внес Г. Олпорт, анализировавший ее с позиций взаимодействия личности и социальной среды, тогда как в рамках грузинской психологической школы установка (set) изучалась как психофизиологический феномен [6].

В своих работах Г. Олпорт рассматривает социальную установку, как состояние психофизиологической готовности, базирующееся на опыте. Данное состояние включает динамическое и направляющее внимание на поведение индивида, протекающее в отношении предметов и явлений, которые непосредственно связаны с объектом социальной установки.

Основываясь на работах Г. Олпорта, У. Мак-Гайр выделяет следующие признаки социальной установки:

1. Социальная установка, является переменной, наблюдаемой не непосредственно.

2. Являясь промежуточным звеном в связке раздражитель-реакция, социальная установка носит промежуточный характер.

3. Основным компонентом социальной установки является опыт, таким образом процесс формирования затрагивает жизненный цикл индивида. Не являясь врожденным свойством личности, она формируется в процессе активного взаимодействия индивида с окружающей социальной средой.

4. Социальная установка, может включать в себя мотивационный компонент, так как оказывает динамическое и направляющее воздействие на поведение индивида. [6]

Многочисленные исследования по проблематике, рассматривают лишь отдельные признаки социальной установки, наибольшее количество исследований посвящено рассмотрению аффективного компонента.

Л. Терстоун обозначает социальную установку как аффект, носящий положительный либо отрицательный характер, по отношению к психологическому объекту. [4]

Детальнее рассматривает социальную установку Ф. Хайдер, согласно его

концепции, установка является положительным или отрицательным отношением одного индивида к другому или к определенному явлению. [6]

Под социальным стереотипом можно понимать убеждения и представления человека, которые сформированы конкретным социумом в конкретный исторический период. Представление об одном и том же объекте или явлении может отличаться у разных людей или групп людей в зависимости от многих факторов, например, таких как: конкретные политические, экономические условия, высокий или низкий уровень культуры, образование, методы воспитания, семейные традиции, геополитическое положение и т.п.

Это понятие было предложено В. Липманном. Он отмечал, что устойчивый стереотип столь последовательно и авторитетно передается из поколения в поколение, что кажется присущим физиологии индивида [5].

Однако, некоторые ученые, а именно И. П. Павлов ввел в научный оборот понятие динамического стереотипа [7], который действительно определяется физиологией человеческого организма.

Кроме того понятие социального стереотипа тесно связано с культурой. По этому поводу У. Липманн писал: «В огромном шумном разнообразии внешнего мира мы вычленяем то, что уже было определено нашей культурой. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры» [5]. То есть можно сделать вывод, что социальные стереотипы формируются в зависимости от культуры и благодаря ей.

Если стереотипы сформированы на основе культурных достижений, всего самого лучшего, что может дать человечество, то и их роль в общественной жизни будет определена теми ценностями, которые лежат в их основе и присущи конкретному обществу или эпохе.

Интересную интерпретацию социального стереотипу дает Кара-Мурза, определяя социальный стереотип как устойчивую совокупность представлений, складывающихся в сознании, как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации. Сквозь призму стереотипов воспринимаются реальные предметы, отношения, события, действующие лица. Стереотипы – неотъемлемые компоненты индивидуального и массового сознания [3].

Социальные стереотипы могут доходить до человеческого сознания не только с помощью распространения информации СМИ, но и посредством собственного опыта, то есть в результате конкретных ситуаций и обстоятельств.

Также следует заметить, что есть как минимум два вида стереотипов:

-первые сформированны стихийно, то есть независимо от желания людей, они отражают социальную действительность в конкретный исторический период. Специфическим для них является способность устаревать и терять свою актуальность, то есть продолжать существовать в виде архаизмов.

-вторые, наоборот, сфабрикованы, то есть ничего общего с действительностью не имеют, они созданы для того, чтобы изменить действительность и чаще всего имеют целью манипулирования массовым сознанием. Субъектами последних выступают, как правило, СМИ, однако они также являются зависимыми от бизнес структур и политики.

Современные научные исследования выделяют различные виды социальных стереотипов, среди которых наиболее изучаемыми являются гендерные и этнические, так как они несут в себе много социальных угроз и могут провоцировать конфликтные ситуации. Деструктивный характер, которых в представлениях многих людей отождествляется со всеми социальными стереотипами. Однако не следует забывать, что стереотипы сами по себе не формируются (особым исключением является только умышленно сфабрикованные социальные стереотипы), они тесно связаны с социальной действительностью и в основном отражают ее, то есть если такой социальный стереотип возник, то этому предшествовали объективные исторические условия. И хотя социальные стереотипы иногда слишком упрощают действительность, они все равно имеют обобщающий характер, который действительно не учитывает все тонкости и исключения определенного явления или феномена.

Стереотипы усваиваются личностью, как правило, без их осознания, некоторые еще в детстве, а некоторые через СМИ или при коммуникациях с другими людьми, при отсутствии исчерпывающей информации или в условиях ограниченной информации относительно объекта. Стереотипы играют важную роль также в процессе социализации и воспитании. Стереотипы усваиваются в процессе социализации благодаря нормам, традициям и т.п. В процессе становления личность «обрастает» определенным набором стереотипов, что в дальнейшей составляет ее мировоззрение.

Итак, социальный стереотип и социальная установка как феномены сами по себе ни отрицательные, ни положительные, они объективно существует, так как это определено человеческой физиологией, спецификой социума и конкретными историческими условиями. И когда данные феномены сформированы стихийно, под влиянием какой-то традиций, культуры, которые несут в себе моральные и другие ценности, то они выступают просто отражением той реальности, когда они сформировались и если они еще актуальны, то выполняют больше конструктивных, чем деструктивных функций. Однако, если они устаревают, то они вступают в конфликт или с новыми стереотипами и установками, или с объективной реальностью.

Совсем по-другому обстоят дела, когда речь идет о целенаправленных, или сфабрикованных стереотипах и установках, когда с помощью масс-медиа искажается реальная картина мира с помощью комбинации, искажения, умалчивания или, наоборот, акцентирования, аудитории подается информация определенного контекста. Одно и то же сообщение подается уже с конкретной интерпретацией, не исключая использование манипуляционных технологий. Речь идет о том, что человека практически лишают критического осмысления реальности.

Таким образом, крайне важным является дальнейшее изучение и разработка проблематики социальных стереотипов и установок, что может повысить противодействие влиянию СМИ, а также формирование у индивида адекватной картины мира с осознанием своих конструктивных и деструктивных стереотипов и установок.

Литература

1. Бассин Ф.В. Проблема «бессознательного». - М.: Наука, 1968. -468 с.
2. Бушуев А. М., Слепцов Н. С. Диалектика творческой деятельности и развития человека / А. М. Бушуєв, Н. С. Слепцов. – М.: Просвещение, 1989. – 198 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Електронний ресурс] / С. Г. Кара-Мурза. – Режим доступу: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm
4. Левкович В.П., Панкова Н.Т. Социально-психологический подход к структуре этнического сознания // Психологический журнал. 1983. -Т.4, -№ 4. –С.64-74.
5. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
6. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. - Тбилиси: Изд-во Мецниереба, 1987. - 361 с.
7. Павлов И. П. Полное собрание сочинений / И. П. Павлов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 3. – Кн. 2. – С. 240.
8. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество / Д. Тапскотт. – М.: Рефл-бук, 1999. – 432 с.
9. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. - Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. - 210 с.
10. Узнадзе Д.Г. Психологические исследования. - М.: Наука, 1966. - 451 с.
11. Чарквиани Д.А. Мотивационные и структурные характеристики социальных установок. Автореф. дисс.д-ра психол. наук // АН ГССР, Ин-т психологии им. Д.Н.Узнадзе. - Тбилиси, 1989. - 49 с.
12. Шибутани Т. Социальная психология. Сокр. пер. с англ. -М.: Прогресс, 1969. - 535 с.
13. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. - М., 1975. -С.89-105.
14. Doob L. The behavior of attitudes.-Psychol. Rev. 1947. vol. 54. -P. 135-156.
15. Tagiuri R. Person perception.- In: Lindzey G. Aronson E.(end). The Handbook of social psychology.V.3.- N-Y., 1968.
16. Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups - In: Turner J.C., Giles H. (eds.) // Intergroup behaviour. - Oxford: Basil Blackwell, 1981. - P. 144-167.

3.2 ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Гордеева, *канд. психол. наук, доцент,*
Донецкий национальный университет

Постановка проблемы. Присутствие в нашей жизни уже не только персонального компьютера, но и целой глобальной компьютерной сети Интернет, ставит перед психологией все новые и новые вопросы. Какое влияние на развитие личности оказывает Интернет-среда? Каковы психологические последствия информатизации? Как меняется традиционная деятельность под влиянием информатизированной и наоборот? Что изменилось в личности постоянного пользователя Интернета? Каковы особенности общения посредством Интернета?

Признавая вслед за Л.С. Выготским ключевую роль общения в развитии опосредствованных психических процессов, О.К. Тихомиров, А.Е. Войскунский и другие исследователи уделяют большое внимание преобразованию общения в условиях использования информационных технологий [7, 8]. Наиболее устоявшимися и традиционными являются проблемные области, известные как CMC, или «опосредствованное компьютером общение» (computer-mediated communication), и как CSCW, или «совместная работа при поддержке компьютера» (computer supported collaborative work). В рамках относительно давно развивающейся проблематики CMC проведено психологических исследований достаточно много; в рамках CSCW психологические исследования ведутся менее широким фронтом (наряду с этнографией и эргономикой лишь отчасти представлены работы по социальной психологии). В сфере так называемой communication research, или media research, что иногда переводится как «коммуникативистика» [13], изучается специфика применения людьми разнообразных коммуникативных каналов, в том числе Интернета. Традиционно многочисленные исследования проводятся в рамках известного направления HCI или человеко-машинного взаимодействия (human-computer interaction). Ежегодно проводятся всемирные научные конференции по этой проблеме.

Актуальными в настоящее время являются исследования деятельности человека в Интернет-среде [1, 4, 9, 10, 12, 18, 24]. Интернет-среда или «киберпространство» является частью информационной среды – ноосферы. Она играет все более значительную роль в профессиональной деятельности и в повседневной жизни современного человека. В «киберпространстве» осуществляется целый конгломерат человеческих деятельностей, основу которых составляют познавательная, игровая и коммуникативная деятельности. Интернет – это не только набор технических решений, но и сообщество связанных компьютерами людей, активно действующих в новой среде. Данное сообщество должно изучаться как единое целое, как справедливо замечал К. Левин, «психологии потребовалось сделать много шагов, прежде чем она обнаружила, что динамическое целое обладает свойствами, которые отличают его от свойств его частей или от суммы его частей» [16]. Понимая Интернет как сообщество людей, пользователей сети, достаточно аргументированным является заявленный в науке термин «психология Интернета» [23]. Исследовательская деятельность в данной области носит не только междисциплинарный, но и комплексный характер, не привязанный к конкретному разделу психологии. Психология Интернета изучается с позиций психологии сознания, этнической, когнитивной, социальной, возрастной, педагогической психологии, психологии личности, гендерной психологии, психологии труда и др. Теоретической базой исследования Интернета является теория развития высших психических функций Л.С. Выготского, развитая О.К. Тихомировым.

Развивая идеи деятельностного подхода, О.К.Тихомировым была разработана и экспериментально верифицирована концепция преобразования деятельности в условиях использования информационных технологий [20].

Данная концепция развивалась как принципиально отличная от популярных в 50-70-х годах представлений о симбиозе человека и компьютера, о дополнении или замещении человека компьютером [21]. О.К.Тихомиров обосновал необходимость дальнейшего развития теории высших психических функций Л.С. Выготского в условиях информатизации общества. Положение Л.С. Выготского о строении высших психических функций, характеризующихся употреблением языковых средств, было дополнено необходимостью дифференцировать два вида высших психических функций. В первом случае функции характеризуются употреблением лишь знаков, во втором – дополнительно включаются технологии работы с ними. В определенном смысле, можно считать, что, исследуя язык и мнемотехнические знаки, сравнивая доречевые и речевые средства, выделяя своеобразие письменной речи по сравнению с устной, Л.С. Выготский [11] в рамках генетического изучения высших психических функций анализировал относительно простые формы «информационных технологий». Следует отметить, что современные исследователи говорят не только об опосредствовании, но и переопосредствовании под влиянием измененных способов осуществления деятельности [15, 23]. В этой связи О.К. Тихомиров отмечает, что «информационная технология – это внешнее, но психологическое орудие в том смысле, что оно влияет на внутренние психические процессы (память, мышление, воображение, речь и др.) Эти изменения более значительны, чем изменения, вызванные употреблением знака» [22].

Таким образом, ведущим теоретико-методологическим направлением в психологии компьютеризации является концепция преобразования деятельности в условиях информационных технологий, разработанная О.К.Тихомировым. Опосредствованная информационными технологиями деятельность изменяется в содержательном и структурном аспектах по сравнению с традиционной. Происходит преобразование деятельности в целом, ее целевой структуры, действий и операций, эмоциональной и смысловой регуляции, потребностно-мотивационной сферы, индивидуально-личностной детерминации, стилевых характеристик.

Общение – одна из самых фундаментальных психологических категорий, активно изучаемая как на философско-методологическом уровне [6, 17, 19], так и на социально-психологическом [8]. Представления о механизмах и воздействии общения на сознание человека, развитие его психических функций, мотивационной структуры раскрыты в работах Л.С. Выготского [11] и А.Н. Леонтьева [17]. Связь общения и деятельности констатируется, так или иначе, всеми исследователями. Б.Ф. Ломов характеризует их как две стороны социального бытия человека. А.Н. Леонтьев рассматривает деятельность как условие общения, подчеркивая, что посредством общения деятельность организуется и обогащается. В общении выделяют три стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную [3] или, по Б.Ф. Ломову, следующие три функции: информационно-коммуникативную, регуляционно-коммуникативную, аффективно-коммуникативную.

Теоретические аспекты проблемы преобразования общения, опосредствованного компьютером, достаточно глубоко рассмотрены А.Е. Войскунским [7, 8]. Он остановился на анализе процессов интенсификации человеческого общения, опосредствованного компьютером; исследовании мотивационной стороны этой деятельности (анализ процесса актуализации потребности в общении с компьютером и закономерностей формирования мотивов предпочтения с позиций структурно-динамических характеристик компонентов действий и их операционально-техническом составе).

В ситуации общения между людьми, опосредствованного информационными технологиями (в частности, Интернетом), отмечается возникновение новых «удаленных» типов человеческих общностей, не связанных контактными формами взаимодействия «лицом к лицу», и развитие в них ролевой структуры; преобразование потребностно-мотивационной стороны общения (например, развитие аффилиативных потребностей); возникновение новых форм речи; появление негативных феноменов – вызванного аутизма, хакерства, синдрома Интернет-зависимости, видоизменения феноменов аутизма; редукции (возвращение) и экзуции (отмирание) психических функций.

В психологическом плане использование информационных технологий имеет амбивалентные последствия: с одной стороны, ведет к развитию и преобразованию деятельности за счет появления новых навыков, операций и способов выполнения действий, новых целевых и мотивационно-содержательных структур, новых форм опосредствования и просто новых видов деятельности, с другой стороны, существуют и негативные последствия – технострессы, компьютерная тревожность, разные виды зависимости от компьютерных игр и Интернета, некоммуникабельность и аутизм и др. [5].

Интернет-среда – это особый элемент информационной среды, в рамках которого осуществляются специфические формы человеческого поведения, среда, которая оказывает влияние на развитие личности. Общение в Интернете – это общение без наличия живого человека, но с человеком, представленном в виде определенных символов и знаков, изображения и даже номера. Процесс общения людей, посредством Интернета, представляет собой сложный многоуровневый и многоплановый процесс [8].

В первых отечественных исследованиях, проведенных на материале локальных компьютерных систем, было показано, что внешние особенности этих коммуникаций (территориальная удаленность партнеров, несимультанность контакта, возможности групповой дискуссии, множество формальных правил и др.) часто маскируют внутренние, психологические особенности. Были описаны мотивы предпочтения компьютерного общения, среди которых: удобство этой формы общения для программистов и пользователей, необходимость обмена программными продуктами между отдаленными группами пользователей, возможность компенсации коммуникативных барьеров (например, застенчивости) и дефектов внешности, новизна и привлекательность применения компьютерных технологий и др. [2].

Исследование речевых характеристик компьютерно-сетевых коммуникаций показало, что эта форма общения сочетает в себе свойства диалога, полилога и монолога, устной и письменной речи.

В настоящее время среди пользователей Интернета становится все больше людей, использующих не только общение посредством электронной почты, сообщений, посылаемых через социальные сети, форумы или чаты, но и видео-общение, как правило, это скайп-общение. Можно предположить, что этот вид общения обладает некоторыми особенностями и спецификой. Целью данного исследования, выполненного в рамках выпускной работы студенткой ДонНУ Лагуновой Анны, явилось выявление особенностей видео-общения пользователей в Интернет-среде как нового способа опосредственного общения в Интернете.

Проблема общения в области психологии Интернета является наиболее часто обсуждаемой, изучаемой, спорной и интересной. Исследователи отмечают специфические условия взаимодействия, коммуникации, возможности самопрезентации и особенности восприятия человека человеком в ситуации удаленного общения, опосредованного мировой информационной сетью.

В информационном обществе виртуальное общение, служит не только основой для формирования мышления и языка человека, оперирования значимыми информационными потоками, но и предпочитаемой средой обитания индивида, в которой разворачивается его основная деятельность. Общение с помощью компьютерных сетей – принципиально новый пласт социальной реальности.

Согласно Д.В. Смирнову [14], стандартная (offline) коммуникационная модель включает в себя «источник-сообщение-получатель», и на ее основе можно классифицировать обычные средства связи между людьми.

Выделяют следующие модели общения в Интернете: асинхронная коммуникация по принципу один-к-одному (электронная почта); синхронная коммуникация, которая может быть построенной по принципу один-к-одному и один-ко-многим, организованная вокруг определенной темы, чата и программы обмена сообщениями (ICQ, скайп); асинхронная коммуникация, характеризующаяся тем, что получателю необходимо найти сайт для получения доступа к нужной информации, и которая может быть построена по принципу многие-к-одному, один-к-одному или один-к-многим (Web-сайты, форумы, блоги).

Изучение общения в Интернет-среде показало, что оно имеет свои специфические особенности, такие как: ограничение в чувственном опыте, затрудненность передачи и восприятия аффективного компонента общения, отсутствие паралингвистических, невербальных компонентов общения, неопределенность идентичности и анонимность, уравнивание в статусе, растяжимость временных и пространственных границ, доступ к многочисленным отношениям, добровольность и желательность контактов, долговременные записи событий.

Skype как новый способ общения в Интернете открывает такие возможности как видео-общение. Skype позволяет пользователям общаться не только с помощью голоса, но и более традиционным способом – с помощью текстовых сообщений. Голосовой чат позволяет разговаривать как с одним пользователем, так и устраивать конференц-связь.

На основе анализа моделей общения в Интернет-среде программу Skype можно отнести к синхронной коммуникации, построенной по принципу один-к-одному и один-ко-многим, т.к. Skype интегрирует в себе практически все возможные способы общения в Интернете.

Данное исследование было проведено на базе Донецкого национального и Донецкого национального технического университетов. В пилотажном исследовании приняли участие 45 человек, в основном – 60. В первую выборку вошли испытуемые, регулярно использующих видео-общение (30 человек), во вторую – испытуемые, пользующиеся обычным текстовым общением в сети (30 человек). Возраст испытуемых 18-19 лет, это юноши и девушки, являющиеся активными пользователями Интернета.

На основе теоретического анализа обобщенной концепции общения Г.М. Андреевой, основных параметров процесса общения А.А. Леонтьева, работ Е.П. Белинской, А.Е. Войскунского, А.Е. Жичкиной в области психологии Интернета, а также учета психологических особенностей Интернет-общения была разработана теоретическая модель видео-общения, которая также включает три компонента: коммуникативный, интерактивный и перцептивный, однако содержательная сторона была изменена следующим образом.

Коммуникативная сторона видео-общения связана с выявлением специфики информационного процесса между людьми как активными субъектами, то есть с учетом отношений между партнерами, установок, целей, намерений, что приводит не просто к движению информации, но и к уточнению и обогащению тех знаний, сведений, мнений, которыми обмениваются люди. Средствами коммуникативного процесса являются различные знаковые системы, прежде всего устная речь, а также оптико-кинетическая система знаков (жесты, мимика, пантомимика) – визуально-кинестетический контакт, пара- и экстралингвистическая системы (интонация, неречевые вкрапления в речь, например паузы) – эмоционально-чувственный контакт. Но при этом наблюдается растяжимость пространственно-временных границ.

Интерактивная сторона видео-общения представляет собой построение общей стратегии взаимодействия между общающимися индивидами в Интернет-среде, где можно выделить, прежде всего, кооперацию и конкуренцию.

Перцептивная сторона видео-общения включает в себя процесс формирования образа другого человека на основе визуального, вербального и невербального контакта в условиях виртуального пространства.

Главная особенность видео-общения – создание ощущения «живого» общения с собеседником. Это достигается при помощи визуального и голосового контакта, передачи эмоциональных состояний, мимики, жестов, т. е. в процессе общения задействованы зрительный, слуховой и тактильный

анализаторы. Чтобы общаться, собеседникам не нужно писать, главным инструментом общения, как и в реальной коммуникации, становится устная речь.

Исходя из теоретической модели видео-общения, в комплекс психодиагностических процедур вошли:

– Анкета на выявление психологических особенностей видео-общения, направленная на изучение коммуникативной стороны видео-общения. Анкета позволила выявить значимость визуально-кинестетического и эмоционально-чувственного контакта в условиях видео-общения, а также выявить мотивацию использования видео-общения.

– Опросники «Q-сортировка», межличностных отношений Шутца, «Установки отношения к Интернету», направленные на изучение интерактивной стороны видео-общения. *Опросник «Q-сортировка»* позволил определить шесть основных тенденций поведения человека в реальной жизни и в Интернет-среде: зависимость, независимость, общительность, необщительность, принятие «борьбы», избегание «борьбы». *Опросник межличностных отношений Шутца* позволил определить типичные способы отношения к людям в реальной жизни и в Интернет-среде: включение, контроль и аффект. Опросник «Установки отношения к Интернету» позволил определить основные установки отношения к Интернету: социальный комфорт, одиночество/депрессия, сниженный самоконтроль, отвлечение.

Обсуждение результатов исследования. Анализ сравнения ответов анкеты двух групп показал, что существуют различия между эмоционально-чувственными и пространственно-временными особенностями видео-общения и особенностями текстового общения в Интернет-среде. В частности, видео-общение опирается на визуально-кинестетический и эмоционально-чувственный контакт, которые делают данный вид опосредствованного общения «живым», привлекательным для пользователей. Кроме того, такой фактор как анонимность теряется, что способствует отражению правдивой информации о себе в Интернет-среде. В то же время существенно видоизменяется растяжимость временных и пространственных границ, так как создается иллюзия «живого», реального общения. Такая особенность как доступ к многочисленным отношения и возможность визуального контакта, существенно увеличивает число коммуникаций.

Рассмотрим результаты, полученные с помощью опросника «Установки отношения к Интернету», которые направлены на изучение интерактивной стороны общения. Сравнение результатов, выполненное с помощью *t*-критерия Стьюдента, не дало статистически значимых различий. Можно отметить, что у всех испытуемых больше всего выражены такие установки отношения к Интернету как отвлечение и сниженный самоконтроль, свидетельствующие об использовании Интернета как средства для избегания выполнения более важных и ответственных дел, а также о неспособности сократить время использования Интернета. У испытуемых, использующих видео-общение, эти установки выражены сильнее.

Анализ результатов интерактивной стороны общения в Интернете, полученных с помощью опросника межличностных отношений Шутца, на статистически значимом уровне выявил следующие особенности: испытуемые, использующие видео-общение, чувствуют себя комфортнее в Интернете и больше открыты для установления новых контактов, чем те испытуемые, которые не используют видео-общение.

Оказался интересным анализ сравнения способов межличностного отношения к людям в реальной жизни и в Интернет-среде (табл.1).

Таблица 1

Сравнение отношения испытуемых к людям
в реальной жизни и в Интернет-среде

Шкалы	Группа с видео-общением		Группа без видео-общения	
	t	p	t	p
Ie выраженное поведение в области "включения".	4,241	*0,0002*	4,602	*0,00008*
Iw требуемое поведение в области "включения".	3,313	*0,003*	1,089	0,286
Ce выраженное поведение в области "контроля".	1,242	0,225	3,220	*0,003*
Cw требуемое поведение" в области "контроля".	0,975	0,338	1,412	0,169
Ae выраженное поведение в области "аффекта".	1,907	*0,057*	2,009	*0,054*
Aw требуемое поведение в области "аффекта"	0,966	0,342	0,208	0,837

В реальной жизни испытуемые обеих групп относятся к людям более открыто и доверительно, чем в Интернете, стремятся установить с ними близкие эмоциональные отношения, завести новые знакомства, быть принятыми остальными членами общества. В Интернет-среде испытуемые, использующие видео-общение, относятся к людям довольно позитивно, в отличие от второй группы, где отношение нейтрально, они открыты для установления новых контактов. В тоже время представители обеих групп опасаются устанавливать доверительные отношения, поэтому имеют тенденцию общения с малым количеством людей.

Для определения основных тенденций поведения человека в реальной жизни и Интернет-среде был использован опросник «Q-сортировка». Сравнение показателей основных тенденций поведения в Интернете не выявил значимых различий в группах. Преобладающими тенденциями поведения в обеих группах оказались зависимость, общительность и избегание «борьбы». Большинство испытуемых склонны к принятию в Интернет-среде групповых стандартов и ценностей: социальных и морально-этических; общительны и стремятся устанавливать эмоциональные связи в Интернете; также стремятся сохранить

нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, склонны к компромиссным решениям.

Сравнение основных тенденций поведения в реальной жизни и в Интернете в каждой из исследуемых групп выявило одинаковые закономерности, не зависящие от способа общения в Интернете. А именно: в реальной жизни в обеих группах доминирует тенденция к общительности, стремление образовывать эмоциональные связи, как в своей группе, так и за ее пределами. Менее выражены тенденции к зависимому поведению, то есть к принятию групповых стандартов и ценностей, и избеганию «борьбы» как ухода от конфликтов, склонности к принятию компромиссного поведения. В Интернете обе группы также показывают одинаковые результаты, различия с поведением в реальной жизни прослеживается в тенденциях «общительность» и «необщительность». Тенденция общительного поведения в Интернете уже не является доминирующей, она выражена примерно на том же уровне как «зависимость» и «избегание борьбы». Несколько (на значимом уровне) увеличилась тенденция необщительного поведения.

Подведя итоги анализа результатов, полученных с помощью опросника «Q-сортировка», можно сделать следующие выводы: испытуемые, использующие и не использующие видео-общение, склонны к принятию в Интернет-среде групповых стандартов и ценностей; довольно общительны и стремятся устанавливать эмоциональные связи в Интернете; склонны к компромиссным решениям конфликтных ситуаций. Но все же испытуемые в Интернете более закрыты, хуже устанавливают эмоциональные отношения, чем в реальной жизни. Несмотря на все преимущества видео-общения и особенности Интернет-общения, общение в реальной жизни благодаря эмоционально-чувственному контакту, вербальной и невербальной стороне межличностного общения остается более привлекательным, доверительным и открытым.

Выводы.

1. Была разработана теоретическая модель видео-общения, в которой были выделены три стороны видео-общения: коммуникативная (средства: устная речь, визуально-кинестетический и эмоционально-чувственный контакт; растяжимость временных и пространственных границ), интерактивная (стратегии межличностного взаимодействия в Интернет-среде), перцептивная (формирование образа другого на основе визуального, вербального и невербального контакта). В данной статье приведены результаты исследования коммуникативной и интерактивной сторон видео-общения.

2. Видео-общение опирается на визуально-кинестетический и эмоционально-чувственный контакт, которые делают данный вид опосредствованного общения «живым», привлекающим пользователей. Кроме того, такой фактор как анонимность общения в основном отсутствует, что способствует отражению правдивой информации о себе в Интернет-среде.

3. У испытуемых, использующих видео-общение, повышается интерес и продолжительность диалога с собеседником. Основная мотивация – удовлетворение потребности в принадлежности и любви, а также признании.

Однако невозможно говорить о наличии преобладающих установок у пользователей, использующих и не использующих видео-общение. Общая стратегия межличностного взаимодействия определяется Интернет-средой в целом, а не способами общения.

4. Видео-общение делает общение в Интернете удобным, комфортным, максимально приближенным к реальности. Однако отношение к людям в Интернете, менее доверительное, эмоциональное и открытое, чем отношение к людям в реальной жизни. Пользователи склонны к принятию в Интернет-среде групповых стандартов и ценностей; довольно общительны и стремятся устанавливать эмоциональные связи в Интернете; склонны к компромиссным решениям в конфликтных ситуациях. Однако в Интернете они более закрыты, хуже устанавливают эмоциональные контакты, чем в реальной жизни.

Перспективы изучения данной проблемы довольно обширны. Это исследование перцептивной стороны видео-общения, изучение особенностей видео-коммуникаций у разных категорий пользователя с учетом пола, возраста, профессиональной направленности, а также эффективности видео-общения в профессиональной деятельности.

Литература

1. Алексеенко Н.Н. Психоаналитические аспекты поведения человека в киберпространстве. // Журн. практ. психологии и психоанализа. – 2000. – №3.– С.35-41.
2. Арестова О.Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология.– 1996. – №4. – С.14-20.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1996. –376 с.
4. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология.– 1996. – №4. – С.14-20.
5. Бабаева Ю.Д. Интернет: воздействие на личность / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова // Гуманитарные исследования в Интернете. – М., 2000. – 432 с.
6. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 200 с.
7. Войскунский А.Е. Моделирование общения // Речевое общение: проблемы и перспективы. – М.: Наука, 1983. – С. 16-60.
8. Войскунский А.Е. Преобразование общения, опосредствованного компьютером: Дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / А.Е. Войскунский. – М., 1990. – 187 с.
9. Войскунский А.Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопр. психологии. – 1991. – №6. – С. 142-147.
10. Войскунский А.Е. Групповая деятельность в Интернете // Психол. журн. – 1999. – Т.20, №1. – С.126-131.
11. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. – Т.3. – М., 1983. – 368 с.
12. Жичкина А.Е. Особенности социальной перцепции в Интернете // Мир психологии. – 1999. – №3. – С.72-81.
13. Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. – М., Изд-во МГУ. – 1995.
14. Иванов В.Е. Интернет в формировании диалогового пространства в социокультурной среде / В.Е. Иванов // Мир психологии. – 2000. – №2. – С. 52-56.

15. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб: Речь, 2000
16. Коул М. Культурно-историческая психология: Наука будущего. – М.: Когито-Центр, Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. – 432 с.
17. Леонтьев А.Н Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – 122 с.
18. Лепский В.Е., Рапуто А.Г. Моделирование и поддержка сообществ в Интернет (препринт). – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 96 с.
19. Ломов Б.Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С.64-93.
20. Тихомиров О.К. Теория деятельности, измененной информационной технологией. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1993. – №2. – С.31-41.
21. «Искусственный интеллект» и психология / Под ред. О.К. Тихомирова. – М.: Наука, 1976. – 342 с.
22. Тихомиров О.К. Информационный век и теория Л.С. Выготского // Психол. журн. – 1993. – Т. 14, №1. – С.114-119.
23. Харитонов А.Н. Переопосредствование как аспект понимания в диалоге // Познание и общение / Под ред. Б.Ф. Ломова, А.В.Беляевой, М. Коула. – М., 1988. – С.86-97.
24. Arestova O., Babanin L., Voiskounsky A. Psychological research of computermediated communication in Russia // Behaviour and Information Technology. – 1999. – vol. 18(2). – P. 141-147.
25. Wallace P. The psychology of the Internet. Cambridge University Press. – 1999

3.3 ДЕТЕРМИНАЦИЯ СЕНСОРНЫМИ ПРОЕКЦИЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЗРИТЕЛЯ

А.А. Кацеро, *канд. психол. наук, доцент*
Р.В. Асоев, *магистр психологии*

Теория сенсорных проекций (далее СП) является молодой философской концепцией, предложенной К.В. Титовым [1,2,3]. Данная теория направлена на объяснение особенностей функционирования представленных в ряде практикоориентированных работ [1,2] психотехник. Она стремится объединить не связанные до сих пор в единую систему некоторые особенности отдельных психических явлений. В частности процессов воображения, мышления, памяти, явления синестезии, трансферальности, внушаемости, психического заражения, невербальной коммуникации. Вместе с тем теория представлена как философская, описывающая феномены относящиеся к психической жизни человека и при логической целостности и описательных возможностях не имеющая на наш взгляд необходимого эмпирического обоснования. В частности относительно представленных в теории особенностей и свойств СП. Недостаточно раскрыты детальные механизмы функционирования данного феномена, изучение которых имеет большое значение для практического использования ряда психологических упражнений и приемов.

Таким образом, видим актуальной задачей, в том числе на примере исследования эффективности отдельных комплексных психотехник,

эмпирическое изучение отдельных свойств и особенностей феномена СП. В частности такие как: свойство комплексности, мобильности, прокоммуникативности и трансферальности, анизотропности и относительной объективности.

Среди потенциальных источников информационно-психологического воздействия как наиболее мощные К. Титовым выделяются «Телевизионные средства массовой информации» (СМИ) – «…наиболее мощный фактор, одновременно и поддающийся контролю, и сложный для детального контролирования. Здесь и недоброкачественная реклама, и продажа бесполезных товаров, и предвзятое освещение событий, и трансляция персонального и группового воздействия, и пропаганда, и возможность техногенного воздействия» [4, с.8]. В связи с чем предполагается особая подверженность зрителей негативному информационно-психологическому влиянию, а СМИ при этом выступает как источник такой угрозы.

Целью нашего исследования является изучение особенностей влияния сенсорных проекций на эмоциональные состояния зрителей. Мы предположили, что специально моделируемые сенсорные проекции могут оказывать влияние на возникновение эмоциональных состояний зрителей, вызванных просмотром видео сюжета (на примере сюжетов негативного эмоционального содержания), при этом характер влияния будет направлен на смягчение негативного изменения эмоционального состояния. Форма данного эксперимента так же позволяет проверить гипотезу относительно проявления свойств коммуникативности СП и их трансферальности.

Выборку исследования составили студенты ВУЗов Донецкой области. Возрастной диапазон испытуемых 19-28 лет, среди них 48 девушек и 12 юношей. В подборе методов невербального воздействия и проведении эксперимента принимали участие специалисты тренинговой компании ЗАО «Возможности человека».

При проведении экспериментального исследования использовались следующие методики: визуально-ассоциативная самооценка эмоциональных состояний (Н.П. Фетискин), методика предназначена для экспресс-диагностики ряда эмоциональных состояний на основании выбора эталонных масок, соответствующих, по мнению испытуемого, его состоянию в данный момент; восьмицветовой тест М. Люшера, по результатам которого определялась тревожность и вегетативный коэффициент (КВ) – показатель разработанный К. Шипошем и позволяющий регистрировать изменения психофизиологического состояния на уровне вегетативной нервной системы; с целью обеспечения влияния сенсорных проекций на возникновение эмоциональных состояний зрителей была использована методика невербального влияния – психотехника, основанная на базовых интерфейсных приемах, используемых в учебных программах ЗАО «Возможности человека»: «Проективное расширение ощущения тела» [2, С.123], «Формирование оболочки проективных обратных связей» [2, С.228], «Эталонное состояние сознания» [2, С.176], «Активное влияние на не осознаваемые коммуникационные механизмы социального взаимодействия» [1, С.92]. Суть приема состояла в увеличении «оператором

воздействия» (обученный тренер) собственного самоощущения (проективная модель схемы тела) так, что бы субъективно «охватить» всех участников эксперимента и при просмотре ими видеосюжетов сохранять собственное эмоциональное состояние, препятствуя таким образом распространению психического заражения в аудитории.

В качестве материала, оказывающего влияние на эмоциональное состояние зрителей, использовались видеосюжеты негативного содержания, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет и отобранные по таким запросам: «Самое ужасное видео», «Самое страшное видео», «Слабонервным не смотреть».

Эксперимент проводился в два этапа. На первом – испытуемые просматривали видеосюжет, проходя тестирование до и после просмотра. Далее, на основе полученных результатов, испытуемые были разделены на две группы таким образом, чтобы и в экспериментальной, и в контрольной группах обеспечить равномерность нахождения устойчивых и подверженных влиянию видеосюжетов зрителей.

На втором этапе в экспериментальной группе при просмотре видеосюжетов оператором проводилось невербальное воздействие на зрителей. В контрольной группе велся просмотр того же видеосюжета, но оператор находился в аудитории не используя методику воздействия.

В результате исследования эмоциональных состояний испытуемых посредством визуально ассоциативной самооценки до и после просмотра видеоматериала получены данные, свидетельствующие как об изменении отдельных эмоциональных состояний после просмотра видеосюжета, так и о возникновении новых, ранее не выраженных состояний.

Замечено, что до просмотра видеосюжетов на первом этапе эксперимента у испытуемых преобладает радостное (65%), и светлое, приятное (17,5%) состояние. Проявляются спокойное (10%), дремотное (2,5%) состояния. После просмотра видеосюжетов выраженность радостного состояния снижается до 17,5%, процентная выраженность приятного состояния не изменяется, возрастает выраженность спокойного (22,5%) и дремотного (12,5%) состояний; появляются безразличное (12,5%), пресыщенное (10%) и состояние неудовольствия (7,5%). Таким образом, разнообразие эмоциональных состояний в группе увеличилось, и можно предположить, что различия в изменении эмоциональных состояний испытуемых являются результатом их индивидуальных особенностей реагирования на видеосюжеты негативного эмоционального содержания.

На втором этапе эксперимента радостное состояние у зрителей до просмотра видеосюжетов преобладает и в экспериментальной и в контрольной группе, при этом после просмотра количество испытуемых находящихся в таком состоянии в экспериментальной группе снижается с 45% до 0%, а в контрольной с 50% до 28,5%, что указывает на большую устойчивость испытуемых контрольной группы к сохранению радостного состояния. Приятное состояние так же ярко выражено в двух группах испытуемых – 35% в экспериментальной и 22,5% в контрольной. После просмотра сюжетов эти

показатели снижаются, но не исчезают в обеих группах (соответственно 20% и 16,5%). В экспериментальной группе с 5% до 15% возрастает дремотное состояние, безразличное – с 5% до 10% состояния, и с 10% до 25% – спокойное. Из не проявлявшихся состояний до просмотра видеосюжетов в экспериментальной группе появляются скучающее (10%), пресыщенное (5%) и неудовлетворительное (15%). А из состояний, не проявлявшихся до просмотра видеосюжетов в контрольной группе, появляется пресыщенное (16,5%) и скука (11%); пропадает дремотное состояние (с 11% до 0%). С 5,5% до 11% возрастают безразличие и спокойствие.

Следовательно, основные (статистически достоверные) различия в проявлении эмоциональных состояний после просмотра сюжетов в экспериментальной и контрольной группе состоят в появлении в экспериментальной группе неудовлетворительного состояния (15%), при отсутствии такого и до, и после просмотра в контрольной группе. А так же возрастание выраженности дремотного состояния (с 5% до 15%) при исчезновении его в контрольной группе (с11% до 0).

В качестве метода исследования неосознаваемых переживаний, связанных с ситуативно обусловленным состоянием был использован восьмицветовой тест М. Люшера. Для сравнения подгрупп с помощью критерия G знаков (для тревожности) и Т- Вилкоксона (для КВ) были использованы числовые выражения тревожности и вегетативного коэффициента. В экспериментальной группе, находившейся под влиянием сенсорных проекций, после просмотра видеосюжетов наблюдается статистически достоверное снижение коэффициента вегетативного баланса; у испытуемых контрольной группы имеется только тенденция к такому изменению, что указывает на различия в тонусе вегетативной нервной системы у испытуемых экспериментальной и контрольной группы.

Итак, в материалах исследования обращает на себя внимание общее изменение эмоциональных состояний в сторону ухудшения, однако характер и интенсивность таких изменений в экспериментальной и контрольной группе различаются.

На основании рассмотренных выше результатов мы можем утверждать, что сенсорные проекции в виде невербальной методики воздействия посредством проективного трансфера оказывают влияние на характер возникновения, изменения эмоциональных состояний зрителей, вызванных просмотром видеосюжета. Хотя полярность такого изменения является противоположной изначально нами предполагаемой.

Наша гипотеза подтвердилась частично. Использование подобранного сенсопроективного приёма невербального воздействия на зрителей не повышает уровень психологической устойчивости зрителей, а наоборот, способствует ухудшению их эмоциональных состояний, что может быть следствием особенностей использованного невербального приёма для разработанной экспериментальной ситуации. Среди таких особенностей мы предполагаем следующие: особенности самого трансфера установки проективных обратных связей и фактор влияния групповой сплоченности,

ощущения единства с группой. По-видимому, естественное проективное ощущение единства человека с группой является более важным, смягчающим фактором при просмотре видео сюжетов негативного содержания, чем стороннее воздействие оператора посредством проективного трансфера. Полученные данные указывают на проявление в экспериментальной ситуации таких свойств сенсорных проекций как мобильность, интерперсональность и транскоммуникативность. Вышесказанное позволяет сделать вывод о возможности использования материалов, полученных в исследовании, для дальнейшего изучения особенностей применения сенсопроективного невербального влияния с целью обеспечения определённых психологических изменений на индивидуальном и групповом уровне. Также их можно учитывать при разработке приёмов, служащих для реализации ряда прикладных задач, связанных с регуляцией и саморегуляцией психических состояний человека в индивидуальной деятельности и групповом взаимодействии.

Литература

1. Верищагин Д.С., Титов К.В. Полный учебный курс школы навыков ДЭИР. 3 и 4 ступень. - СПб.: «Невский проспект», 2004. – 480 с.
2. Верищигин Д.С., Титов К.В. Полный учебный курс школы навыков ДЭИР. Ступень 1-2.- СПб: Невский проспект, 2003. – 528с.
3. Верещагин Д., Титов К. Эгрегоры человеческого мира. Логика и навыки взаимодействия. – СПб.: ИД «Афина»,2006. - 336 с.
4. Елисеев О.П., Титов К.В., Энергоинформационный подход в обеспечении информационно-психологической безопасности /Альманах ДЭИР/ - СПб.: Полиграф ЭКСПРЕСС, 2006. – 65с.
5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. - Спб.: Питер, 2002. – 497 с.

3.4 ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ К ВОЗДЕЙСТВИЮ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

И.В. Киселева, *ст. преподаватель*
Донецкий национальный университет

В условиях социально-политической нестабильности и текущих военных конфликтов одной из острых проблем психологической науки стоит сохранение адекватности, ясности сознания, эмоциональной и личностной устойчивости под воздействием противоречивой, обрывочной и манипулятивной информации. Такое воздействие может принимать разнообразные формы, распространяясь как по официальным информационным каналам, так и по неофициальным (распространение слухов, нагнетания паники, дезинформирования), и носит разные названия (пропаганда, манипулирование сознанием, информационная война).

Наиболее мощным фактором целенаправленного воздействия на сознание и личность человека являются средства массовой информации, поскольку они круглосуточно доступны представителям различных слоев общества, охватывают огромную аудиторию, имеют значительные технические

возможности донесения информации до получателя, носят развлекательный характер и тем самым вызывают интерес и даже психологическую зависимость. При затрудненности или отсутствии связи с представителями официальной власти средства массовой информации являются монополистами в предоставлении жизненно важной информации людям. Поэтому целесообразно подробное, тщательное изучение закономерностей оказываемого ими воздействия.

Начиная обзор проблемы устойчивости личности к воздействию средств массовой информации, следует определить круг рассматриваемых понятий.

Понятие воздействия СМИ на личность является частным случаем психологического воздействия информации на личность [2], т.к. согласно взглядов Г.В. Грачева, И.К. Мельника, к средствам информационно-психологического воздействия относятся следующие: средства массовой информации и коммуникации, литература, искусство, образование, воспитание, личное общение.

Проблема устойчивости личности к психологическому воздействию информации рассматривалась в работах И.В. Андреева, Е.Б. Богатовой, Т.И. Ежевской, С.П. Ивановой, В.В. Константинова, Н.Э. Лазаревой и др.

Так, согласно С.П. Ивановой, устойчивость личности проявляется по-разному, в зависимости от длительности и повторяемости информационного воздействия. Если воздействие было кратковременным, единичным, то устойчивость к нему проявляется в том, насколько быстро личность вернется к прежнему состоянию. Если воздействие было продолжительным по времени или многократно повторяющимся, устойчивость выражается в том, что личность переходит из одного состояния в другое, при этом сохраняя основные внутренние взаимосвязи [4].

По Т.И. Ежевской, устойчивость личности к воздействию информации проявляется в избирательности при выборе потребляемой информации, в умении оценивать негативность или противоречивость данной информации [3].

В своей работе по изучению устойчивости личности к негативным влияниям Интернет - технологий, И.В. Андреев, опираясь на определение устойчивости В.Э. Чудновского, связывает низкий уровень устойчивости личности с низкой самооценкой, неуверенностью в себе, низкой удовлетворенностью жизнью, чувством одиночества, негативными эмоциональными состояниями (страх неудачи, страх быть отвергнутым, чувство вины), Интернет – зависимостью [1].

Согласно исследованиям Н.Э. Лазаревой, критериями психологической устойчивости к воздействию СМИ на личность являются:

1. Критическое отношение к потребляемой информации (снижение уровня суггестивности, умение выявлять приемы манипулятивного воздействия, выборочное отношение к потреблению информации, произвольное поведение и осознанный выбор после потребления информации) – когнитивный компонент устойчивости.
2. Устойчивость эмоциональных процессов (сохранение стабильного эмоционального состояния в ответ на восприятие информации, навыки

эмоциональной разрядки, преодоление эмоционального возбуждения, вызванного информацией) – эмоциональный компонент устойчивости.

3. Устойчивость иерархии мотивов после восприятия информации (сформированная четкая иерархия мотивов, ее устойчивость к воздействию, умение анализировать причины своих действий) – мотивационный компонент устойчивости [6].

При рассмотрении проблемы воздействия средств массовой информации на личность закономерно возникает вопрос о том, все ли проявления данного воздействия требуют устойчивости личности. Воздействие СМИ на личность может иметь и положительные последствия, такие как усвоение социальных навыков, стимулирование воображения у детей, развитие личности ребенка при просмотре обучающих телевизионных передач, самовыражение в медиа (А.Г. Асмолов, Е.Е. Пронина, О.В. Петрунько, Г. Бирхофф, Р. Клемм, М. Чиксентмихайи). Кроме того, другими средствами информационно-психологического воздействия, кроме средств массовой информации, выступают искусство, литература, обучение и воспитание, которые осуществляют развитие личности.

Существуют ли разные механизмы устойчивости личности к воздействию побуждающей информации (основанной на сознательных рациональных приемах) и принуждающей (основанной на манипуляции)? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

По В.А. Петровскому, устойчивость личности – это способность противостоять внешним воздействиям, следуя своим намерениям и целям. Она проявляется двумя способами. Во-первых, как способность человека *сохранять* свои личностные позиции и *противостоять* воздействию, противоречащему его личностным установкам. Во-вторых, как способность *реализовывать* свои личностные позиции с помощью изменения обстоятельств и *саморегуляции*.

По В.Э. Чудновскому, устойчивость личности позволяет человеку «реагировать на раздражители в разнообразных ситуациях по-разному с перенесением жизненного опыта в те ситуации» (выход за пределы ситуации, ориентация на отдаленные факторы, наличие определенной гибкости, динамичности). Снижение устойчивости «приводит к приспособительному поведению, проявляющемуся в подражании, суггестивности, конформном поведении, отсутствии отдаленной цели» [10, с. 87].

Согласно Е.П. Крупник и Е.Н. Лебедевой, устойчивость личности представляет собой подвижное равновесное ее состояние, сохраняемое путем *противодействия* внешним и внутренним факторам, нарушающим это равновесие, и как *целенаправленное нарушение* этого равновесия в соответствии с задачами, возникающими при взаимодействии личности со средой. Относительно этих задач личность формирует внутреннюю модель внешней ситуации, которая и определяет ее поведение. Следовательно, устойчивость может проявляться в двух направления: как противодействие изменениям или как целенаправленное изменение личности.

Повторно обратившись к определению устойчивости личности, данному Л.И. Божович, В.Э. Чудновским, Е.П. Крупник, выясняем, что противодействие

внешним воздействиям наступает, если они противоречат личностным установкам и ценностям человека, а так же задачам, стоящим перед ним. Значит, существуют механизмы устойчивости личности, обеспечивающие, при должном функционировании, противодействие такого рода воздействию и допускающие развивающее воздействие.

Обобщив различные теоретические концепции воздействия информации на личность, мы выделили основные исследованные механизмы устойчивости личности к воздействию информации (в т.ч. СМИ). Устойчивость к воздействию информации имеет несколько механизмов своего поддержания, которые функционируют на различных уровнях личности, дополняя друг друга.

На уровне низкой осознанности и неосознаваемых явлений в личности функционируют механизмы психологической защиты. Включаясь на процессуальном этапе воздействия информации, психологическая защита, по Н.В. Зоткину, является механизмом, который предотвращает нарушение устойчивости личности, ухудшение нормального течения психической активности человека под воздействием нежелательных, социально неблагоприятных воздействий.

Согласно Р.М. Грановской, психологическая защита выступает в качестве барьера, препятствуя восприятию тревожной и опасной для личности информации. Также она препятствует осознанию информации, которая может разрушить ход мышления по решению определенной проблемы. По Ф.Е. Василюку, защитные механизмы имеют разные цели: избавить человека от амбивалентных чувств, предохранить от осознания нежелательной информации, устранить негативные эмоциональные состояния (тревогу, фрустрацию). При этом защитные механизмы являются ригидными, автоматическими, вынужденными непроизвольными и неосознаваемыми процессами отражения и регуляции, которые, в большинстве случаев, не оказывают позитивного влияния на психику.

Р. Плутчик разделял психологические защиты по степени примитивности – зрелости и зависимости их возникновения от определенных психических процессов. Филогенетически первыми в психике человека возникли механизмы, связанные с процессами ощущения, восприятия и внимания: отрицание, регрессия (т.е. информация не замечается, не понимается субъектом). Позже возникли защиты, связанные с процессом памяти: вытеснение и подавление (информация забывается субъектом). Последними возникли механизмы, связанные с процессами мышления и воображения: рационализация (переработка и изменение информации). Психологические защиты являются серьезным препятствием для осуществления психологического воздействия [5].

При неэффективности психологических механизмов защиты возможно возникновение невротических и психосоматических расстройств. Данное утверждение верно в том случае, если данная неэффективность не компенсирована механизмами устойчивости на других уровнях личности. Согласно А.Н. Фоминовой, результаты исследований отражают подчиненный характер низшего уровня уровнем более высокого порядка, что позволяет

судить о ресурсном характере связи с более высокими подструктурами личности для обеспечения устойчивости.

Более сложным механизмом устойчивости личности является психологическая адаптация, отражающая такой компонент устойчивости как гибкость, изменчивость. Согласно Ф.Б. Березину, психологическая адаптация является процессом установления оптимального соответствия личности окружающей среде в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, который позволяет индивиду удовлетворить актуальные потребности и реализовать связанные с ними значимые цели [9].

По С.А. Ларионовой, благодаря адаптации личность функционирует как система, которая сохраняет свою устойчивость с помощью взаимодействия с внешней средой и способности к самостоятельной перестройке своей организации. Данная перестройка осуществляется, согласно А.А. Налчаджан, с участием Я – концепции личности, которая поддерживает функционирование адаптивных механизмов, сравнивая реальное поведение с идеальным планом и корректируя его в случае расхождения.

Психологическая адаптация, по мнению Г.С. Никифорова, выражается не абсолютными значениями тех или иных стабильных характеристик личности, а изменением структуры взаимосвязи между ними, что сказывается на поведении индивида и его устойчивости к факторам внешней среды.

В результате теоретического анализа, проведенного А.Н. Фоминовой, были выделены изученные факторы психологической адаптации: благоприятные условия воспитания (А. Бандура), деятельность (С.Л. Рубинштейн), поисковая активность (В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский), согласованность Я – концепции (К. Роджерс), личностная идентичность (М.В. Ромм), волевые черты личности (Л. Филипс), развитое мышление (Ж. Пиаже, Л. Фестингер, Л.Г. Лаптев), эмоциональная стабильность (А.А. Алдашева), активное воображение (В.Г. Леонтьев), мотивация (Ф.Б. Березин) [9].

Согласно Е.Б. Богатовой, В.В. Константинову, устойчивость личности к воздействию информации является *результатом адаптации* психики человека к расширяющейся информационной среде. Она складывается из ряда характеристик и подкрепляется активностью человека в социуме. Такая адаптация к информационной среде достигается, по Т.И. Ежевской, неспецифическими адаптационными процессами, развертывающимися в ответ на воздействие стрессоров в системе приема и переработки информации. При этом обеспечивается ограничение числа перерабатываемых единиц информации. Данная теория согласуется с результатами исследований М. Чиксентмихайи и его коллег, согласно которым во время просмотра программ телевидения и потребления продукции других средств информации (радио, периодические печатные издания) у испытуемых снижался уровень концентрации внимания, им было сложно сосредоточиться и применить произвольное внимание, размышлять логично и критично. Можно предположить, что такое состояние испытуемых было вызвано

адаптационными процессами, проявившимися в ответ на воздействие средств массовой информации.

Теория функционирования адаптационных процессов Т.И. Ежевской находит свое подтверждение также в работах Д.В. Ольшанского, который ввел понятие мозаично – клипово - мифологическое массово-коммуникационное сознание современного потребителя продукции СМИ. Еще полвека назад через коммуникативные каналы психики, преимущественно устно, передавался ограниченный объем информации, которая усваивалась избирательно в зависимости от уровня своей значимости. Остальная информация отсеивалась как ненужная. С массовым распространением СМИ у потребителей их продукции через коммуникативные каналы психики (физиологически имеющие все те же параметры пропускной способности) стал передаваться намного больший объем информации с большей скоростью. Данный поток чаще всего состоит из информации, не имеющей значимости для человека, а, следовательно, ненужной, избыточной и вызывающей негативные эмоции. В таких условиях человек испытывает на себе постоянный переизбыток информации, а, следовательно, адаптационные процессы, ограничивающие потребление информации, действуют непрерывно. По мнению О.В. Петрунько, особенное значение имеют когнитивные механизмы защиты (механизмы-фильтры), которые регулируют попадание в сознание раздражителей, поступающих из окружающей среды.

В психике человека в таких условиях должны происходить определенные адаптационные процессы: снижение ясности сознания, нарушение логичности и критичности, уменьшение объема и устойчивости внимания, объема кратковременной памяти, что делает сознание «мозаичным», «прерывистым», «клиповым».

Эволюция психики и сознания происходит медленней, чем научный и общественный прогресс. Согласно Г.Г. Почепцову, сознание имеет привычные, выработанные филогенетически, механизмы приема информации из окружающей действительности. Психические процессы ощущения и восприятия были приспособлены к приему информации разнообразной модальности и силы для эффективной адаптации. Психика привычно воспринимает и пытается переработать большую часть информации, поступающей по коммуникативным каналам. При нарушениях функционирования психологической адаптации к воздействию информации психические перцептивные процессы могут не справляться с качественной ее переработкой. Для психических перцептивных процессов может представлять сложность выделение значимой информации из всей поступающей. Следовательно, важная информация будет отсеиваться как не значимая, а случайная, содержащая приемы манипуляции, - усваиваться.

Психологическая адаптация личности реализуется с помощью объективных знаний об окружающей действительности, умений преодолевать трудные жизненные ситуации, усвоения социальных навыков, оптимальных моделей поведения (копинг – стратегий), поисковой активности, личностного

выбора и личностного адаптационного потенциала [9]. Первые три составляющие из этого списка входят в понятие операционных механизмов.

Операционные механизмы, по Б.Г. Ананьеву, - это характеристики человека как субъекта деятельности, усваиваемые индивидом в процессе воспитания, образования, общей социализации, и носят конкретно-исторический характер. К данным механизмам также относят способы приема и переработки информации (когнитивные стили), когнитивные и коммуникативные навыки, навыки познания и трудовой деятельности. Основными когнитивными навыками являются навык рационального мышления, обнаружения когнитивных ошибок, приводящих к неадекватному переживанию и поведению, навык целеполагания, планирования, антиципации (предвосхищения).

Все они способствуют процессу адаптации, т.к. опираются на образцы, идеальные образы, образы - эталоны, которые сравниваются с реальными действиями для достижения оптимального соответствия в удовлетворении актуальных потребностей и достижения целей. Данное положение подтверждается результатами эмпирических исследований Б. Бенард, Р. Брукс, Э. Вернер, Н. Гамези, С. Лютар, Л. Полк и др., которые относили к факторам устойчивости личности эффективные стратегии преодолевающего поведения, навыки эффективной коммуникации, позитивный социальный опыт, социальную компетентность, навыки решения проблем.

Следующим психологическим феноменом, способствующим адаптации личности, является поисковая активность. Поисковая активность, по В.С. Ротенбергу, В.В. Аршавскому, - это активное поведение в условиях неопределенности, в которых человек не имеет возможности с уверенностью прогнозировать результаты своей активности, но способен к адекватной оценке каждого промежуточного результата на пути к цели и соответственной коррекции своего поведения [8]. Данное поведение у человека может проявляться в форме планирования (антиципирующее мышление, образное мышление, целеполагание, когнитивные навыки), фантазирования (творческое воображение) и любых других формах психической активности. Систематический негативный опыт (столкновение с непреодолимыми трудностями) на ранних этапах развития приводит к снижению поисковой активности, а у взрослых – к реакции отказа от поиска. Такие реакции также могут возникнуть в случаях, когда негативные последствия безрезультатного поиска становятся более значимыми и травмирующими для субъекта, чем отказ от поставленной цели. Согласно авторам, одним из факторов устойчивости психики является наличие поискового поведения. В процессе поискового поведения возникают устойчивые позитивные эмоциональные состояния, повышается активность психических процессов.

Согласно Ф.Б. Березину, еще одним явлением, способствующим адаптации, является феномен личностного выбора. Личностный выбор, по Е.Ю. Мандриковой, - это внутренняя деятельность по разрешению ситуации неопределенности посредством предпочтения одной из имеющихся альтернатив и принятия ответственности за ее реализацию. Данное понятие характеризуется

двумя основными параметрами: субъективным (основания выбора) и объективным (направленность выбора). По субъективному параметру личностный выбор может быть активным (имеющим смысловые основания) и реактивным (ситуативным, случайным). По объективному параметру – выбор неизменности (прошлого) и неизвестности (будущего), которые оба относятся к активному выбору. Именно активный личностный выбор связан, согласно исследованиям Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Мандриковой, с такими факторами устойчивости личности как личностный потенциал, жизнестойкость, толерантность к неопределенности.

Отдельно необходимо рассмотреть понятие личностного адаптационного потенциала, попадающего по своим характеристикам и в механизм адаптации личности, и в механизм личностных ресурсов. Согласно А.Г. Маклакову, личностный адаптационный потенциал является совокупностью психологических особенностей человека, включающий следующие характеристики:

1) нервно-психическую устойчивость (которая обеспечивает толерантность к стрессу на психофизиологическом уровне);

2) самооценку личности (которая является основой саморегуляции и обеспечивает определенную степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей на личностном уровне);

3) чувство собственной значимости для окружающих;

4) опыт социального взаимодействия (который формирует коммуникативные навыки, способствующие адаптации личности).

Личностный адаптационный потенциал является сложным интегральным образованием, отдельные компоненты которого исследованы как факторы устойчивости личности к воздействию информации. Роль целостного образования связана с накоплением личностных ресурсов для адаптационных механизмов личности.

Последствием неэффективного функционирования адаптационных механизмов может быть снижение стрессоустойчивости, дезадаптивные состояния, состояние выученной беспомощности. По М. Селигману, данные состояния сопровождаются подавленностью, апатией, чувством бесперспективности и безнадежности, стереотипным поведением, безынициативностью. Может возникнуть тревожное состояние, связанное с чувством неопределенной угрозы. Появляется устойчивое убеждение, что от собственного поведения ничего не зависит. На фоне этого могут развиваться психосоматические нарушения, формы зависимостей (зависимого поведения) [5].

Следующим механизмом устойчивости личности к воздействию информации рассмотрим феномен психологической установки. Психологическая установка – это состояние психологической готовности, складывающейся на основе опыта и оказывающей влияние на реакции человека относительно тех объектов и ситуаций, с которыми он связан.

Обращает на себя внимание эгозащитная функция установки, которая связана с необходимостью *поддерживать внутреннюю устойчивость* личности, вследствие чего человек приобретает отрицательную установку к любым факторам, угрожающим целостности его личности. Следовательно, изменение сформированной установки путем воздействия средств массовой информации является проблематичным, т.к. у человека возможно возникновение сопутствующей негативной установки к тем явлениям, установку к которым требовалось изменить. Данная теория подтверждается результатами исследований Л. Фестингера, согласно которой человек избирательно относится к поступающей информации, т.е. принимается информация, близкая убеждениям и взглядам конкретной личности.

Установка формируется на основе личного опыта или многократно повторяющейся ситуации или под влиянием других людей (родителей, друзей, общества, средств массовой информации).

Формирование определенной установки происходит описанным способом, если у человека отсутствуют мнения, убеждения, касающиеся того же вопроса, что и будущая установка. Если же такие убеждения уже существуют, то при предъявлении информации, противоречащей им, возникает феномен *когнитивного диссонанса*, понятие которого было введено Л. Фестингером.

Согласно Е.Е. Прониной, когнитивный диссонанс в ходе потребления продукции СМИ может проявляться следующим образом:

1) как острая негативная реакция (эмоциональная, когнитивная), которая обычно возникает при восприятии сообщений, содержащих угрозу установкам, образу Я, системе ценностей;

2) как появление амбивалентных эмоций и мыслей по отношению к полученной информации, что может свидетельствовать о противоречивости информационного послания, применении манипулятивных приемов воздействия [7].

По Л. Фестингеру, после появления когнитивного диссонанса личность испытывает потребность уменьшить его или выйти из этого состояния полностью. Существуют следующие пути выхода из когнитивного диссонанса:

1) отвержение новой информации, не соответствующей сформированным установкам (этот процесс может проходить осознанно при участии устойчивых свойств личности – ригидности, упрямства, честолюбия, критичности мышления, или неосознанно – при участии защитных механизмов личности);

2) нахождение компромисса - вместе с принятием новой информации находятся веские основания для сохранения старых установок (при помощи механизмов адаптации и саморегуляции личности);

3) изменение сформированных установок (происходящее разными способами, которые необходимо рассмотреть подробнее).

Полное отвержение новой информации, согласно В.М. Маркову, происходит при достижении определенного порога, когда субъективное ощущение диссонанса может стать чрезмерно болезненными. Тогда начинают включаться механизмы психологической защиты. Противоречивый образ может вытесняться, замещаться, но остается в подсознании. Путь компромисса избирается при возникновении умеренного диссонанса.

Изменение установок происходит при особых условиях. Как было сказано выше, сформированные установки изменить достаточно сложно. Они прочно взаимосвязаны друг с другом и образуют систему - сеть, в которой каждый элемент скреплен с окружающими. В этой системе существуют:

- периферические установки, несущие частную, второстепенную информацию: установки к конкретным людям, к познанию, эстетические, политические;
- центральные, скрепляющие данную сеть: установки к собственному Я (содержащиеся в таком устойчивом личностном образовании как самооценка, Я – концепция), моральные, мировоззренческие, которые являются наиболее устойчивыми.

Если такая система будет прочной (согласованной), механизм устойчивости личности к воздействию информации будет эффективно функционировать. В этом случае, обойти его средствам массовой информации, согласно исследованиям, возможно следующими способами:

1. Трансляцией определенной информации с большим количеством повторений длительное время, обеспечивая формирование необходимых установок у детей, молодежи и зрелых людей естественным способом. Согласно исследованиям А.В. Степановой, Р. Клемм, у детей и молодых людей, вследствие малого количества опыта и несформированной ценностно-смысловой сферы личности, усвоение установок происходит без возникновения состояния когнитивного диссонанса. По О.В. Петрунько, Г. Бирхофф, Р. Пингри, Р. Хокинз, у зрелых людей постоянное восприятие однотипной информации в течение длительного времени вызывает многократное возникновение состояния когнитивного диссонанса, решаемое сначала отвержением информации, затем – компромиссом, а позже принятием. Согласно исследованиям Г. Гербнера, которые положили основу его теории культивации, установки людей, потребляющих продукцию средств массовой информации в большом объеме, значимо отличаются от установок людей, мало потребляющих продукцию СМИ. Первая группа характеризуется преобладанием «телевизионных» представлений, значительно отличающихся от представлений, адекватных реальному окружающему миру.

2. Трансляцией информации, в которой будут преобладать соответствующие установкам человека сообщения, но будет содержаться также незначительное количество новых установок, скрытых с помощью приемов манипулятивного воздействия. По Л.Д. Столяренко, надежным методом смены установок является изменение эмоционального значения, отношения к той или иной проблеме. По А.В. Манойло, Е.Е. Прониной, Л.Д. Столяренко информация, которая проходит через перцептивные каналы и становится

образом, имеет рациональный (содержание сообщения) и эмоциональный (оценка содержания сообщения) компоненты. Любая установка человека также имеет рациональный (мнения, убеждения), эмоциональный (отношение) и поведенческий компоненты (готовность действовать определенным образом). Наличие несоответствия между рациональным и эмоциональным компонентами приводит к возникновению когнитивного диссонанса и играет побуждающую роль в разворачивании мыслительного процесса в направлении его уменьшения.

Согласно С. Лазарусу, потребление сообщений СМИ о насилии, человеческой беде, военных конфликтах, преступлениях, на которые человек никак не может повлиять своими силами, приводит к повышению тревожности, снижает психологическое благополучие личности, нарушает представления людей о справедливости, правах, законе. Данные проявления могут вносить в установки человека противоречия, т.е. вызывать внутренний конфликт, что делает *систему установок несогласованной*.

Если система установок человека является непрочной (несогласованной), механизм устойчивости личности к воздействию информации будет функционировать неэффективно.

Механизм психологической установки, выполняя свою роль по обеспечению устойчивости личности от воздействия информации, может искажать образы реальности при определенных условиях. По А.А. Гостеву, в ситуации неопределенности, при нехватке информации достройка перцептивного образа связана с механизмом поиска соответствия формируемых человеком гипотез о реальности с помощью элементов образов-эталонов (установок). В исследованиях этого феномена испытуемым нужно было представлять заданные экспериментатором образы, глядя на экран, на которые проецировались подпороговые стимулы. В результате происходило смешение образов у испытуемых: образ горизонта при проецировании на экран красного помидора превращался в образ захода солнца, а образ велосипеда при проецировании красный точек становился в сознании испытуемых старым. Таким образом, установки могут, как помогать, так и мешать контакту с реальностью в зависимости от адекватности их защитной функции.

Механизмы психологической защиты, адаптации, установки обеспечивают как защиту личности от воздействия определенной информации, которую психика сочтет угрожающей ее благополучию, так и возможность принимать и усваивать ту информацию, которую сочтет безопасной.

Рассмотренный выше перечень механизмов устойчивости личности к воздействию информации не является исчерпывающим. Рамки данного обзора не позволяют охватить все систематизированные механизмы. Кроме того, научный поиск в этом направлении продолжается, т.к. имеется множество неисследованных психических явлений, которые могут играть роль в поддержании устойчивости личности к воздействию информации.

Литература

1. Андреев И. В. Формирование психологической устойчивости студентов к негативному влиянию Интернет - технологий. Автореферат диссертации канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2008. – 24 с.
2. Грачев Г. В. Личность и общество в условиях кардинальных общественных изменений: формирование концепции информационно-психологической безопасности// Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: 2003. с. 312-330.
3. Ежевская Т. И. Личностные ресурсы в обеспечении информационно-психологической безопасности человека // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология, 2011. - №1. С. 104-107.
4. Иванова С. П. Внешние факторы психологической устойчивости личности в ранней юности и молодости // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки, 2009. - №9. – С. 130-136.
5. Куликов Л. В. Психогигиена личности: вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики /Уч. пособие. – СПб: Питер, 2004. – 464 с.
6. Лазарева Н. Э. Формирование психологической устойчивости к влиянию телевизионной рекламы на мотивационную сферу младших школьников: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. психол. наук: спец. 19.00.07 «Педагогическая психология». – Екатеринбург, 2008. -28 с.
7. Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы. - М., РИП-холдинг, 2000. – 100 с.
8. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. – М.: 1984. – 191 с.
9. Фоминова А. Н. Жизнестойкость личности. Монография. – М.: МПГУ, 2012. – 152 с.
10. Чудновский В. Э. К вопросу о психологической сущности устойчивости личности // Вопросы психологии, 1978. - №2. – С. 22-28.

3.5 ВОЗДЕЙСТВИЕ КИНО НА ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ СОЗНАНИЯ

М.И. Яновский, *канд. психол. наук, доцент,*
Е.В. Клевайчук, *специалист, выпускник специальности «Психология»,*
Донецкий национальный университет

Введение

Не вызывает сомнений, что кино влияет на модели поведения, эмоциональные состояния, мировоззренческие ценности и убеждения, Я-образы зрителя [8; 16]. Однако представляет интерес возможное неявное «форматирующее» влияние кино на сознание в целом, воздействие на характеристики структуры сознания, в частности на такой его обобщенный показатель, как степень связности, интегрированности. Исследования Ч. Тарта, выяснявшего взаимосвязь состояний сознания с его структурой, в частности обусловленность изменений состояний сознания его переструктурированием [15], дают прецедент для подобного исследования.

Фильм демонстрирует ситуации и персонажей, но, наряду с этим, он структурным построением аудиовидеоряда моделирует формы работы тех или иных психических функций человека, находящегося в определенных жизненных ситуациях [18; 23; см. также: 20]. Совокупность психических функций, взятая как скоординированная и интегрированная система, образует сознание [5]. Фильм, таким образом, воспроизводит своего рода экстернализованное, для зрителя, сознание. Значит, восприятие кино

сопровождается, наряду с восприятием персонажей и событий сюжета, созерцанием смоделированного фильмом сознания. Такое созерцание сознания воспроизводит, явно или неявно, формы самонаблюдения.

С другой стороны, поскольку самонаблюдение – это контролируемая субъектом форма коммуникации, взаимодействия различных психических функций и состояний между собой [17], то кино в своем воздействии так же, мы полагаем, должно выстраивать механизмы такой коммуникации, в т. ч. определять уровень интегрированности-дезинтегрированности сознания зрителя.

Объектом нашего исследования является воздействие кинофильма. Предмет – зависимость уровня интегрированности сознания от особенностей кинофильма. При этом в силу того, что «сквозными» функциями в структуре психики обладают внимание и память [3], именно их мы избрали показателями интегрированности сознания. Варьируемой независимой переменной в фильмах были структурные построения фильмов, воспроизводящие в определенной форме интроспекцию как форму работы сознания.

Наблюдение интенций и «рефлексия» смыслов

Как реализуется самонаблюдение?

Самонаблюдение, как показано в работе С. В. Кравкова «Самонаблюдение», является сложной деятельностью, возможность которой во многом зависит от таких психических функций как внимание и память (в частности: от распределения и устойчивости внимания; от уровня непосредственной и опосредованной памяти [7]). Действительно, если эти два психических процесса, благодаря своим «сквозным» функциям в системе психики, обеспечивают целостную работу сознания, то они обеспечивают и своего рода представленность психических функций друг другу, т. е. их коммуникацию. Разновидностью такой взаимной представленности (коммуникации) психических функций является самонаблюдение. Самонаблюдение, таким образом, это процесс, который отчасти и есть форма реализации внимания и памяти. В целом это отражает необходимо высокий уровень внутренней структурированности и интегрированности психического аппарата при самонаблюдении, способность к сложным и адекватным когнитивным синтезам.

С. В. Кравков отличал собственно самонаблюдение от процесса близкого ему, но, по его мнению, существенно иного: «рефлексии» (учитывая несколько специфический характер понимания этого термина С. В. Кравковым, мы берем его в кавычках). В его понимании самонаблюдение – это наблюдение, направленное на то, как переживаются акты сознания, интенции; «рефлексия» же – это размышление о *предметах* интенций сознания, – о смыслах (в терминологии Кравкова, воспринятой от Э. Гуссерля). Наблюдение интенций и размышление о смыслах, таким образом – два разных режима сознания.

Так, самонаблюдение, т. е. наблюдение того, как переживаются акты сознания, предполагает сопряженность психических функций, их «встречу» и, как следствие, актуализацию способности к высокоуровнему когнитивному

синтезу. Нужна ли такая же сопряженность в «рефлексии» смыслов?

По С. В. Кравкову, наблюдение того, как переживаются интенции (акты сознания), предполагает абстрагирование от их смысла (= несовершение «ошибки стимула», по Э. Титченеру [7], = реализация неконцептуального сознания, по С. Гульду [21]). Почему «наблюдение» смыслов не является собственно самонаблюдением? Потому что смысл феноменологически, для субъекта – нечто, субъекту внеположенное, то, на что сознание направлено, но не есть сознание. Смысл выражает «поле притяжения», валентность некоего объекта для субъекта. Поэтому смысл разворачивает субъекта вовне и индуцирует у него зародыш реакции вовне – интенцию. Переживание смысла вводит субъекта в режим погружения в интенцию, слияния с ней, и само по себе не имеет отношения к отстраненному ее наблюдению. Поэтому «наблюдение» смыслов не вводит субъекта во внутреннюю коммуникацию с самим собой, и, значит, в работу внутреннего координирования психических функций.

(Мы должны отличать смысл как ***значимость*** чего-либо для субъекта (так понимал смысл А. Н. Леонтьев [8]) от смысла как довербальной формы обнаружения в сознании идеи.Мы употребляем термин «смысл» в первом значении.)

Рефлексия смыслов – это индуцирование интенций, и значит импульсов к реагированию на предметы как стимулы. Но, по сути, импульсы к реагированию – это эмоционально-оценочные реакции («хорошо – плохо», «нравится – не нравится» и т. д.). Следовательно, здесь возникает *погружение* сознания в эмоциональные состояния.

Эмоциональные состояния сами по себе, в отличие от когнитивных процессов, диффузны, и не требуют высокого уровня структуризации сознания. Поэтому мы полагаем, что они не коррелируют с высокими показателями внимания и памяти.

Таким образом, самонаблюдение предполагает наблюдение интенций при абстрагировании от их смысла. Это значит, что самонаблюдение сдвигает сознание от объектов интенций к интенциям как таковым и к их внутреннему источнику – субъектности, к *самой способности* порождать интенции и сознавать их как исходящие от себя как субъекта. В своей развитой форме это – сознание своей *бытийности* [19]. (В православной традиции такое сознание называется «сердцем» [11].) Оно – источник интенций, но *само по себе неинтенционально*, т. е. беспристрастно (условно говоря, не положительно и не отрицательно, а нейтрально, как бы «нулевое»). Благодаря этому оно – основа объективного (честного) виденья реальности, без каких-либо предвзятых установок. Режим работы сознания, который переживается как усиление сознания бытийности, предположительно отличается большей интегрированностью [19].

Проблема возможности самонаблюдения

Однако как возможно наблюдение интенций? Р. Мэй [12], повторяя аргументы философов-позитивистов (О. Конт и др.), утверждал, что это невозможно, в силу того, что субъект либо занят совершением интенции, тогда

она есть, но нет ее наблюдения; либо пытается ее наблюдать, но тогда он ее не совершает, и, значит, ее нет и поэтому она ненаблюдаема. Ошибка этого суждения в том, что интенция и наблюдение рассматриваются лишь как события во временно́м ряду: происходит либо одно, либо другое. В действительности во времени – лишь явления, а то, явлением чего они являются – не во времени (как не случается во времени, например, таблица умножения как таковая, в отличие от ее применения). Если субъект наблюдает интенцию не как самостоятельный объект, а как проявление *чего-то*, определенной *сущности*, то такое наблюдение нацеливает на восхождение к сущности интенции, которая (сущность) не происходит (во времени), а, следовательно, она не может рассматриваться как элемент временно́й последовательности. *Сущность* интенции, ее сущностно-бытийная основа, в отличие от интенции как *явления*, не есть событие во времени; нет приоритетности, из какого момента времени ее наблюдать: из «сейчас» или из «пото́м». Значит, ее созерцание не имеет жесткой конкретной локализованности на оси времени. Раз так, то реализация интенции и созерцание ее истока могут быть одновременны (в силу, в определенном смысле, вневременности этого истока).

Свою «техническую» роль играют при этом память и внимание. Память выводит сознание субъекта из-под прямой зависимости от стихии временно́го потока [3]. Концентрация внимания делает сознание независимым от стихийных трансформаций состояния субъекта, которые, собственно, конституируют движение времени для сознания, создают для него временну́ю последовательность. И внимание и память включены в реализацию самонаблюдение как важные его элементы.

Напротив, смысл как элемент сознания основывается на открытии субъекту в предмете временно́й перспективы некоторого объекта [2]. Временна́я перспектива (как вообще время) возможна при раздельности прошлого, настоящего и будущего [1]. Поэтому чем сильнее контраст этих модальностей времени, тем сильнее переживание смысла. Но внимание и особенно память снимают раздельность прошлого, настоящего и будущего [3], без которой актуализация смыслов в сознании невозможна. Значит с включенностью сознания в созерцание и переживание смыслов коррелирует не улучшение, а ухудшение внимания и памяти.

Таким образом, наблюдение интенций, которое может задаваться структурными построениями фильма, предположительно коррелирует с усилением интегрированности сознания, что обеспечивается повышением показателей внимания и памяти, а погружение в смыслы – с их понижением.

Итак, мы полагаем наличие связи уровней интегрированности сознания с режимами его деятельности. В первом – смысло-ориентированном сознании (самонаблюдение минимализировано) – уровень интегрированности низкий, во втором – интенцио-наблюдающем (самонаблюдение) – интегрированность выше.

Моделирование фильмовыми структурами самонаблюдения

Как можно структурными построениями в фильме задавать наблюдение

интенций?

Самонаблюдение предполагает переход от частного феномена сознания, с его смысловым «горизонтом», к наблюдению субъектного центра, стоящего за этим феноменом сознания [20]. Это обеспечивает восхождение от частного феномена к субъектной сущности, его порождающей.

Чтобы наблюдать интенции и свою субъектность как источник интенций, нужно «децентрироваться» (Пиаже) и превратить себя в объект своего сознавания – «объектировать» себя. Осуществляла бы это цепочка кадров, в которой выполняется схема: 1) реализация интенции субъекта на какой-либо объект, 2) осознание интенции (посредством отделения интенции от ее объекта, т.е. ее обессмысливания), 3) восхождение сознания к источнику интенций – самому субъекту как некоему сущностно-бытийному центру. Для того чтобы реализовать второй и третий шаг, необходимо ввести шаг вспомогательный: субъект, как агент интенций, сначала становится объектом для восприятия другого субъекта, и, через появление позиции чужого «виденья», получает возможность, став на нее, объектировать себя, а в перспективе – и свою суть (о диалектике влиянии чужого «виденья» на самосознание субъекта см. [13]). Заметим, принятие чужой точки зрения на себя переживается как жертва индивидуальными смыслами.

Пример такой последовательности кадров:

1) объект;

2) демонстрация персонажем интенции – позиции, намерения – по отношению к объекту (п. 1 и п. 2 могут меняться местами, или совпадать в одном кадре);

3) отражение реализации этой интенции другим субъектом, что помогает непредвзято оценить свою интенцию со стороны; это выводит первого субъекта за рамки того особого смысла, который он сам вкладывает в свой объект;

4) осознание наличия интенции как некоторой объективности исходным персонажем (например, в форме переживания страдающей совести).

Рассмотрим конкретный пример реализации такого построения.

Сцена из фильма «Сталкер» (фильм А.А. Тарковского, 1979 г.; конец 1-й серии). Герои фильма оказались рядом с Комнатой исполнения желаний. Писатель вызвался пойти в нее, несмотря на уговоры Сталкера пойти другим путем.

1) Писатель, решивший идти в Комнату, разочарованно-задумчиво смотрит на Сталкера, который отобрал бутылку со спиртным. Затем он, настороженно и напряженно вглядываясь вперед, начинает идти к Комнате (*проявление интенции как некоторого намеренья-стремления Писателя*).

2) Вид на Писателя из Комнаты, неожиданно звучащие из Комнаты аплодисменты и слова: «Стойте, не двигайтесь» (*отражение интенции со стороны, Комнатой; Писатель как бы пойман врасплох на каком-то скрытом намерении; это намерение обнажилось и обессмыслилось*).

3) Смотрящие издалека на Писателя Сталкер и Профессор, к которым Писатель возвращается; затем они его обсуждают (*также отражение интенции со стороны, людьми*).

4) Писатель отказался от своего намеренья и, что существенно, выглядит он не только испуганным, но и погруженным во что-то внутреннее и удивленным (*признак потери исходного смысла*). Как будто он начал что-то замечать внутри себя (*объективация своей интенции и себя как субъекта интенции*).

Погружение в смыслы может быть смоделировано демонстрацией предметов или людей с определенным вложенным в них значимым для субъекта-зрителя содержанием, на которое он будет как-то гарантированно реагировать: что-то вкусное, красивое, смешное, сексуально привлекательное, угрожающее и т. п. Каждая такая значимость в объекте представляет возможность достижения получения чего-то во временно́й перспективе (предмета какой-либо потребности, ясности в понимании чего-то и т. д.). Т. е. перспективу получения чего-то в будущем. Например, яблоко, красивое и сочное, которое *можно* съесть; сказочный, романтический за́мок, в котором *можно* провести жизнь. Показы таких предметов могут чередоваться хаотично, а могут как бы выявлять свою смыслонаполненность за счет какой-то формы чередования (например, кадры, чередуясь, постепенно открывают какую-то картину). Здесь сознание своей субъектности редуцируется благодаря «растворению» себя в насыщенных смыслами внешних объектах (или персонажах).

Описание эксперимента

Мы исследовали изменение показателей внимания и памяти в результате воздействия различных кинофильмов.

Для компактности процедуры экспериментального исследования мы взяли короткометражные фильмы длительностью 5-10 мин.

План проведения эксперимента:

1. диагностика соответствующими методиками показателей внимания и памяти до просмотра фильма;
2. показ кинофильма;
3. повторное проведение методик.

Исследование было проведено на базе Донецкого национального университета. В исследовании приняли участие студенты разных вузов, включая специальности: культурология, филология, психология, биология, биофизика, а также медики, инженеры. Общее число испытуемых 100 человек – 75 девушек, 25 юношей. Средний возраст – 21 год. Испытуемые были поделены на условные группы. При этом каждому фильму соответствовала условная группа, которая состояла из 20 человек. Группы примерно уравнивались по составу (по возрастным особенностям – в среднем 21 год, полу и специальностям). Всего, таким образом, было 5 групп по 20 человек (одна из которых – контрольная).

Исследование проводилось небольшими подгруппами (3-7 человек). Просмотр кинофильма осуществлялся посредством показа на ноутбуке. Во время исследования контролировались посторонние влияния. После просмотра фильма он сразу не обсуждался. Эксперимент проходил в похожих условиях

для каждой подгруппы – в учебных аудиториях, примерно в одно время дня (с 11 до 15 часов). Общее время проведения одного исследования – 60-80 мин.

Показывались 4 фильма (каждой группе один фильм):

- трагедия «Она могла ее спасти»;
- комедия «Смех»;
- видовой фильм «Пейзажи»;
- отрывок фильма «Каток и скрипка».

Трагедия «Она могла ее спасти» (5 мин. 40 сек.) – с высокой степенью динамики и событий, и видеоряда, структурированным сюжетом с элементами жанра боевика и трагическим финалом, насыщенностью отрицательными эмоциями.

Этот фильм построен по описанной выше схеме самонаблюдения:

1) В начале главная героиня предстает перед нами как готовящаяся к чему-то, красящаяся перед зеркалом.

2) Она, в роли журналиста, ведет съемку боевых действий, выискивая яркие кадры, во время, когда другие люди воюют. В какой-то момент снимает человека, который оказывается объектом нападения вооруженного человека.

(*Первые кадры показывают журналистку, стремящуюся найти яркие кадры, что составляет смысл ее действий.*)

3) Человек видит фотографирующую журналистку и глазами то ли просит спасти, то ли смотрит обреченно.

(*Отражение интенции журналистки другим человеком, со стороны. Перед журналисткой объектируется и превращается в проблему исходная ее интенциональная направленность: стремление к славе*.)

4) Журналистка участвует в мероприятии, где получает награду за свой снимок человека, но не берет награду, а с рыданиями уходит из зала.

(*Героиня переживает обессмысливание своего стремления к славе; она страдает от моральной рефлексии себя.*)

П. 4, на наш взгляд, проявляет восхождение к осознанию сущности того, что лежало в основе совершенных действий.

Отметим, что такое осознание сопряжено с обессмысливанием ранее совершенных действий.

Комедия «Смех» (длительность – 6 мин. 40 сек.) – фильм со средней динамичностью и простым сюжетом: угрюмых и «обезличенных» пассажиров метро заражает своим смехом вновь вошедший пассажир. Видеоряд построен как чередование кадров-иллюстраций к определенным типам социального поведения.

В начале фильма показаны пассажиры, едущие в метро, каждый в своем «мирке». В вагон заходит человек, который через некоторое время начинает хохотать и своим хохотом заражает всех остальных. Весь вагон начинает смеяться, так, что к концу короткометражки лица всех пассажиров наполняются жизнерадостностью и взаимной симпатией.

Данный фильм построен на демонстрации череды персонажей, каждый из которых представляет какой-то «жизненный мир» (тем самым погружает нас в созерцание определенных индивидуальных или социальных смыслов), к концу

фильма их всех объединяет причастность к появившемуся общему смыслу («быть вместе и в радости»).

Видовой фильм «Пейзажи» (7 мин. 20 сек.) представляет собой череду ярких, необычных пейзажей, животных – без четкого сюжета; он аудиально спокоен и окрашен настроением восхищения природой.

Данный фильм – видовой, с романтичными видами природы, которые возникают один за другим. Величественность все новых и новых видов захватывает зрителя, погружает в переживание их природной красоты.

В нашем исследовании оба эти фильма («Смех» и «Пейзажи») были выбраны, как предположительно реализующие переживание смыслов («быть вместе и в радости» и «созерцание величия природы»). Оба фильма эмоционально позитивны. Однако наша гипотеза состоит в том, что не эмоции являются существенным фактором уровня внимания и памяти, а реализуемое фильмом структурирование сознания зрителя, его влияние на интегрированность и структурированность сознания. Наблюдение смыслонасыщенных объектов, снижая эти характеристики сознания, снижает и уровни внимания и памяти, как процессов, осуществляющих интегрированность и структурированность.

Отрывок фильма «Каток и скрипка» (10 мин. 20 сек.) отличается спокойным, позитивным настроением; фильм снят несколько необычным образом – как пластично перетекающие друг в друга взгляды на мир: мальчика (главного героя), рабочего, учительницы, девочки и т. д.

Этот отрывок состоит из трех завершенных сцен: 1) выход главного героя (мальчика) из дома, встреча с враждебно настроенной мальчишеской компанией; 2) прогулка по солнечному городу; 3) ожидание урока музыки и сам урок музыки. Течение ткани фильма здесь построено как постоянная трансформация точки зрения на предметы и среду (мальчик спускается по лестнице, видит другого мальчика; первый мальчик проходит мимо, второй смотрит ему вслед; мимо второго пробегает третий, мимоходом, в шутку, ударяя его своей фуражкой). Причем точки зрения в фильме как бы транслируются от персонажа к персонажу как обмен импульсами, инициирующими дальнейшие действия персонажа (девочка, пришедшая на урок музыки, посмотрела на мальчика – главного героя фильма, и он стал доставать яблоко, стучать пальцем по нотам и т. д.). Это – субъект-субъектные взаимодействия, в которых субъекты также становятся друг для друга и объектами восприятия и взаимовоздействия. Такой способ построения течения фильма близок к интенцио-наблюдающему (см. описание примеров выше), с той разницей, что здесь важное место занимает созерцание объектов окружающего мира активизированным созерцательно-бытийным сознанием. Это позволяет совмещать режим наблюдения переживания интенций (самонаблюдение) с наблюдением внешних объектов. Следствие такого совмещения то, что наблюдение объектов происходит через призму себя как бытийного центра, что открывает возможность восхождения к переживанию бытийным центров вещей.

В нашем эксперименте четыре короткометражных фильма выступали как

носители вариаций независимой переменной: через различные структурные построения последовательности сцен, персонажей, событий, кадров – моделирование режимов сознания зрителя, и тем самым – уровней самонаблюдения. Зависимой переменной были изменения уровня интегрированности сознания зрителя. В нашем исследовании показателями такой интегрированности использовались характеристики внимания и памяти.

Методики

Диагностировались изменения таких параметров:

1.*Концентрацияиустойчивостьвнимания* (тест «Перепутанные линии» по Риссу).

На рисунке – ряд линий, перепутанных между собой, задача испытуемого – проследить каждую линию слева направо. Время выполнения задания – 7 мин.

Ошибки и скорость выполнения задания характеризуют концентрацию и устойчивость внимания.

Обработка сводится к подсчету числа правильно, без ошибок прослеженных линий [14].

2.*Уровень распределения и устойчивости внимания* (методика «Таблицы Шульте»).

Поиск чисел в определенной последовательности по таблицам, где числа распределены случайным образом. Распределение и устойчивость внимания оцениваются по показателю эффективности работы» (ЭР). Дополнительно мы проверяли также степень «врабатываемости» (ВР).

Показатели вычисляются по формулам:

$ЭР = (t_1 + t_2 + t_3 + t_4 + t_5) / 5$, где t_i – время работы за i-й отрезок времени.

Обычно испытуемые ведут поиск чисел в таблицах равномерно, иногда наблюдается ускорение темпа в последующих таблицах. Неравномерность скорости выполнения работы может быть признаком особенностей врабатываемости и психической устойчивости.

Степень врабатываемости (ВР) вычисляется по формуле:

$ВР= t_1 / ЭР$

Результат меньше 1,0 – показатель хорошей врабатываемости, соответственно, чем выше 1,0 данный показатель, тем больше испытуемому требуется подготовка к основной работе [10].

3.*Активность произвольного внимания, объем внимания и памяти* (методика «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия) [6].

Для обработки результатов эмпирического исследования использовался t-критерий Стьюдента.

Результаты эмпирического исследования и их анализ

К сожалению, имели место различия между четырьмя экспериментальными группами до экспериментального воздействия (до просмотра фильмов), что означает определенное исходное неравенство групп, недостаточную их рандомизированность. С другой стороны, различия между группами после просмотра фильмов возросли. Действительно, ниже мы увидим

очевидные различия в том, как какой фильм влияет на показатели.

При статистической обработке сравнивались данные «до» и «после» просмотра кинофильмов, в некоторых случаях – данные «после» из экспериментальных групп с данными «после» из контрольной группы. Введение в исследование контрольной группы, в которой все методики проводились дважды (условно – «до» и «после»), так же, как и в экспериментальных группах, обусловлено необходимостью учитывания эффекта научения при проведении методик. Однако полученные результаты в контрольной группе показали отсутствие существенного изменения результатов при повторном тестировании (кроме методики «Перепутанные линии», где произошло достоверное улучшение результата). Это означает, что в использовавшихся нами методиках эффект научения при повторном проведении методик как правило не играл существенной роли (за исключением вышеупомянутой методики). Следовательно, мы имеем основание сравнивать в экспериментальных группах данные «до» с данными «после», рассматривая неравенство этих данных как результат воздействия именно того или иного кинофильма.

Результаты по методике «Перепутанные линии» (по Риссу)

Различия есть как в интенсивности влияния фильмов, так и направленности (положительном или негативном влиянии на внимание).

Таблица 1

Средние показатели по методике «Перепутанные линии» до и после просмотра фильма (*концентрация* и *устойчивость внимания*)

Фильм	до	после	изменение показателя
комедия «Смех»	8,8±3,58	8±4,71	– 9,1 %
трагедия «Она могла ее спасти»	8,8±4,87	12,5±5,21	+ 42 %
видовой фильм «Пейзажи»	5,4±3,66	7,05±3,38	+ 30,5 %
фильм «Каток и скрипка»	7,8 ±3,66	9,3 ±4,34	+ 32,1 %
контрольная группа	7,25±3,29	9,3±3,6	+ 28,3 %

По t-критерию, при сравнении в группах результатов «до» и «после», однозначных утверждений сделать невозможно, поскольку различия были и в экспериментальных, и в контрольной группах ($p \leq 0,05$; кроме группы, смотревшей комедию). В контрольной группе по этой методике явно наблюдался эффект научения. Он состоял в росте показателя на 28,3 % (2,05 единицы). Примерно тот же результат сохранялся и в группах, где были показаны видовой фильм и фильм «Каток и скрипка». Это говорит о том, что изменение данного показателя при воздействии этих кинофильмов также связано с эффектом научения, а не воздействием самих фильмов. Если принять, что эффект научения в среднем улучшает показатели на 28,3 %, то видно, что трагедия улучшает показатели сверх эффекта научения (плюс 13,7 % вдобавок к

28,3%), а комедия ухудшает показатель, несмотря на эффект научения. Это хорошо иллюстрируется наклоном линий, эквивалентных изменению показателей, на рис. 1 и особенно на рис. 2.

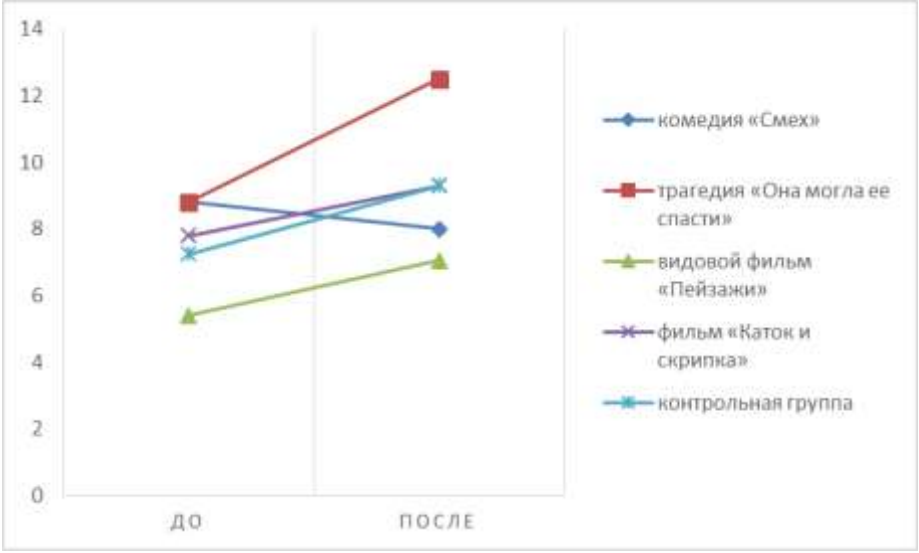

Рис. 1. Средние показатели по методике «Перепутанные линии» до и после просмотра фильма (*концентрация* и *устойчивость внимания*).

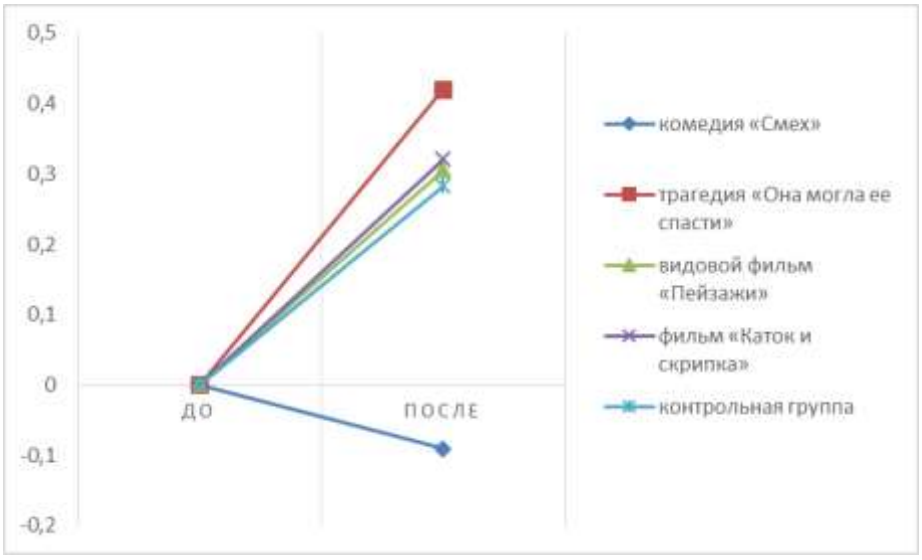

Рис. 2. Относительное изменение показателей по методике «Перепутанные линии» до и после просмотра фильма (*концентрация* и *устойчивость внимания*).

Угол наклона линии в контрольной группе может рассматриваться как «нулевое» влияние кинофильма, а заметное отклонение от этого наклона – как признак наличия того или иного эффекта. Хорошо видно, что наклон линии видового фильма практически совпадает с наклоном контрольной группы, в трех других фильмах – наклон заметно отличается. Особенно очевиден эффект ухудшения показателя после просмотра «комедии».

Полученные данные частично подтверждают нашу гипотезу. Фильм «Она могла ее спасти» способствовал повышению концентрации и устойчивости внимания, правда не очень значительному. Концентрация – обеспечение сознанию способности не «скользить» по поверхности предмета внимания, а

фокусироваться и «вникать» в его сущность. Что, как мы говорили выше, и характерно для собственно самонаблюдения, как наблюдения сущности интенций.

Фильм «Смех» значительно снизил концентрацию и устойчивость. Значит, он, напротив, переводит сознание в режим «скольжения» по поверхностям объектов. Данный фильм, по нашим предположениям, воспроизводит процесс погружения в эмоциональные реакции на смыслы объектов (пассивно-рефлекторное реагирование), что, вероятно, приводит к редуцированию интегрированности сознания.

Нашей гипотезе не соответствует отсутствие ухудшения внимания после видового фильма. На наш взгляд, объяснить полученный результат можно не отменяя гипотезу в целом, а уточнив ее. Вероятно, видовой фильм не есть созерцание смыслов объектов. Созерцание видов природы, «проплывающих» перед зрителем, по-видимому, воспроизводит *отрешенное* созерцание потока образов (применяемое в некоторых практиках самосозерцания). Мы бы оценили это как промежуточную форму самонаблюдения, которая и не погружение в переживания смыслонасыщенных объектов, но и не восхождение к сущности интенций, своему бытийно-созерцательному центру. Потому и эффект здесь носит промежуточный характер.

Результаты по методике «Таблицы Шульте»

По данной методике мы можем определить изменение *распределения* и *устойчивости* внимания, которые здесь выражаются показателем эффективности работы» (ЭР). Дополнительный показатель: «врабатываемость» (ВР) – эффективное начало работы в тесте (т. е. выражение пластичности, *переключаемости* внимания).

Таблица 2

Средние показателя «эффективность работы» (ЭР) по методике «Таблицы Шульте» до и после просмотра фильма (*распределение* и *устойчивость* внимания)

Фильм	до	после	Значимость различия по t-критерию
комедия «Смех»	34,90 ±8,28	34,79 ±9,00	0,94
трагедия «Она могла ее спасти»	33,96 ±7,69	32,53 ±7,64	≤ 0,09
видовой фильм «Пейзажи»	36,40 ±13,58	34,65 ±12,73	0,23
фильм «Каток и скрипка»	34,56 ±5,76	32,91 ±7,19	0,19
контрольная группа	32,22 ±6,76	31,50 ±7,71	0,44

По таблице 2 видно, что в контрольной группе результат «до» и «после» практически одинаков. Следовательно, эффект научения в данной методике малосущественен, распределение внимания оказывается довольно устойчивой характеристикой. Значит, если после просмотра значения показателя меняются, то можно считать, что это вследствие воздействия кинофильма.

Не возникли значимые изменения распределения внимания после видового фильма, фильмов «Смех» и «Каток и скрипка».

После фильма «Она могла ее спасти» мы выявили улучшение показателей ЭР среднего показателя в группе с 33,96 до 32,53. По t-критерию Стьюдента достоверность этого различия составляет $p \leq 0,09$, что свидетельствует о тенденции улучшения показателя.

Чтобы объяснить это, нужно учесть, чтó такое распределение внимания в контексте его «сквозной» функции в сознании. Распределение – это способность «собирать», интегрировать компоненты и уровни сознания в систему. Если концентрация внимания – это вникание в сущность чего-либо, но за счет подавления содержаний сознания, противоречащих основной направленности концентрации, то распределение координирует их, создает возможность их «сотрудничества». Кроме того, именно распределение внимания создает техническую возможность непосредственного (как бы «в режиме on-line») самонаблюдения: одновременность параллельно реализации интенции и вникания в ее сущность.

Врабатываемость (ВР) – показатель внимания, который выказывает, насколько быстро человек включается в работу; он имеет отношение к переключаемости внимания.

Таблица 3

Средние показателя «Врабатываемости» (ВР) по методике «Таблицы Шульте» до и после просмотра фильма (*переключение* и *распределение* внимания)

Фильм	до	после	Значимость различия по t-критерию
комедия «Смех»	1,00 ±0,25	0,93 ±0.16	0,28
трагедия «Она могла ее спасти»	1,08 ±0,24	0,93 ±0,16	≤ 0,03
видовой фильм «Пейзажи»	1,12 ±0,18	1,00 ±0,14	0,07
фильм «Каток и скрипка»	1,01 ±0,12	0,93 ±0,12	≤ 0,05
контрольная группа	1,00 ±0,12	1,00 ±0,21	-

В группах, где показывался фильмы «Она могла ее спасти» и «Каток и скрипка», сдвиги этого показателя после просмотра оказался статистически значимыми ($p \leq 0,03$ и $p \leq 0,05$), тогда как в контрольной изменений не выявилось. Следовательно, здесь также изменения не имеют связи с эффектом научения и вызываются влиянием просмотра фильма. В других группах изменения не достигли порога значимости. В то же время в группе, где показывался видовой фильм, сдвиг этого показателя после просмотра по t-критерию оказался значимым на уровне тенденции. Таким образом, хотя и менее однозначно, мы можем говорить о том, что врабатываемость, возможно, несколько изменилась также под влиянием просмотра видового фильма. Единственный фильм, который явно не оказал воздействие на показатель ВР – комедийный.

Для интерпретации этих результатов следует уточнить, чтó в нашем

контексте означает врабатываемость. Врабатываемость – это скорость вхождения внимания в эффективный рабочий режим. Это своего рода пластичность внимания, «послушность», подконтрольность его сознанию, т. е. степень его произвольности. Вероятно, такая «послушность» внимания определяется как состоянием (резервом) нервно-психической энергии субъекта, так и синэргией разных уровней сознания (высших и низших), их соподчинением. В самонаблюдении это играет важную роль: это способность замечать «тонкие», едва заметные содержания сознания (замечать – значит стыковывать основную «плоскость» сознания с его другими неявными «плоскостями», что равносильно той же синэргии уровней сознания. Фактически это эквивалентно способности расширять границы сознания, без чего продуктивное самонаблюдение невозможно). Мы вправе предположить, что фильм «Она могла ее спасти», «Каток и скрипка», а отчасти – видовой фильм, воспроизводя, в большей или меньшей мере, работу самонаблюдения, воспроизводят и синэргию уровней сознания, что ведет к изменению врабатываемости.

Результаты по методике «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия

Достаточно важным диагностическим инструментом в нашей работе стала методика «Заучивание 10 слов».С помощью этой методики мы могли выявить объем внимания и памяти и уровень произвольного внимания. Важно и то, что эта методика проводилась одной из первых, поэтому она хорошо отражает ближайший эффект различных кинофильмов.

Таблица 4

Средние показатели по методике «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия до и после просмотра фильма (*объем*кратковременной памятии внимания иуровень произвольного внимания)

Фильм	до	после	изменение относительно исходного уровня	значимость различия по t-критерию
комедия «Смех»	7,7±1,26	6,1±1,25	– 21 %	≤ 0,001
трагедия «Она могла ее спасти»	6,8±0,95	6,7±1,03	– 1 %	0,54
видовой фильм «Пейзажи»	7,45±1,28	6,3±1,03	– 15 %	≤ 0,001
фильм «Каток и скрипка»	7,05 ±1,15	6,2 ±0,95	– 12 %	≤ 0,02
контрольная группа	7,65±1,50	7,75±1,33	+ 1 %	0,76

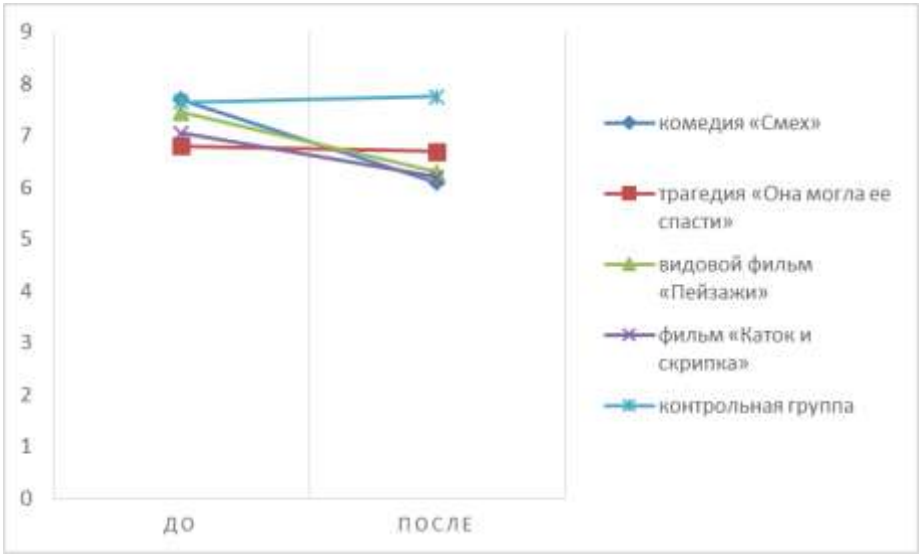

Рис. 3. Средние показатели по методике «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия до и после просмотра фильма

Для наглядности изобразим также относительные изменения показателей (Рис. 4).

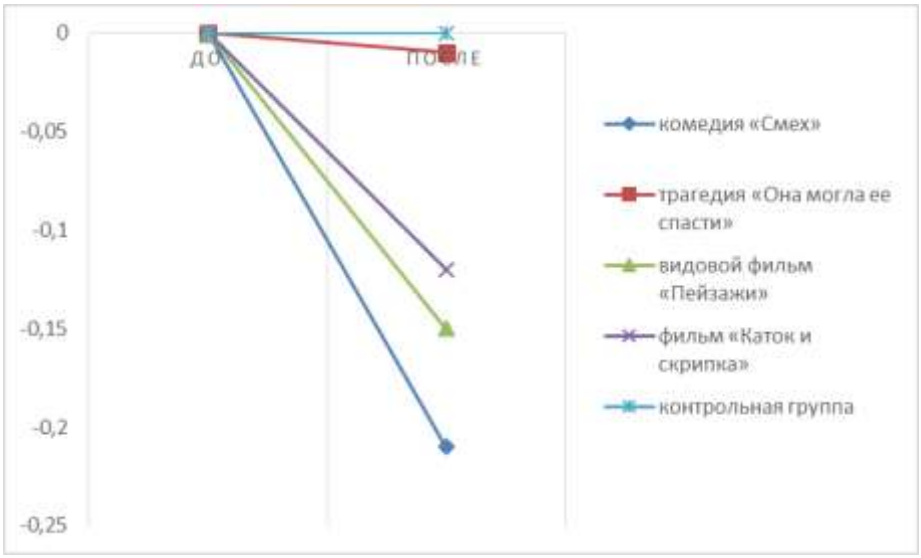

Рис. 4. Изменение показателей по методике «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия после просмотра фильма относительно исходного уровня

В контрольной группе результаты при повторном тестировании не изменились, что свидетельствует об отсутствии эффекта научения в данной методике.

После фильма «Она могла ее спасти» так же, как в контрольной группе, результаты не изменились. По-видимому, этот фильм не затрагивает психологических механизмов, от которых зависит данный показатель.

Просмотры фильмов «Каток и скрипка», «Пейзажи» и особенно «Смех» привели к снижению объема кратковременной памяти.

Что такое объем внимания и кратковременной памяти? Это своего рода зона коммуникации, встречи разных актуальных для субъекта психических процессов. Увеличение объема означает вмещение этой зоной разных

процессов при сохранении их относительной автономии, что можно трактовать как создание своего рода многомерного квази-пространства. При неупорядоченности этого квази-пространства вероятно происходит взаимоперебив этих процессов, что приводит к сужению объема. Так, существуют данные, что эффективность внимания и кратковременной памяти (и, значит, зона ясного сознания) падает после восприятия бессвязной поверхностной информации. Если испытуемому предварительно подается набор стимулов (например, букв), не имеющий семантической связности, то это приводит к последующему сокращению количества распознаваемых стимулов – букв или цифр (эксперименты Б.М. Величковского и др. [4] и Д. Лабержа [22]). Вероятно при бессвязном потоке информации временно блокируется функциональный интегративный центр сознания. Формируется своего рода режим уплощения, т. е. уменьшения мерности сознания. В фильмах это может быть следствием в целом блокировки сопряжения сознания зрителя со своей субъектностью, т. е. значит блокировки самонаблюдения. Действительно, самонаблюдение – классический пример выстраивания в сознании многомерного квази-пространства: в самонаблюдении психический процесс и его прослеживание – это два раздельных, но одновременно сопряженных измерения. В несопряженной, бессвязной системе элементы как бы теряются друг для друга, что и выражается в уменьшении объема кратковременной памяти. Избавление зрителя фильмом «Смех» (отчасти – фильмами «Пейзажи» и «Каток и скрипка») от восхождения к своей субъектности (интегративному измерению внутренней жизни индивида) приводит, таким образом, к функциональному вре́менному регрессу сознания, что, соответственно, отражается на сокращении объема кратковременной памяти.

Этого нет в фильме «Она могла ее спасти», поскольку он возводит сознание к субъектному бытийному самосознанию, и этого нет в контрольной группе, где испытуемые оставались в рамках обычного обыденного самосознания.

Завершая анализ результатов, отметим, что возможна альтернативная интерпретация полученных изменений параметров внимания и памяти: влиянием эмоционального тона фильмов. С такой точки зрения, фильм-трагедия, вызывающий интенсивные отрицательные эмоции, активизирует, мобилизует состояние зрителя и тем улучшает показатели. Эмоционально-положительные фильмы – «расслабляют» зрителя. Данной версии, однако, противоречит значимое улучшение переключения внимания под влиянием эмоционально положительного фильма «Каток и скрипка».

Выводы

По нашей гипотезе кинофильм влияет на структуру сознания зрителя благодаря тому, что он организован какмоделирование форм работы и структур сознания. Восприятие кино – это, в определенной степени, аналог наблюдения сознания, т. е. самонаблюдения.Поскольку же самонаблюдение – это форма коммуницирования разных компонентов и уровней сознания, то

киновосприятие регулирует особенности и степень такого коммуницирования у зрителя. Причем фильм может оказывать влияние на такое коммуницирование как в положительную, так и отрицательную сторону. Тем самым фильм влияет и на проявления «коммуницированности», связности, интегрированности сознания: на внимание и память.

Мы рассматриваем самонаблюдение как наблюдение переживаемых интенций (актов сознания, желаний, намерений и т. п.), которое восходит к их субъектной основе, субъектно-бытийному центру. Противоположность самонаблюдению – погружение сознания в переживание эмоциональных реакций на значимые, насыщенные смыслами объекты сознания (в т. ч. образы).

На этом основании мы разделили использовавшиеся в эксперименте фильмы.

Фильм, который своей структурой воспроизводил самонаблюдение как восхождение к субъектной основе своей интенциональности («Она могла бы спасти ее»), вызвал у зрителей некоторое повышение уровня *концентрации* и *устойчивости* внимания (методика «Перепутанные линии»), тенденцию к повышению *распределения* и *устойчивости* внимания (методика «Таблицы Шульте»), повышение *переключаемости* внимания (методика «Таблицы Шульте»).

Фильм, который воспроизводил своей структурой погружение сознания в восприятие и оценку людей как нагруженных социальными смыслами объектов («Смех»), вызвал у зрителей значительное снижение уровня *концентрации* и *устойчивости* внимания (методика «Перепутанные линии»), снижение *объема* кратковременной памяти и, вероятно, в целом произвольного внимания (методика «Заучивание 10 слов»).

Фильм, который воспроизводил отстраненное созерцание потока образов («Пейзажи»), вызвал у зрителей тенденцию к снижению *переключаемости* внимания (методика «Таблицы Шульте»), снижение *объема* кратковременной памяти и в целом произвольного внимания (методика «Заучивание 10 слов»).

Фильм «Каток и скрипка», который структурно является своего рода смесью фильмов, моделирующих самонаблюдение и отстраненное созерцание потока образов, вызвал повышение *переключаемости* внимания (методика «Таблицы Шульте»), снижение *объема* кратковременной памяти и в целом произвольного внимания (методика «Заучивание 10 слов»).

Таким образом, кинофильмы оказывают влияние на показатели внимания и памяти зрителя, что может рассматриваться как свидетельство способности фильмов воздействовать на структурированность и интегрированность сознания зрителя. Фильмы могут приводить к временной оптимизации работы сознания или, наоборот, к его вре́менному функциональному регрессу.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
2. Березина Т.Н. Смыслы жизни, добро, духовное развитие, определение их значения // Мир психологии. 2008. № 2. С. 105-116.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл,

1998.
4. Величковский Б.М., Каптелинин В.Н. Зрительные автоматизмы и эффект превосходства слова // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1983. № 1. С. 42-58.
5. Выготский Л.С. О психологических системах [1] // Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С. 109-131.
6. Заучивание 10 слов: методика предложена А.Р. Лурия // Альманах психологических тестов / Издание 2-е. М.: КСП, 1996. С. 92-94.
7. Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.
8. Кубрак Т.А. Специфика психологического воздействия кинодискурса // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. (Труды Института психологии РАН). С. 202-222.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
10. Методика «Таблицы Шульте» // Альманах психологических тестов. – Издание 2-е. – Москва: КСП, 1996. – С. 112-116.
11. Митрополит Иерофей (Влахос). Православная психотерапия. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
12. Мэй Р. Любовь и воля / Перев. О.О. Чистяков и А.П. Хомик. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997.
13. Сборник психологических тестов. Часть II: Пособие / Сост. Е.Е. Миронова. Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2006. С. 14-17.
14. Станковская Е.Б. От взгляда Другого к другому взгляду на себя: опыт герменевтики // Мир психологии. 2014. № 4. С. 97-106.
15. Тарт Ч. Состояния сознания / Пер. В. Н. Поруса // Магический кристалл: Магия глазами учёных и чародеев. М: Республика, 1992. С. 180-247.
16. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: прайм-Еврознак, 2002.
17. Чуприкова Н.И. Интроспекция и явления сознания в системе естественнонаучной психологии // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 3-20.
18. Эйзенштейн С.М. Психологические вопросы искусства / Под ред. Е.Я. Басина. М.: Смысл, 2002.
19. Яновский М.И. Внимание как критерий оценки состояния сознания // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 91-97.
20. Яновский М.И. Психологическая природа восприятия «связки» между кадрами в монтаже // Психологический журнал. Т. 29. 2008. № 1. С. 46-53.
21. Gould, S. Multimodal Introspection Theory // Self-observation in the social sciences / Joshua W. Clegg, editor. N.J.: Transaction Publishers, 2013. P. 121-146.
22. LaBerge D. Spatial extent of attention to letters and words // Journals of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1983. V. 9. N 3. P. 371-379.
23. Münsterberg, H. The Photoplay: A Psychological Study. N. Y.: Appelton, 1916. Republished: N. Y.: Dover, 1970.